

Герберт Уэллс

Морская дама. Узор из лунного света

<http://book.zehinli.info>

Анонс

Неизвестный в России роман Герберта Уэллса - картина уходящей викторианской Англии, полная гротеска, лиризма и невероятной фантазии. Русалка поселяется среди людей, и в нее влюбляется многообещающий молодой политик...

Глава I

ПРИШЕСТВИЕ МОРСКОЙ ДАМЫ

I

Все прежние случаи появления на суше русалок, сведения о которых до нас дошли, отмечены печатью сомнительности. Даже весьма обстоятельный рассказ о той морской даме из Брюгге, что была столь искусна в вышивании, дает известные основания для скептицизма. Должен сознаться, еще год назад я ничему подобному не верил. Однако теперь, перед лицом неоспоримых фактов, касающихся хорошо известных мне людей, и благодаря тому, что мой троюродный брат Мелвил (по линии семейства Ситен-Кару) оказался главным очевидцем происшедшего, эти старинные легенды представляются мне в совершенно ином свете. Тем не менее весьма большое число людей приложило немалые усилия с целью замять эту историю, и, если бы не мои усердные расспросы, лет через сорок ей наверняка суждено было бы выглядеть такой же сомнительной, как и те давние легенды. Даже сейчас распространено мнение, будто... Впрочем, в попытках замолчать ее они, несомненно, столкнулись с исключительными трудностями, и то, что им столь многое удалось, показывает, какое большое значение придается в подобных случаях сохранению тайны.

Что касается местности, где разыгрались эти события, то здесь, по крайней мере, нет ничего загадочного или неясного. Они начались на пляже чуть восточнее Сандгейт-Касла, в сторону Фолкстона, а закончились менее чем в двух милях оттуда - на пляже у самого фолкстонского пирса. Начало им было положено в погожий, солнечный августовский день прямо под окнами полудюжины домов. На первый взгляд одного этого достаточно, чтобы всеобщее неведение о них представлялось почти невероятным. Однако в дальнейшем ваше мнение на этот счет, возможно, изменится.

В тот день две очаровательные дочери миссис Рандолф Бантинг отправились купаться в обществе гостившей у них мисс Мэйбл Глендауэр. Главным образом со слов этой последней, а также миссис Бантинг я смог по частям восстановить доподлинные обстоятельства появления Морской Дамы. От старшей мисс Глендауэр, сестры Мэйбл, хотя она и была главным действующим лицом почти всех

последовавших событий, я не получил, да и не пытался получить вообще никаких сведений.

Здесь замешан вопрос о ее чувствах - а они в данном случае, как мне представляется, должны быть весьма непростыми. Что вполне естественно. Так или иначе, обычная бесцеремонность, свойственная литераторам, мне изменила, и затронуть их я не осмелился...

Вам следует знать, что виллы восточнее Сандгейт-Касла расположены особенно удачно: принадлежащие им сады спускаются к самому пляжу и не отделены от него ни эспланадой, ни дорогой или тропинкой, как у девяноста девяти из ста домов, выходящих на море. С площадки подъемника у западного края лежащих на возвышенности Лугов хорошо видно, как они теснятся внизу, у самого моря. А из-за того что в этой части побережья вдоль берегового обрыва устроено множество высоких защитных бун, пляж здесь практически отрезан ими, и доступа на него извне нет, разве что во время отлива, когда можно обойти буны со стороны моря. Вследствие этого в купальный сезон здешние дома пользуются огромным спросом, и многие владельцы обычно сдают их на лето состоятельным господам из хорошего общества.

В их число, бесспорно, входило и семейство Рандолфа Бантинга. Правда, оно не принадлежало к аристократии или хотя бы к тем, кого газеты могут, не получив за это дополнительного вознаграждения, назвать "людьми благородного происхождения". Никаких прав на родовой герб у них не было. Однако, как иногда замечала миссис Бантинг, они ни на что подобное и не претендовали, будучи (как и каждый в наше время) чужды снобизма. Они были всего лишь скромные Бантинги - что называется, "люди достойные", происходившие из многочисленного хэмгшпрского рода, излюбленным занятием которого было пивоварение, и независимо от того, смогли бы или нет газеты за соответствующую мзду доказать их "благородство", не может быть сомнения, что миссис Бантинг имела полное право называться "дамой", а мистер Бантинг и Фред изо всех сил старались держаться джентльменами, и все их поступки и помыслы отличались деликатностью и утонченностью.

А еще в то время у них гостили две мисс Глендауэр, которым миссис Бантинг с тех пор, как умерла миссис Глендауэр, отчасти заменяла мать. Обе мисс Глендауэр приходились друг другу сводными сестрами и были, бесспорно, благородного происхождения, принадлежи к сельскому дворянскому роду, который лишь в последнем поколении снизошел до торгового сословия и сразу же, подобно Антею, восстал с новыми силами и новым богатством. Наследницей этого богатства стала старшая сестра Эделин, в жилах которой и текла кровь коммерсантов. Она в самом деле была очень богата, а кроме того, у нее были темные волосы, серые глаза и очень серьезные взгляды на жизнь. Когда ее отец умер, что случилось незадолго до смерти ее мачехи, она уже приближалась к самому концу поздней молодости: скоро ей должно было исполниться двадцать семь. Раннюю свою молодость она посвятила отцу, отличавшемуся крайней раздражительностью, что напоминало ей о юных годах Элизабет Баррет Броунинг. (Броунинг Элизабет Баррет (1806-1861) - пользовавшаяся в свое время большой известностью английская поэтесса). Но когда он переселился в тот мир, где, несомненно, получил большой простор для выражения своего нрава, - ибо что есть наша здешняя жизнь, как не школа обуздания характера? - она наконец вырвалась на свободу. Стало очевидно, что она всегда отличалась самостоятельностью мнений, весьма определенных и неглупых, и накопила немалый

запас энергии и честолюбия. Развернувшись и созрев, она превратилась в явную и критически настроенную сторонницу социализма, расцветала на политических собраниях и теперь была помолвлена с блестящей и многообещающей, но несколько экстравагантной и романтической персоной - Гарри Чаттерисом, племянником графа, героем светских сплетен и вполне вероятным кандидатом от либералов на выборах в коптском округе Хайд. Во всяком случае, об этом поговаривали, и он постоянно был на виду, а мисс Глендауэр нравилось чувствовать, что она помогает ему, тоже постоянно будучи на виду, - главным образом по этой причине Бантинги и сняли на лето дом в Сандгейте. Время от времени Чаттерис приезжал к ним и оставался на день-другой, а иногда уезжал по своим делам; он был известен как весьма разносторонний, блестящий молодой политик высшего разряда - считалось, что, если принять во внимание все обстоятельства, округ Хайд, пригласив его, сделал очень удачный ход. А Фред Бантинг был помолвлен с другой мисс Глендауэр, сводной сестрой Эделин - не столь выдающейся, далеко не столь богатой, семнадцатилетней и, возможно, вообще более заурядной Мэйбл Глендауэр, которая уже давно, еще учась вместе с Эделин в школе, поняла, что не стоит и пытаться умничать, когда та поблизости.

Бантинги никогда не купались "совместно", что в 1898 году все еще считалось на грани неприличия, однако мистер Рандолф Бантинг и его сын Фред, не таясь, пошли вместе со всеми на пляж вместо того, чтобы спрятаться подальше или отправиться на прогулку, как было принято в прежние времена. (И это несмотря на то, что в числе купальщиц была мисс Мэйбл Глендауэр, невеста Фреда). Маленькой процессией они прошествовали под вечнозелеными дубами сада, спустились по лестнице и вышли к морю.

Впереди шла миссис Бантинг, озираясь сквозь очки по сторонам с таким видом, словно высматривала любителей подглядывать. Эделин Глендауэр, которая никогда не купалась, так как считала, что при этом выглядит недостаточно достойно, шла с ней в простом, но дорогом "романтическом" утреннем платье, к каким питают особую склонность социалистки. Под защитой этого авангарда следовали одна за другой три девушки в очаровательных парижских купальных костюмах и шапочках - хотя последних было совсем не видно под огромными капюшонами махровых халатов - и, разумеется, в чулках и туфлях, потому что они купались в чулках и туфлях. Дальше шли горничная миссис Бантинг, вторая горничная и та горничная, которую привезли с собой обе мисс Глендауэр, с полотенцами, а на некотором расстоянии от них - мужчины с веревками и всем прочим. (Миссис Бантинг всегда обвязывала дочерей веревкой, прежде чем дать им хотя бы ступить ногой в воду, и не отпускала ее, пока те снова не оказывались в безопасности на берегу. Правда, Мэйбл Глендауэр обвязываться веревкой отказывалась.)

Там, где кончался сад и начинался пляж, мисс Глендауэр свернула в сторону, уселась на зеленой железной скамейке под вечнозеленым дубом и, открыв на нужной странице "Сэра Джорджа Тресседи" - книгу, которой она, как и следовало ожидать, в то время неумеренно восторгалась, - смотрела, как остальные направляются дальше. (Роман Хамфри Уорд (Мэри Огасты Арнолд, 1851-1920) - английской романистки, произведения которой отличались социально-дидактической направленностью). Яркой, оживленной, веселой, благополучной группой шли они по залитому солнцем пляжу, а за ними, все в зелено-фиолетовых разводах, мирное и спокойное, покрытое лишь изящной легкой рябью, лежало извечное гнездилище всевозможных сюрпризов - Море.

Как только они достигли верхней границы прилива, где уже не считалось неприличным быть одетым всего лишь в купальный костюм, каждая из трех девушек вручила свой халат состоявшей при них прислуге, и все они, некоторое время со смехом порезвившись на берегу, пока миссис Бантинг внимательно смотрела, нет ли поблизости медуз, бросились в море. Однако спустя минуту-две Бетти, старшая мисс Бантинг, перестала плескаться и, остановившись, стала вглядываться в даль. Тут и все остальные стали вглядываться в даль - и увидели там, ярдах в тридцати, голову Морской Дамы, плившей к берегу.

Все, естественно, подумали, что это, вероятно, обительница какого-нибудь из соседних домов. Они были несколько удивлены, что не заметили, как она входила в воду, но помимо этого не увидели в ее появлении решительно ничего странного. Как обычно в подобных случаях, они украдкой принялись внимательно ее разглядывать. Видно было, что плывет она очень красиво, что у нее прекрасное лицо и необыкновенно прекрасные руки; однако ее дивных золотистых волос они видеть не могли, потому что их скрывала модная купальная шапочка фригийского покроя, подобранная - как она впоследствии призналась моему троюродному брату - несколько ночей назад на пляже в Нормандии. Не видели они и ее очаровательных плеч, скрытых под красным купальным костюмом.

Они уже начали чувствовать, что их любопытные взгляды вот-вот выйдут за пределы приличия, и Мэйбл, сделав вид, что снова плещется в воде, сказала Бетти: "На ней красный купальный костюм; хотела бы я посмотреть..." - как произошло нечто ужасное. Плывущая дама как-то странно зашлепала по воде, подняла руки над головой и - исчезла из вида!

Это была как раз такая ситуация, когда все на мгновение в ужасе застывают на месте, один из тех случаев, о которых каждый читал и которые пытался себе вообразить, но которые мало кто видел своими глазами.

Некоторое время все оставались неподвижными. Прошла одна, две, три секунды, потом в воздухе на мгновение мелькнула обнаженная рука и тут же снова исчезла.

Мэйбл говорит, что совершенно оцепенела от ужаса и так ничего и не смогла предпринять. А обе мисс Бантинг, немного придя в себя, закричали: "О, она тонет!" - и поспешили к берегу, в чем им помогала миссис Бантинг, которая, нимало не растерявшись, начала изо всех сил тянуть за веревки, а потом повернулась к морю спиной и продолжала тянуть, хотя девушки уже давно были во многих ярдах от воды и повалились на землю у подножья берегового обрыва. Мисс Глендауэр увидела, что происходит нечто странное, спустилась по ступенькам, держа в одной руке "Сэра Джорджа Тресседи", а другой заслоняя глаза от солнца, и вскричала громко и решительно: "Ее нужно спасти!" Горничные, разумеется, в это время вопили от ужаса, как им и подобает, но оба мужчины, по-видимому, сразу принялись действовать, проявив большое присутствие духа. "Фред, соседскую лестницу!" - крикнул мистер Рандолф Бантинг, потому что у их соседа вместо удобных каменных ступенек на море выходила высокая стена с длинной деревянной приставной лестницей, и мистер Бантинг не раз замечал, что, если с кем-нибудь что-нибудь случится, она придется очень кстати. Видимо, не прошло и нескольких мгновений, как оба, скинув пиджаки, жилеты, воротнички, галстуки и туфли, уже тащили соседскую лестницу в воду.

- Где она, пап? - спросил Фред.

- Вон там! - ответил мистер Бантинг, и в подтверждение его слов в воздухе снова мелькнула рука и еще "что-то темное" - в свете всех последующих событий я склонен предположить, что это был ее хвост, случайно показавшийся на поверхности.

Оба джентльмена не слишком хорошо плавают - больше того, насколько я мог выяснить, мистер Бантинг в тот момент от волнения вообще почти забыл, как это делается, - однако они мужественно шагали в воде, держа лестницу с обеих сторон и выставив ее вперед, и добрались до глубокого места, не посрамив британской нации и белой расы.

Впрочем, в общем и целом я склонен считать исключительной удачей то, что им не пришлось спасать действительно тонущего человека. К тому времени, как я принялся за свои расспросы, какие бы то ни было споры и взаимные обиды, которые, возможно, имели место между ними, уже улеглись, и мне удалось выяснить, что в то время, как Фред Бантинг изо всех сил плыл, цепляясь сбоку за лестницу и тем самым заставляя ее медленно вращаться вокруг оси, мистер Бантинг уже проглотил ощутимое количество морской воды и без особой пользы, но с большой энергией дрыгал ногами, то и дело попадая Фреду в грудь. Согласно его собственным объяснениям, он делал это для того, "чтобы ноги, понимаете, опустились вниз. Это лестница, понимаете, виновата - они все время всплывали вверх".

И тут совершенно неожиданно рядом с ними появилась Морская Дама Одной очаровательной рукой она поддержала мистера Бантинга за талию, а другой ухватилась за лестницу. Она ничуть не выглядела бледной, перепуганной или задыхающейся - так говорил мне Фред, когда я подверг его допросу с пристрастием, хотя в тот момент он находился в слишком возбужденном состоянии, чтобы замечать такие подробности. Больше того, она, улыбаясь, спокойно и непринужденно заговорила с ними.

- Это судорога, - сказала она. - У меня судорога.

Оба мужчины убеждены, что именно таковы были ее слова.

Мистер Бантинг только собрался посоветовать ей держаться покрепче, и тогда все будет в порядке, как небольшая волна захлестнула ему рот, он захлебнулся и отчаянно закашлялся.

- Мы вас вытащим, - так или примерно так сказал Фред, и они продолжали качаться на волнах, держась за лестницу, под жалостные звуки, издаваемые мистером Бантингом.

Похоже, они находились в таком положении довольно долгое время. Фред говорит, что Морская Дама казалась спокойной, но немного озадаченной и как будто измеряла взглядом расстояние до берега.

- Вы действительно хотите меня спасти? - спросила она его.

Но он как раз пытался сообразить, что им следует предпринять, пока отец не утонул совсем, и ответил:

- А мы уже вас спасаем.

- Вы доставите меня на берег? Видя, что она нимало не взволнована, он решил разъяснить ей свой план действий.

- Никак не поймаю.., конец лестницы.., буду грести ногами.., до мелкого места каких-нибудь несколько ярдов.., если бы мы только смогли...

- Минутку.., сейчас отдышусь.., воды наглotalся... - с трудом выговорил мистер Бантинг и снова зашелся в кашле.

В этот момент Фред решил, что произошло чудо. Он почувствовал, как вода забурлила, словно от парового винта, и едва успел вовремя вцепиться в Морскую

Даму и лестницу - ему показалось, что еще немного, и его непременно унесет далеко в Ла-Манш. Его отец с выражением крайнего изумления на лице вдруг исчез из вида, но тут же снова появился - во всяком случае, всплыли его спина и ноги - рядом с ним, держась за лестницу не на жизнь, а на смерть. И тут оказалось, что они находятся на дюжину ярдов ближе к берегу, чем прежде, глубина здесь не больше пяти футов, и Фред достал ногами дно.

Как только Фред ощутил под ногами землю, удивление и растерянность немедленно сменились у него приливом героизма. Он протолкнул лестницу с Морской Дамой вперед, потом отпустил лестницу и, бросив своего родителя, еще не пришедшего в себя, крепко обхватил Даму и вынес ее из воды. "Спасена!" - вскричали молодые дамы; "Спасена!" - вопили горничные; "Ура, спасена!" - эхом отозвалось вдали. Все кричали "Спасена!", за исключением миссис Бантинг, которой, как она утверждает, показалось, что у мистера Бантинга случился сердечный приступ, и самого мистера Бантинга, который, видимо, решил, что все законы природы, по воле Провидения позволяющие нам держаться на поверхности воды, внезапно утратили силу и что в таком случае лучше всего как можно сильнее брыкаться и барахтаться до самого последнего мгновения. Однако секунд через десять его голова вновь оказалась над водой, а ноги уперлись в дно, и он, оглашая воздух разнообразными звуками, похожими то на сопение кита или моржа, то на конское ржание, то на вопли разъяренного кота, то на визг пилы, принялся протирать глаза, после чего миссис Бантинг, хотя время от времени и считала себя обязанной оборачиваться и укоризненным тоном произносить "Рэ-эндолф!", смогла все свое внимание уделить прелестной ноше, льнувшей к ее сыну.

Любопытно, что Морская Дама уже по меньшей мере минуту находилась вне водной стихии, но никто еще не заметил, что она чем-то отличается от..., от других дам. Я полагаю, что все толпились слишком близко к ней и любовались ее прекрасным лицом, а может быть, им казалось, что на ней какой-то смелый новомодный костюм для верховой езды темного цвета или что-нибудь в этом роде, - во всяком случае, никто ничего не заметил, хотя все было у них перед глазами и ясно как день. Вероятнее всего, это приняли за костюм. И все стояли вокруг, полагая, что Фред спас очаровательную и, бесспорно, светскую даму, которая отправилась купаться из какого-нибудь близлежащего дома, и ломали голову над тем, почему до сих пор никто на пляже не предъявляет на нее свои права. А она льнула к Фреду, и Фред, как впоследствии заметила в разговоре с ним мисс Мэйбл Глендауэр, тоже льнул к ней.

- У меня была судорога, - сказала Морская Дама, прижимаясь щекой к щеке Фреда и косясь на миссис Бантинг. - Я убеждена, что это была судорога. Она еще не прошла.

- Я не вижу никого, кто бы... - начала миссис Бантинг.

- Прошу вас, отнесите меня в дом, - сказала Морская Дама, прикрыв глаза, как будто ей стало дурно, хотя щека ее оставалась по-прежнему румяной и теплой. - Отнесите меня в дом.

- Куда? - спросил запыхавшийся Фред.

- В дом, - прошептала она.

- В какой дом?

Миссис Бантинг придвинулась поближе.

- В ваш дом. - Морская Дама окончательно закрыла глаза и больше ни в какие разговоры не вступала.

- Она... Но я не понимаю... - произнесла миссис Бантинг, обращаясь ко всем присутствующим.

И тут они увидели Его. Первой увидела его Нетти, младшая мисс Бантинг. По ее словам, она показала на него пальцем прежде, чем обрела дар речи. И тогда его увидели все! Последней его увидела, насколько я понимаю, мисс Глендауэр. Во всяком случае, это было бы вполне в ее духе.

- Мама! - сказала Нетти, выразив всеобщий ужас. - Мама, у нее хвост!

Все трое горничных и Мэйбл Глендауэр одна за другой вскричали:

- Смотрите! Хвост!

- Ну, знаете ли... - произнесла миссис Бантинг, после чего язык отказался ей служить.

- О! - произнесла мисс Глендауэр, схватившись за сердце.

И тут одна из горничных нашла нужное слово.

- Это русалка! - взвизгнула она, и все в один голос воскликнули:

- Это русалка!

Все, кроме самой русалки, которая в притворном обмороке недвижно покоилась отчасти на плече Фреда и целиком в его объятьях.

II

Так выглядела эта немая сцена, насколько мне удалось восстановить ее из разрозненных обрывков. Попробуйте представить себе маленькую кучку людей на пляже и немного в стороне - мистера Бантинга, который выходит из воды, очень мокрый, не веря своим глазам и чувствуя себя наполовину утопленником. И соседскую лестницу, которая тихо уплывает в открытое море. Это, безусловно, была одна из тех ситуаций, что не могут остаться незамеченными.

И она действительно не осталась незамеченной. Дело происходило чуть ниже границы высокой воды, ярдах в тридцати от дома. Как говорила моему троюродному брату Мелвилу миссис Бантинг, решительно никто не знал, что делать, а ведь все они в избытке отличались нашим национальным свойством - боязнью быть застигнутым в замешательстве. Только русалку, видимо, вполне устраивала роль прелестной загадки - она по-прежнему прижималась к Фреду, словно создана была лишь для того, чтобы мужчины носили ее на руках.

Кажется, именно в этот момент на сцену в полном составе высыпало весьма многочисленное семейство, снимавшее один из домов, - они смотрели во все глаза и оживленно жестикулировали. Это были люди как раз того сорта, с каким Бантинги не желали иметь дела, - может быть, даже из торгового сословия. Вскоре один из мужчин - особенно вульгарный тип, излюбленным занятием которого была стрельба по чайкам, - начал спускаться на пляж лестницу, словно собирался вмешаться со своими непрошеными советами. Кроме того, миссис Бантинг заметила черные зрачки бинокля в руках еще более ужасного типа из дома, стоявшего дальше к западу.

А ко всему прочему, вдруг появился некий известный писатель, занимавший соседний дом - раздражительный брюнет с круглой головой и в очках, - и принялся с высоты неприступной стены кричать какие-то глупости про свою лестницу. Заниматься его дурацкой лестницей никто, естественно, и не собирался, что вызвало у него совершенно непонятное недовольство. Судя по тону и жестам, он выкрикивал всякие грубые слова и, казалось, намеревался вот-вот спрыгнуть на пляж и подойти.

И тут, в довершение всего, из-за западной буны показались Презренные Туристы!

Сначала над букой появились их головы, потом стали слышны голоса. А потом они принялись с радостными криками карабкаться на буку.

- Бесподобно! Бесподобно! - перекликались, взбираясь наверх, Презренные Туристы (в тот год "бесподобно" было самым модным словечком). - И еще:

- Ого-го, держитесь! - И потом, уже ближе к делу:

- Эй, что там такое стряслось?

- Бесподобно! Бесподобно! - неслись снизу голоса еще невидимых Презренных Туристов: группа, очевидно, была многочисленная.

- Что-нибудь неладно? - крикнул наугад один из Презренных Туристов.

- Боже мой! - сказала миссис Бантинг, обращаясь к Мэйбл. - Что нам делать?

И когда она излагала события моему троюродному брату Мелвилу, это неизменно звучало как подлинный гвоздь всего рассказа: "Боже МОЙ! Что нам ДЕЛАТЬ?"

Я думаю, что в отчаянии она даже взглянула в сторону моря. Но разумеется, если теперь бросить русалку обратно в воду, потом придется - о ужас! - как-то все объяснять...

Очевидно, оставалось только одно. Миссис Бантинг так и сказала:

- Остается только одно - внести ее в дом.

И ее внесли в дом!..

Не так уж трудно вообразить себе эту маленькую процессию. Впереди - Фред, мокрый и ошеломленный, но все еще крепко прижимающий к себе русалку, чувствующий, что она тоже прижимается к нему, и притом слишком запыхавшийся, чтобы вымолвить хоть слово. На руках у него - Морская Дама. Насколько я понимаю, у нее была прелестная фигура - до самого того места, где начинался этот ужасный хвост (с плавником на конце, который, как доверительным шепотом сообщила миссис Бантинг моему троюродному брату, был повернут вертикально и имел заостренные концы, точь-в-точь как у макрели). Наверное, хвост болтался вниз, и с него на дорожку капала вода. Одета была русалка в очень изящное и очень длинное платье из какой-то красной ткани, отделанное белым кружевом, и еще, как сказала мне Мэйбл, на ней было болеро, хотя его вряд ли можно было видеть, когда они шли через сад. А ее пышные золотистые волосы скрывала фригийская шапочка, оставляя на виду лишь белый, гладкий низкий лоб над глазами цвета морской волны. Судя по тому, что последовало в дальнейшем, я полагаю, что в тот момент русалка с большим интересом и вниманием разглядывала веранду и окна дома.

За этой неуверенно шагающей парой, видимо, шла миссис Бантинг. За ней - мистер Бантинг. К тому времени он, вероятно, был еще весьма мокр и пал духом - исходя из кое-каких моих последующих наблюдений, могу себе представить, как он торопливо следовал за супругой, повторяя: "Ну конечно же, дорогая моя, откуда я мог знать?"

Дальше - встревоженная, но обуреваемая любопытством кучка девушек, закутанных в махровые халаты, и горничные, которые несли веревки и все прочее, а заодно, словно не замечая этого, как им и подобало, - большую часть одежды мистера Бантинга и Фреда.

Еще дальше - мисс Глендауэр, на сей раз, в виде исключения, ничего из себя не изображающая, с "Сэром Джорджем Тресседи" в руках, до крайности озадаченная и обеспокоенная.

А вдогонку за ними несло: "Бесподобно! Бесподобно!" - и в самом конце сада виднелись шляпа и изумленно поднятые брови одного из Презренных Туристов, который все еще желал знать: "Что там такое стряслось?"

Так или, во всяком случае, примерно так, под аккомпанемент нелепых криков о какой-то лестнице, весьма отчетливо доносившихся из-за стены соседнего сада ("Снобы расфуфыренные, забрали мою такую-сякую лестницу!.."), внесли они в дом Морскую Даму (которая безмятежно покоилась на руках у Фреда, по-видимому не отдавая себе никакого отчета в происходящем) и уложили ее на кушетку в комнате миссис Бантинг.

И как раз в тот момент, когда мисс Глендауэр высказала мнение, что самое лучшее - послать за доктором, Морская Дама с очаровательной непосредственностью издала глубокий вздох и пришла в себя.

Глава II НЕКОТОРЫЕ ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

I

Вот как, насколько я пытался показать со всем возможным правдоподобием, вышла на сушу фолкстонская русалка. Не может быть ни малейшего сомнения, что с ее стороны это было намеренным и обдуманым вторжением. Никакой судороги у нее не было, никакой судороги у нее и быть не могло, а что до опасности утонуть, то такая опасность ни на мгновение никому не грозила, кроме мистера Бантинга, чью драгоценную жизнь русалка чуть было не принесла в жертву в самом начале своего приключения. Следующим же ее шагом был состоявшийся по ее настоянию разговор с миссис Бантинг, во время которого она, воспользовавшись своим юным и цветущим видом, заручилась поддержкой, симпатией и помощью этой добросердечной дамы (которая в действительности была всего лишь невинным младенцем и желторотым птенцом рядом с этим существом, появившимся на свет в незапамятные времена) в своем невиданном набеге на Человечество.

То, как она обвела вокруг пальца миссис Бантинг, могло бы показаться невероятным, если бы мы не знали, что при всех недостатках своего воспитания Морская Дама была весьма начитанна. Она призналась в этом в ходе нескольких последующих бесед с моим троюродным братом Мелвиллом. Между ними некоторое время существовала - как Мелвилл всегда считал нужным это называть - дружеская близость, и мой троюродный брат, человек весьма любознательный, узнал множество интереснейших подробностей о жизни "там" или "там, внизу" - Морская Дама пользовалась обоими этими выражениями.

На первых порах Морская Дама крайне сдержанно встретила его мягкие, но настойчивые расспросы; однако позже она, насколько я понимаю, время от времени с радостью давала волю откровенности. "Ясно, - пишет мой троюродный брат в одной из своих записей, - что прежние представления о подводной жизни как о постоянных хороводах среди коралловых зарослей, перемежающихся расчесыванием волос при лунном свете на прибрежных скалах, нуждаются в весьма серьезном пересмотре". Если говорить о литературе, например, то они имеют в своем распоряжении все то же, что и мы, и вдобавок располагают неограниченным досугом для чтения.

Последнее обстоятельство - неограниченный досуг - Мелвилл настойчиво подчеркивает и заметно ему завидует. Образ русалки, которая раскачивается в гамаке из водорослей, держа в одной руке книжку из тех, что священники называют "модными романами", а в другой - фосфоресцирующую рыбу в шестнадцать свечей, может несколько противоречить нашим представлениям о жизни в морских глубинах,

однако он, безусловно, куда более соответствует ее рассказам. Нет такого места, куда не проникал бы Прогресс, и даже среди бессмертных заметны веяния Современности. Даже на Олимпе, должно быть, существует Партия Прогресса, и какой-нибудь новый Фаэтон ратует за то, чтобы заменить отцовских коней неким солнечным двигателем собственного изобретения. Когда я высказал это Мелвилу, он, уставившись в огонь камина в моем кабинете, произнес: "Ужасно! Ужасно!" Бедный Мелвил...

Она много рассказывала ему о том, что читают в глубинах моря. Разумеется, книг "там, внизу" не печатают, да и новинки, на которых еще не успела высохнуть типографская краска, туда не попадают, потому что краску тут же смывает вода, - так она объясняла. Однако почти вся сухопутная литература, по словам Мелвила, тем или иным путем до них доходит. "Мы в курсе", - говорила она В сущности, это обширный круг читательской публики, и в последнее время там настойчиво стараются расширить свою огромную подводную библиотеку, вечно носимую течениями. Источники ее пополнения разнообразны и иногда несколько причудливы. Много книг находят в затонувших судах. "Неужели?" - переспросил Мелвил. "Да, в среднем по одной книге на каждое", - подтвердила Морская Дама. Романы и журналы постоянно роняют с пассажирских судов, их уносит в море ветер, а иногда хотя это оказываются, как правило, не самые ценные приобретения - намеренно швыряют за борт. Случается, что выбрасывают после прочтения и незаурядные книги. (Мелвил сам читатель разборчивый и раздражительный, и это, несомненно, было ему хорошо понятно.) Кроме того, время от времени с курортных пляжей уносит в море литературу более легкого сорта. А как только утихает шум вокруг наших великих Популярных Романистов, уверяет Мелвил, библиотеки избавляются от лишних экземпляров их последних произведений, от которых отказываются больницы и тюрьмы, оставляя книги на берегу в пределах досягаемости прилива.

- Многие этого не знают, - заметил я.

- Они-то знают, - сказал Мелвил.

Пляжи приносят им и иную добычу. Молодые пары, которые, как выразилась Морская Дама, "сначала посидят, а потом начинают налезать друг на друга", довольно часто оставляют после себя, уходя, прекрасные произведения новейшей литературы. Особо ценное собрание книг на английском языке, оказывается, есть в глубинах Ла-Манша: там собрана почти полная "Библиотека Таухница" (собрание перепечаток произведений английских и американских авторов в несколько тысяч томов, выпускавшееся начиная с 1841 г. германской издательской фирмой "Таухниц" в Лейпциге), томики которой выбрасывают за борт в последний момент чересчур совестливые или робкие путешественники, возвращающиеся с континента. Некоторое время такой же источник американских перепечаток существовал на западном побережье, в устье Мерси, но в последние годы он стал иссякать. А благодаря деятельности Морской миссии для Просвещения Рыбаков в воду вот уже несколько лет дождем сыплются брошюры, воспитывающие у обитателей обширных банок Северного моря особенно возвышенный образ мыслей. Все это Морская Дама излагала с большим знанием дела.

Если принять во внимание условия накопления этой подводной библиотеки, неудивительно, что беллетристика занимает в ней столь же преобладающее место, как и на прилавках книжного магазина "Мьюди". Однако различные иллюстрированные журналы, особенно модные, как выяснил мой троюродный брат, ценятся еще выше, чем романы, разыскиваются с куда большим рвением и читаются жадно и с завистью. На этом месте ему внезапно пришла в голову догадка - не здесь

ли лежит одна из причин, побудивших эту предприимчивую даму посетить сушу? Высказав что-то в этом роде, он услышал в ответ:

- Да мы бы давно уже начали наряжаться, - сказала она, и в голосе ее прозвучала легкая усмешка. - Мы ведь тоже женщины, мистер Мелвил. - Только... Я уже объясняла это миссис Бантинг - нельзя забывать, в каких условиях мы живем. Как можно надеяться выглядеть элегантно, если находишься под водой? Ну, представьте себе хотя бы кружева!

- Они промокнут, - сказал мой троюродный брат.

- Вымокнут насквозь! - подтвердила Морская Дама.

- И будут безнадежно испорчены, - согласился Мелвил.

- А прическа? - грустно продолжала Морская Дама.

- Разумеется, - сказал Мелвил. - Да там же и волосы не высушить!

- Вот именно, - подтвердила она.

И тут перед моим троюродным братом Мелвиллом в совершенно новом свете предстала одна старая тема.

- Так вот почему..., в прежние времена...

- Ну, конечно! - воскликнула она. - Конечно! Когда повсюду еще не было такого множества Туристов, и моряков, и всякой неотесанной публики, можно было выплыть наружу, сесть и расчесывать их на солнце. И после этого действительно можно было их уложить. Но теперь...

Она с досадой махнула рукой и грустно взглянула на Мелвила, прикусив губу. Мой троюродный брат почти автоматически произнес сочувственным тоном:

- Этот ужасный дух времени...

Однако, хотя, по-видимому, беллетристика и модные журналы оказывают, к сожалению, преобладающее влияние на воспитание подводных вкусов, не следует думать, будто на дно морское никогда не попадает литература более серьезного содержания. Например, совсем недавно, рассказывала Морская Дама, один капитан парусника, совсем свихнувшись от навязчивой рекламы в "Тайме" и "Дейли мейл", приобрел не только подержанный экземпляр выпущенного "Тайме" переиздания "Британской энциклопедии", но и ту бездарную мешанину литературных обрезков, ту всеобъемлющую литературную колбасу, которую туго набил (и утоптал ногами) ее составитель и редактор доктор Ричард Гарнет. (Гарнет Ричард (1835-1906) - английский писатель, поэт, литературовед и историк литературы, главный библиограф, а впоследствии главный хранитель Британского музея). Давно известно, что даже величайшие умы прошлого отличались чрезвычайным многословием и запутанностью своих рассуждений. Доктор Гарнет, как принято считать, ухватил самую их суть и представил ее в столь кратком виде, что теперь чуть ли не всякий деловой человек имеет возможность усвоить самое главное в литературе, практически не отвлекаясь от более серьезных занятий. Тот несчастный одуроченный моряк, видимо, взял на борт своего судна все это собрание с очевидным намерением сойти на берег в Сиднее мудрейшим человеком на свете - затея, которая могла прийти в голову разве что индусу. Результат можно было предвидеть. Посреди ночи эта книжная махина сдвинулась с места, вся наука середины XIX века и вся литература всех времен и народов в опасно концентрированном виде навалились своим объединенным весом на один борт его суденышка, и оно мгновенно перевернулось... Морская Дама говорила, что судно погружалось в пучину так, словно было нагружено свинцом, а команда и другое движимое имущество прибыли вслед за ним лишь к концу дня. Первым, по словам Морской Дамы, появился

капитан, и любопытно, что он - возможно, из-за того, что уже успел заглянуть в свое приобретение, - погружался головой вниз, а не как обычно, ногами вперед и растопырив конечности...

Впрочем, подобные редкие подарки судьбы вряд ли способны перевесить тот ливень легкого чтива, который постоянно обрушивается на дно. Романы и газеты - вот что читает весь мир, даже подводный. Как свидетельствуют последующие события, по-видимому, именно из наиболее популярных модных романов и из газет должна была Морская Дама почерпнуть свои представления о жизни людей и мысль посетить их. И если иногда она, видимо, недооценивала наиболее благородные побуждения человеческого духа, если временами проявляла склонность относиться к Эделин Глендауэр и к многим наиболее серьезным вещам с некоторым скептическим легкомыслием, если в конце концов, бесспорно, подчинила рассудок и надлежащие чувства своей неистовой страсти, то будет справедливо отнести ее заблуждения на счет их подлинной причины...

II

У моего троюродного брата Мелвила, как я уже говорил, понемногу складывалось некоторое, крайне туманное представление о подводном мире. Правда, не беру на себя смелость судить о том, насколько это его представление соответствует истине. Из его рассказов вырисовывается в высшей степени странный мир - зеленая, пронизанная светом текучая среда, где парят эти существа, освещаемые огромными сверкающими чудищами, которые проплывают мимо, и раскачивающимися зарослями, которые излучают свет, подобно небесным туманностям, а в чаще их мелькают крохотные рыбки, похожие на запутавшиеся в сетях звездочки. Это мир, где не сидят, не стоят, не приходят и не уходят, а лишь парят, как мы парим и плаваем по воздуху во сне. А их образ жизни? "Боже мой, - говорил Мелвил, - это что-то похожее на росписи на потолках!.."

Я даже не уверен, что именно в море следует искать тот мир, откуда пришла Морская Дама. "А как же эти пропитанные водой книги и утонувшие газеты?" - спросите вы. Но внешность часто бывает обманчива, и не надо забывать, что все это она рассказала ему лишь однажды, и притом посмеиваясь.

Временами, говорит он, она могла выглядеть столь же реальной, как и мы с вами, а временами ее окутывала глубокая тайна. Иногда ему казалось, что ее можно ранить или убить, как всякого человека - перочинным ножом, например, - а иногда представлялось, что, даже если исчезнет вся материальная вселенная, она будет улыбаться по-прежнему. Но о таинственной стороне этой дамы нам еще предстоит поговорить позже. Существуют такие безбрежные моря, которые еще не рассекал ни один киль, и такие бездонные глубины, которые никогда не измерит брошенный человеком лот. В конечном счете я должен признать, что ничего не знаю, ничего не могу утверждать с уверенностью. Я могу лишь сослаться на Мелвила и на тот жалкий набор фактов, которым располагаю.

Первое время все, кто имел дело с Морской Дамой, видели в ней на удивление мало необычного. Она была ощутимо вещественной, материальной - просто дамой, вышедшей из моря. В нашем современном мире самые поразительные вещи в высшей степени банальны, мы воспитаны так, что всегда сохраняем невозмутимость и ничему не удивляемся, и почему мы должны видеть что-то необыкновенное в материализовавшейся русалке, когда Дьюары превращают в твердые тела

всевозможные неошутимые субстанции, а вокруг нас все пронизывают лучи Маркони? Бантингам она представлялась столь же прозаичной, ее побуждения - столь же недвусмысленными и благоразумными, а чувства - столь же прочными и основательными, как и все остальное в мире, где живут Бантинги. Такой она была для них с самого начала, такой остается в их памяти и по сей день.

Ш

О том, что говорила Морская Дама миссис Бантинг в то памятное утро, когда лежала, совсем мокрая и все еще довольно-таки непонятная, на кушетке в будуаре миссис Бантинг, я тоже могу рассказать более или менее подробно, потому что миссис Бантинг несколько раз пересказывала этот разговор, разыгрывая в лицах особенно драматичные его эпизоды, моему троюродному брату Мелвилу во время долгих душевных бесед, которые в те счастливые дни оба они - и особенно миссис Бантинг - так любили вести. Судя по всему, Морская Дама с самых первых слов поставила перед собой цель завоевать великодушное и заботливое сердце миссис Бантинг. Она села на кушетке, скромно прикрыла ее чехлом свой физический недостаток и, иногда опуская глаза, а иногда открыто и доверчиво глядя в лицо миссис Бантинг, заговорила негромко, отчетливо и безукоризненно правильно, так что сразу было видно, что она не какая-нибудь простая русалка, а благовоспитанная Морская Дама. По словам миссис Бантинг, она "открылась ей" и отдалась в ее руки "искренне и от всей души".

"Миссис Бантинг, - рассказывала миссис Бантинг моему троюродному брату Мелвилу, изображая Морскую Даму, - прошу вас, позвольте мне принести извинения за свое непрошеное посещение, потому что я прекрасно понимаю, что никак иначе это назвать нельзя. Но дело в том, что я была, можно сказать, вынуждена так поступить, и, если только вы, миссис Бантинг, выслушаете мой рассказ, я думаю, вы согласитесь, что у меня есть если не полное - ибо я понимаю, насколько строги ваши взгляды, - то хотя бы частичное оправдание тому, что я сделала, - тому, как я, должна признаться, ввела вас в заблуждение, миссис Бантинг. Да, миссис Бантинг, ввела в заблуждение, потому что у меня не было никакой судороги... Но ведь, миссис Бантинг, - и тут миссис Бантинг делала долгую выразительную паузу, - у меня не было и матери!"

- И тут она, бедное дитя, - продолжала миссис Бантинг, рассказывая эту историю моему троюродному брату Мелвилу, - разразилась слезами и созналась, что появилась на свет в незапамятные времена каким-то ужасным сверхъестественным способом в каком-то кошмарном месте неподалеку от Кипра и что у нее не больше прав носить какую бы то ни было фамилию, чем... Ну, в общем, вы понимаете, - говорила миссис Бантинг с характерным жестом, каким она всегда предупреждала и отбрасывала в сторону любые неделикатные мысли, на которые могли бы привести ее слова. - И все это с таким приятным выговором, так благовоспитанно!

- Ну, разумеется, - заметил мой троюродный брат Мелвил. - Есть определенный класс людей, которых можно извинить за... Нужно принимать во внимание...

- Вот именно, - подхватила миссис Бантинг. - И она, видите ли, намеренно остановилась на мне, потому что всегда хотела обратиться именно к такому человеку. То, что она попала к нам, не было случайностью, это был сознательный выбор. Она говорила, что долгое время день за днем плавала у берега, присматриваясь к людям, и

сказала, что как только увидела мое лицо, когда я смотрела, как купаются мои девочки...

- Вы же знаете, у девушек это бывает, - говорила миссис Бантинг с многозначительной улыбкой и увлажнившимися от полноты чувств добрыми глазами. - Я ей с самого начала ужасно понравилась...

- Ну, в это я, во всяком случае, могу поверить, - с притворной искренностью вставил мой троюродный брат Мелвил. Я знаю, что именно таковы были его слова, хотя он неизменно о них умалчивает, пересказывая мне свою историю. Однако он забывает, что я время от времени достаивался чести быть третьим участником этих долгих задушевных бесед.

- Знаете, это совершенно невероятно и в точности так, как в той германской легенде, - говорила миссис Бантинг. - Про ум., как ее там?

- Ундиину?

- Да-да, вот именно. И эти несчастные существа, по-видимому, действительно бессмертны, мистер Мелвил, - по крайней мере, в определенных пределах; они рождены стихией и снова возвращаются в стихию. И в точности как в той легенде - ведь в них всегда что-нибудь не так - у этих существ нет души! Совсем никакой души! Совсем ничего! И бедное дитя это чувствует. Она это ужасно переживает. Но знаете ли, мистер Мелвил, чтобы обрести душу, им нужно отправиться жить в мир людей. По крайней мере, там, внизу, они так считают. За этим она и отправилась в Фолкстон. Чтобы обрести душу. Конечно, это ее главная цель, мистер Мелвил, но у нее нет никакого фанатизма, никаких этих глупостей. Все как у нас. Разумеется, мы, люди, глубоко чувствующие...

- Ну, разумеется, - вставил мой троюродный брат Мелвил, и я знаю, что на его лице на мгновение появилось выражение глубокой серьезности, он потупился и понизил голос. Мой троюродный брат в общем довольно высоко ценит свою душу.

- И она считает, что если уж выходить на сушу, - продолжала миссис Бантинг, - то просто необходимо выйти на сушу пристойным образом и к приличным людям. Ее чувства вполне можно понять. Но представьте только, какие трудности стояли на ее пути! Оказаться всего лишь предметом всеобщего любопытства, темой для глупых газетных заметок, быть выставленной на обозрение...

- Ничего подобного она не хочет, - сказала миссис Бантинг, сделав выразительный жест обеими руками.

- А чего она хочет? - спросил мой троюродный брат Мелвил.

- Она хочет, чтобы к ней относились в точности как к человеку. Она хочет быть человеком, как вы или я. И она просит разрешения пожить с нами, стать членом нашей семьи, чтобы узнать, как мы живем, чтобы научиться жить. Она попросила меня посоветовать ей, какие действительно достойные книги следует прочитать, и где ей раздобыть портного, и как ей найти священника, чьи проповеди она могла бы слушать, и кто мог бы действительно войти в ее положение, и все такое. Она хочет, чтобы я руководила ею во всем этом. Она хочет целиком вверить себя моему попечению. И она так достойно и мило это высказала

- Хм, - произнес мой троюродный брат Мелвил.

- Вы бы ее только слышали! - воскликнула миссис Бантинг.

- Практически она вам теперь как еще одна дочь, - задумчиво сказал он.

- Да, - подтвердила миссис Бантинг. - Но даже это меня не испугало. Она так и дала мне понять.

- И все же... А средства у нее есть? - спросил он неожиданно.

- И немалые. Она сказала мне, что есть сундучок... Она сказала, что он привязан у дальнего конца буны, и дорогой Рандолф не спускал глаз с этого места на протяжении всего обеда, а потом, когда уже можно было добраться до него вброд и дотянуться до конца веревки, которой он был привязан, они с Фредом вытащили его и помогли Фитчу и кучеру принести наверх. Это такой необычный сундучок, не совсем подходящий для дамы, - добротный, разумеется, но деревянный, на крышке у него нарисован корабль и грубо вырезано ножом: "Том Уайлдерз". Но она говорит, что кожа там, внизу, просто не выдерживает, и приходится довольствоваться тем, что есть, а главное - он доверху полон золотых монет и прочего в этом роде... Да, и золота, и бриллиантов, мистер Мелвил. Вы знаете, Рандолф кое-что понимает... Да, и вот он говорит, что этот сундучок., ох, я просто не могу сказать, сколько он стоит! И все золотые вещи с таким чуть красноватым оттенком... Во всяком случае, она не только мила и красива, но и богата. И знаете, мистер Мелвил, в общем... Ну, я намерена помогать ей, насколько могу. Практически она будет у нас платным гостем. Вы знаете - да мы этого особенно и не скрываем, - что Эделин... Ну да, и она будет жить так же. И я буду выводить ее в свет, и представлять разным людям, и так далее. Это будет ей большая помощь. И для всех, кроме лишь немногих близких друзей, она должна быть просто человеком, который, к несчастью, стал инвалидом - на время. Мы собираемся нанять порядочную, достойную доверия женщину - знаете, такую, которая ничему не удивляется, они несколько дороги, но и в наши дни такую можно отыскать, - которая станет ее горничной и будет шить ей платья - во всяком случае, юбки. Мы будем одевать ее в длинные юбки, а на Это станем, знаете, что-нибудь накидывать...

- На что?

- Ну вы же знаете - на хвост.

"Ах, вот что!" - ответил мой троюродный брат Мелвил движением головы и бровей. Однако это обстоятельство к тому моменту было ему еще не совсем ясно, и у него на мгновение захватило дух. Надо же - хвост! От множества разнообразных предположений, оказавшихся неверными, тут же пришлось отказаться. У него почему-то появилось такое чувство, что не следует слишком настойчиво развивать эту тему. Однако они с миссис Бантинг были все-таки старые друзья.

- И у нее в самом деле есть..., хвост? - спросил он.

- Как у крупной макрели, - ответила миссис Бантинг, и дальше он расспрашивать не стал.

- В высшей степени необычная ситуация, - сказал он.

- Но что еще я могла сделать? - спросила миссис Бантинг.

- Конечно, все это - потрясающий эксперимент, - сказал мой троюродный брат Мелвил и помимо своей воли повторил:

- Хвост?

Перед глазами у него, совершенно исключая нормальный ход мыслей, явственно возник четко очерченный, глянцевитый, маслянисто-черный с зеленовато-лилово-серебристым оттенком рыбий хвост.

- Ну, знаете ли! - произнес мой троюродный брат Мелвил, вложив в свои слова все возмущение, на какое только способен благоразумный девятнадцатый век. - Хвост!

- Я его погладила, - сказала миссис Бантинг.

Некоторые дополнительные подробности той первой беседы Морской Дамы с миссис Бантинг я узнал позже с ее собственных слов.

Морская Дама допустила тогда одну странную ошибку.

- Четверо ваших очаровательных дочерей, - сказала она, - и двое ваших сыновей...

- Что вы, моя милая! - воскликнула миссис Бантинг: к этому времени они уже были на короткой ноге. - У меня только две дочери и один сын!

- Тот молодой человек, кто нес..., кто спас меня?

- Да. А две другие девушки - наши друзья, знаете ли, гости, которые у меня живут.

На суше принято принимать гостей...

- Я знаю. Значит, я ошиблась?

- О, да

- А другой молодой человек?

- Вы не о мистере Бантинге?

- Кто это - мистер Бантинг?

- Другой джентльмен, который...

- Нет!

- Но больше никого...

- А утром, несколько дней назад?

- Может быть, это был мистер Мелвил?.. А, знаю! Вы о мистере Чаттерисе!

Припоминаю, он приезжал как-то утром. Высокий молодой человек со светлыми, пожалуй, немного волнистыми волосами, да? И с таким глубокомысленным выражением лица. Он был во всем белом и сидел на пляже.

- Кажется, да, - сказала Морская Дама.

- Нет, он не мой сын. Это..., это наш друг. Он помолвлен с Эделин, со старшей мисс Глендауэр. У нас он останавливался на день-два. Должно быть, придет снова на обратном пути из Парижа. Боже мой! Подумать, что у меня может быть такой сын!

Морская Дама ответила не сразу.

- Какая глупая ошибка с моей стороны, - произнесла она медленно, а потом добавила уже с большей живостью:

- Ну конечно, если подумать, он не так молод, чтобы быть вашим сыном!

- Ведь ему уже тридцать два! - подтвердила с улыбкой миссис Бантинг.

- Никогда бы не подумала.

- Ну, я бы так не сказала.

- Впрочем, ведь я, знаете ли, видела его только издали, - сказала Морская Дама и тут же переспросила:

- Так, значит, он помолвлен с мисс Глендауэр?

- А мисс Глендауэр...

- Это та молодая дама в фиолетовом платье, которая...

- Которая шла с книгой?

- Да, - подтвердила миссис Бантинг, - та самая. Они помолвлены уже три месяца.

- Боже мой! - сказала Морская Дама. - А она мне показалась... И он очень в нее влюблен?

- Конечно, - ответила миссис Бантинг.

- Очень-очень?

- О, конечно. Иначе, он бы не...

- Ну да, конечно, - задумчиво произнесла Морская Дама.

- И они во всех отношениях так подходят друг другу. Эделин имеет все возможности помочь ему...

И миссис Бантинг, вероятно, кратко, но точно обрисовала положение мистера Чаттериса (не умолчав и о том, что у него дядя граф, да и зачем бы ей было об этом умалчивать?) и великолепные перспективы его брачного союза с внушительным, хотя и плебейским, состоянием мисс Глендауэр. Морская Дама внимательно ее слушала

- Он молод, талантлив, он может стать кем угодно - кем угодно. А она так серьезна, так умна - вечно что-нибудь читает. Даже Синие Книги - правительственные Синие Книги, где одни скучные таблицы, как в железнодорожном расписании. И про положение бедных и про всякие такие вещи. О положении бедных она знает больше, чем любой из моих знакомых: сколько они зарабатывают, и что едят, и по сколько человек живут в одной комнате. Такая теснота, знаете ли, - просто ужас. Она как раз такая помощница, какая ему нужна. Так полна достоинства - так умеет принимать политиков из всяких партий и вообще влиять на людей, так серьезна! И еще она, знаете ли, умеет разговаривать с рабочими, интересуется Профсоюзами и разными совершенно невероятными вещами! Я всегда думаю, что это воплощенная Марчелла. (Героиня одноименного романа Хамфри Уорд).

И добрая миссис Бантинг пустилась в подробный, но не слишком вразумительный рассказ о некоем случае, наглядно иллюстрирующем удивительную приверженность мисс Глендауэр к Синим Книгам...

- А скоро он приедет сюда снова? - довольно-таки неосторожно перебила ее на полуслове Морская Дама. Но миссис Бантинг, увлеченная своим рассказом, не обратила на ее вопрос внимания, и через некоторое время Морская Дама еще более неосторожно его повторила.

Однако миссис Бантинг не знает, вырвался ли при этом у Морской Дамы вздох или нет. Она полагает, что нет. Она так старалась рассказать ей все обо всем, что вряд ли особенно заботилась о том, как воспринимаются сообщаемые ею сведения.

А если она о чем-нибудь и думала кроме своего рассказа, то, скорее всего, о хвосте.

Даже миссис Бантинг - а она принадлежит к числу тех, кто относится ко всему на свете (за исключением, разумеется, нахальства и нарушения приличий) с полным спокойствием, - даже ей, я думаю, было немного странно сидеть у себя в будуаре за светским чаепитием с настоящим, живым существом из легенды. Чаепитие было устроено в будуаре на случай, если вдруг кто-нибудь придет, и проходило в тишине и спокойствии, потому что, как ни уверяла ее, улыбаясь, Морская Дама в обратном, миссис Бантинг была твердо убеждена, что та должна быть утомлена и светское общение ей не под силу. "После такого путешествия!" - сказала миссис Бантинг.

Их было всего трое - третьей была Эделин Глендауэр. Фред и остальные три девушки, насколько я понимаю, без особой нужды бродили по лестнице (к большому неудовольствию прислуги, которая из-за этого оказалась не в курсе дела), обменивались мнениями по поводу хвоста, рассуждали о русалках, вновь и вновь выходили в сад и на пляж и тщетно пытались изобрести какой-нибудь предлог еще раз повидать несчастную калеку. Миссис Бантинг запретила им заходить и взяла с них клятвенное обещание хранить тайну, и они, вероятно, изнывали от свойственного молодежи любопытства. Некоторое время они без особого увлечения поиграли в крокет, при этом, несомненно, не спуская глаз с окна будуара.

(Что касается мистера Бантинга, то он находился в постели.)

Насколько я понимаю, три дамы сидели и беседовали так, как беседовали бы любые три дамы, твердо намеренные говорить друг другу только приятное. Миссис Бантинг и мисс Глендауэр слишком хорошо усвоили правила поведения в обществе

(а в наше время общество, даже самое лучшее, стало, как всем известно, чрезвычайно смешанным), чтобы чересчур настойчиво интересоваться положением и образом жизни Морской Дамы или расспрашивать ее, где именно она жила дома и с кем там общалась, а с кем нет. Хотя каждая из них по отдельности испытывала жгучее желание это узнать. Сама же Морская Дама никаких сведений о себе не сообщала, ограничиваясь легкой светской болтовней, как и подобает настоящей даме. Она объявила, что ей очень приятно быть на воздухе и чувствовать себя обсохшей, а особенно ей понравился чай.

- Неужели у вас не пьют чай? - вскричала в удивлении мисс Глендауэр.

- Но как же это для нас возможно?

- И вы действительно хотите сказать...

- До сих пор я еще ни разу даже не пробовала чая. Как, по-вашему, мы могли бы вскипятить чайник?

- Какой это, должно быть, странный.., и удивительный мир! - воскликнула Эделин.

А миссис Бантинг сказала:

- Я просто не могу себе представить, как можно жить без чая. Это хуже, чем... Я хочу сказать, это напоминает мне.., за границу.

Как раз в это время миссис Бантинг наливала Морской Даме вторую чашку.

- Я только надеюсь... - высказала она вслух мелькнувшую у нее мысль. - Если вы не привыкли... Он не повредит вашему желудку... - Она взглянула на Эделин и в нерешительности умолкла. - Впрочем, это китайский чай. - И она долила чашку.

- Никак не могу представить себе этот мир, - сказала Эделин. - Совершенно не могу.

Ее темные глаза задумчиво остановились на Морской Даме.

- Совершенно не могу, - повторила она, ибо столь же непостижимым образом, как шепот привлекает внимание, какого не удостоивается громкий шум, отсутствие чая потрясло ее куда сильнее, чем наличие хвоста.

Морская Дама неожиданно посмотрела ей прямо в глаза.

- А подумайте, каким удивительным все должно казаться мне здесь! - заметила она.

Однако воображение Эделин продолжало работать, и сухопутные впечатления Морской Дамы не могли ее отвлечь. На какое-то мгновение ее мысленный взор проник сквозь маску благовоспитанной безмятежности и притворной светскости, которая так успешно ввела в заблуждение миссис Бантинг.

- Это должен быть в высшей степени странный мир, - произнесла она и с вопросительным видом умолкла, не в состоянии сказать ничего больше. Но Морская Дама не пришла ей на помощь.

Наступила пауза - все напряженно думали, о чем бы еще поговорить. На столе стояли розы, и разговор, естественно, зашел о цветах.

- Да ведь у вас тоже есть морские анемоны! - вспомнила мисс Глендауэр. - Как, наверное, красивы они среди скал!

И Морская Дама подтвердила, что они действительно очень красивы - особенно культурные сорта.

- А рыбки? - сказала миссис Бантинг. - Как, должно быть, удивительно видеть вокруг себя рыбок!

- Некоторые из них подплывают и кормятся прямо из рук, - сообщила Морская Дама.

Миссис Бантинг удовлетворенно вздохнула. Ей тут же пришли на ум выставки хризантем и цветник перед Королевской Академией искусств - таким людям, как она, доставляет удовольствие лишь то, что хорошо им знакомо. Морская пучина на мгновение представилась ей неожиданно добропорядочным и уютным местом, чем-то вроде переулка между Пиккадилли и Темплом. Правда, ее ненадолго смутил вопрос об освещении, но в следующий раз об этом она вспомнила лишь много времени спустя.

Тем временем Морская Дама, избегая серьезных расспросов мисс Глендауэр, перевела разговор на солнечный свет.

- Солнце у вас здесь такое золотистое, - сказала она. - Оно всегда золотистое?

- А у вас, наверное, вместо него стоит такое красивое зеленовато-голубое мерцание, - сказала мисс Глендауэр. - Иногда что-то отдаленно похожее можно видеть в аквариуме...

- Мы живем намного глубже, - ответила Морская Дама. - Там, в миле от поверхности или около того, все, знаете ли, фосфоресцирует, и это похоже на..., не знаю на что. Как город ночью, только ярче. Как ваша набережная или что-то вроде этого.

- Правда? - воскликнула миссис Бантинг, подумав о Стрэнде во время театрального разъезда. - Там так светло?

- О, очень светло, - ответила Морская Дама.

- Но неужели это никогда не выключается? - попыталась понять Эделин.

- Там все совсем иначе, - ответила Морская Дама.

- Потому-то это так и интересно, - сказала Эделин.

- Там, знаете ли, нет ни дня, ни ночи. Ни времени, ничего такого.

- Вот это очень странно, - заметила миссис Бантинг, рассеянно наливая мисс Глендауэр еще чашку; поглощенные своим интересом к Морской Даме, обе уже выпили изрядное количество чая. - А как же вы узнаете, когда наступает воскресенье?

- Мы не... - начала Морская Дама. - Во всяком случае, не... - И тут же нашлась:

- Но ведь нам слышны прелестные гимны, которые по воскресеньям поют пассажиры на судах.

- Ну, разумеется! - сказала миссис Бантинг, которая в молодости тоже распевала гимны, и тут же совсем забыла, что в словах Морской Дамы ей только что послышалось нечто неуловимое.

Однако вскоре в разговоре мелькнул намек на более серьезное различие - правда, всего лишь намек. Мисс Глендауэр наугад высказала предположение, что у обитателей моря тоже есть свои "проблемы", и тут, видимо, ее природная серьезность взяла верх над подобающим светской даме легкомыслием, и она начала задавать вопросы. Нет никакого сомнения, что Морская Дама отвечала уклончиво, и мисс Глендауэр, спохватившись, что ее расспросы чересчур настойчивы, попыталась загладить вину, ограничившись общим впечатлением.

- Нет, не могу себе этого представить, - сказала она, выразив жестом свою беспомощность. - Хочется это увидеть, хочется понять. Но для этого надо родиться маленькой русалочкой.

- Маленькой русалочкой? - переспросила Морская Дама.

- Да... Вы ведь так называете своих маленьких?...

- Каких маленьких? - спросила Морская Дама.

Несколько мгновений она смотрела на них с откровенным удивлением - тем непреходящим удивлением, какое испытывают бессмертные при виде постоянного распада, смерти и зарождения, составляющих суть человеческой жизни. Потом, увидев выражение их лиц, она как будто опомнилась.

- Ну, конечно, - сказала она и, круто переменив тему, так что вернуться к прежней стало затруднительно, согласилась с Эделин:

- Да, там все совсем иначе. Чувствуешь себя, знаете ли, такой похожей, но совсем другой. Это и есть самое удивительное. Как, по-вашему, правда я выгляжу хорошо? А между тем я, знаете ли, до сегодняшнего дня еще ни разу не зачесывала себе волосы и не надевала платья.

- А что вы вообще носите? - спросила мисс Глендауэр. - Наверное, что-нибудь прелестное?

- Мы одеваемся совсем иначе, - ответила Морская Дама и стряхнула с платья крошку.

Какое-то мгновение миссис Бантинг пристально смотрела на гостью. Мне кажется, за это мгновение у нее в голове промелькнули некие смутные, неопределенные картины языческого свойства. Однако Морская Дама сидела тут, перед ней, в ее пеньюаре, столь осязаемо благовоспитанная, с убранными по моде прелестными волосами и с таким откровенно невинным взглядом, что подозрения миссис Бантинг тут же улетучились.

(А что касается Эделин, то я в этом не столь уверен.)

Глава III

ИНТЕРМЕДИЯ С ЖУРНАЛИСТАМИ

I

Самое удивительное то, что Бантинги действительно выполнили всю программу, которую наметила миссис Бантинг. Им, во всяком случае на время, безусловно удалось превратить Морскую Даму во вполне правдоподобную женщину-калеку - и это несмотря на то, что существовало множество очевидцев появления Дамы, и на возникшие вскоре серьезные внутренние разногласия. Более того, несмотря на то, что одна из горничных - кто именно, было установлено лишь значительно позже, - по секрету рассказала всю историю ухаживавшему за ней весьма самоуверенному молодому человеку, а он в следующее воскресенье сообщил ее одному подающему надежды журналисту, который болтался без дела на Лугах, вынашивая нравоописательный очерк. Подающий надежды журналист не поверил, но предпринял кое-какие расспросы и в конце концов решил, что этим делом стоит заняться. Из нескольких источников до него дошли смутные, но достаточно обильные слухи о некоем происшествии: тот молодой человек, что ухаживал за горничной, был весьма словоохотлив, когда ему было что рассказать.

После этого подающий надежды журналист отправился в редакции двух ведущих фолкстонских газет, чтобы прощупать почву, и обнаружил, что до них эти слухи только что дошли и что они собирались сделать вид, будто ничего не слышали, как обычно поступают местные газеты, столкнувшись с чем-то из ряда вон выходящим. Однако атмосфера предприимчивости, распространяемая подающим надежды журналистом, заставила их очнуться. Он это заметил и понял, что терять время нельзя. Поэтому, пока они подыскивали кого-нибудь, чтобы послать навести справки,

он отправился звонить в "Дейли ганфайр" и в "Нью пейпер". Дозвонившись, он разговаривал уверенным и напористым тоном. Он сделал ставку на свою репутацию - репутацию подающего надежды журналиста.

- Клянусь, в этом что-то есть, - сказал он. - Нужно только оказаться первыми, вот и все.

Кое-какая репутация у него, как я уже говорил, была - и он сделал ставку на нее. Заметка в "Дейли ганфайр" была обстоятельной, но скептической, а "Нью пейпер" вышла под шапкой на первой странице: "Наконец-то - русалка!"

Вы можете подумать, что уж теперь-то все раскрылось, но этого не произошло. Есть вещи, в которые никто не верит, даже если они и напечатаны в бульварной газете. Действительно, когда Бантинги обнаружили репортеров, которые, можно сказать, ломались к ним в дверь и от которых удалось на время отделаться, лишь предложив им зайти попозже; когда они увидели свою невероятную тайну пропечатанной в газете, и Бантинги, и Морская Дама сначала решили, что безнадежно разоблачены. Они уже предвидели, как будет распространяться эта история, представляли себе неминуемый шквал нескромных вопросов, шагающие треноги бесчисленных фотографов, заглядывающие в окна толпы, - все ужасы широкой огласки. Бантинги и Мэйбл были в ужасе, просто в ужасе. У Эделин же эта неизбежная и, насколько дело касалось ее, совершенно неуместная огласка вызвала не столько ужас, сколько раздражение. "Они никогда не осмелятся... - сказала она. - Подумайте, как это отразится на Гарри!" - и при первом же удобном случае удалилась к себе в комнату. Остальные, отнесясь к ее недовольству с не совсем обычным пренебрежением, уселись вокруг кушетки Морской Дамы - она едва притронулась к завтраку - и принялись обсуждать надвигающийся кошмар.

- Они напечатают в газетах наши фотографии, - сказала старшая мисс Бантинг.

- Только не мою, - заявила ее сестра. - Ужасная фотография. Сейчас же пойду и сфотографируюсь заново.

- Они потребуют, чтобы отец дал им интервью!

- Нет, нет! - воскликнул в испуге мистер Бантинг. - Пусть твоя мать...

- Как скажешь, дорогой мой, - отозвалась миссис Бантинг.

- Но ведь это отец... - начал Фред.

- Нет, я не смогу! - сказал мистер Бантинг.

- Ну, кому-то все равно придется с ними говорить, - сказала миссис Бантинг. - Вы же знаете, они...

- Но это совсем не то, чего я хотела! - жалобно воскликнула Морская Дама, держа в руке "Дейли ганфайр". - Нельзя ли это остановить?

- Не знаете вы наших журналистов, - сказал Фред.

Положение было спасено благодаря такту моего троюродного брата Мелвила. В свое время он немного баловался журналистикой и общался с литераторами вроде меня, а литераторы вроде меня нередко очень свободно и откровенно высказываются о нравах прессы. Появившись у Бантингов, он сразу же понял, какой панический страх охватил их при мысли об огласке, услышал их возмущенные протесты, полные чуть ли не упоительного ужаса, поймал взгляд Морской Дамы - и не медля взялся за дело.

- Сейчас не время проявлять чрезмерную щепетильность, миссис Бантинг, - сказал он. - Но я думаю, мы еще сможем спасти положение. Вы слишком рано отчаялись. Этому сразу же нужно положить конец, вот и все. Позвольте мне поговорить с этими

репортерами и написать в лондонские газеты. Думаю, я смогу сделать так, чтобы они успокоились.

- Да? - спросил Фред.

- Поверьте, я смогу сделать так, чтобы этому был положен конец.

- Как, совсем?

- Совсем.

- А каким образом? - спросили в один голос Фред и миссис Бантинг. - Уж не собираетесь ли вы их подкупить?

- Подкупить? - воскликнул мистер Бантинг. - Мы не во Франции. Британскую газету подкупить нельзя!

(При этих словах все собравшиеся Бантинги издали нечто вроде тихого "ура".)

- Предоставьте это мне, - сказал Мелвил, чувствуя себя в своей стихии. И они так и сделали, от всей души, но без особой уверенности пожелав ему успеха.

Он справился со своей задачей великолепно.

- Что там за история с какой-то русалкой? - строго спросил он двоих местных журналистов, когда те вернулись. Вернулись они, для храбрости, вместе, поскольку были журналистами, так сказать, по необходимости, а в остальное время работали наборщиками и большого опыта в столь серьезной журналистике не имели. - Что там за история с русалкой? - повторил мой троюродный брат, пока они робко прятались друг за друга. - Мне кажется, вас кто-то ввел в заблуждение, - сказал мой троюродный брат Мелвил. - Только подумайте - русалка!

- Мы тоже так подумали, - сказал один из журналистов по необходимости - тот, что помоложе. - Мы, знаете ли, поняли, что это какой-то розыгрыш... Только "Нью пейпер" вынесла это на первую страницу...

- Я поражен, что даже Бангхерст... - сказал мой троюродный брат Мелвил.

- Ив "Дейли ганфайр" про это тоже есть, - сказал другой журналист по необходимости - тот, что постарше.

- Какое имеет значение, что печатают в этих дешевых бульварных листках? - воскликнул мой троюродный брат звенящим от презрения голосом. - Вы же не собираетесь черпать местные, фолкстонские новости из каких-то лондонских газетеночек?

- Но откуда взялась эта история? - начал тот, что постарше.

- Это не мое дело.

Тут того, что помоложе, осенило. Он достал из верхнего кармана блокнот.

- Может быть, сэр, вы окажете нам любезность и подскажите, что мы могли бы написать...

Мой троюродный брат Мелвил так и сделал.

II

На следующий вечер подающий надежды молодой журналист, который первым пронюхал про это дело и которого ни на мгновение не следует путать с двумя журналистами по необходимости, о ком шла речь выше, - явился к Бангхерсту в состоянии необычного возбуждения.

- Я все раскопал и видел ее, - сказал он, задыхаясь от волнения. - Я ждал на улице и видел, как ее сажали в экипаж. Я говорил с одной из горничных - я заметил телефонный провод и проник в дом под видом телефонного мастера для проверки их

телефона, - и это факт! Несомненный факт... Она русалка с хвостом - с настоящим хвостом, какой бывает у русалок. Я вернулся сюда...

Он помахал какими-то исписанными листками.

- О чем вы говорите? - спросил Бангхерст через стол, заваленный бумагами, глядя на листки с опаской и враждебностью.

- О русалке. Там в самом деле русалка - в Фолкстоне.

Бангхерст отвернулся и принялся бесцельно перебирать карандаши и перья на своем письменном приборе.

- Ну и что, если так? - спросил он после паузы.

- Но это доказано. Та заметка, которую вы напечатали...

- Та заметка, которую я напечатал, была ошибкой, молодой человек, если что-то в этом роде действительно произошло. - Бангхерст по-прежнему сидел, упрямо повернувшись к нему спиной.

- Как это?

- Мы здесь русалками не занимаемся.

- Но вы же не собираетесь бросить это дело?

- Собираюсь.

- Да ведь она там есть!

- Ну и пусть. - Он повернулся к подающему надежды журналисту; его монументальное лицо было монументальнее обычного, а голос стал звучным и торжественным. - Неужели вы думаете, что мы намерены заставить нашу публику поверить во что-то только потому, что это правда? Она прекрасно знает, во что она желает верить, а во что не желает, и ни в каких русалок она верить не желает - можете в этом не сомневаться. Мне все равно, пусть даже весь тот чертов пляж будет усеян русалками. Весь тот чертов пляж! Мы должны заботиться о своей репутации, ясно?... Имейте в виду, что ваши успехи в обучении журналистике меня разочаровывают. Это вы принесли ту чепуху о химическом открытии...

- Это была правда.

- Б-р-р!

- Мне рассказал об этом член Королевского Общества...

- Мне все равно, кто бы вам об этом ни рассказал. Всякая дребедень, поверить в которую публика не пожелает, - это еще не факты. Если она соответствует действительности, тем хуже. Нашу газету покупают ради того, чтобы проглотить ее не раздумывая, и она должна проскакивать в глотку как можно легче. Когда я напечатал эту вашу заметку на первой странице, я думал, вы задумали какую-то шутку. Я думал, вы напали на какую-то сплетню про совместное купанье или что-нибудь в этом роде - на что-то смачное. На то, что будет доступно им всем. Вы же помните - отправляясь в Фолкстон, вы собирались написать, как наряжаются всякие там лорды Солсбери и прочие, когда отправляются на прогулку по Лугам. (Солсбери Роберт Артур Толбот (1830-1903) - маркиз, представитель одного из старинных английских титулованных родов, известный политический деятель. В 1885-1892 и 1895-1902 гг. - премьер-министр Великобритании). И затеять дискуссию о том, входят ли у нас в моду кафе на французский манер. И так далее. А вы занялись этой (тут последовал непечатный эпитет) ерундой!

- Но лорд Солсбери..., он же не бывает в Фолкстоне!

Бангхерст пожал плечами, убедившись, что случай безнадежный.

- Ну и что, черт возьми? - произнес он скучным голосом, обращаясь к своей чернильнице. - Какое это-то имеет значение?

Молодой человек задумался. Через некоторое время он сказал уже без особого воодушевления:

- Я, пожалуй, мог бы это переделать и подать как шутку. Превратить в комический диалог с человеком, который в это действительно поверил, или что-нибудь в таком же роде. Знаете, материал изрядного размера, жаль его выбрасывать.

- Ни за что, - сказал Бангхерст. - Ни в каком виде. Нет! Чего доброго, еще подумают, что мы умничаем. Что вы над ними подсмеиваетесь. Они терпеть не могут всего, что похоже на умничанье.

Молодой человек хотел было возразить, но по выражению спины Бангхерста было совершенно ясно, что разговор подошел к концу.

- Ни за что, - повторил Бангхерст как раз в тот момент, когда казалось, что он окончательно умолк.

- Тогда можно я отнесу это в "Дейли ганфайр"?

Бангхерст подсказал ему еще один вариант.

- Что ж, ладно, - с некоторой досадой в голосе сказал молодой человек. - Значит, в "Дейли ганфайр".

Но он забыл, что и у "Дейли ганфайр" тоже есть редактор.

III

Видимо, вскоре после этого впервые услышал о русалке и я, еще не предполагая, что в конце концов мне доведется описать ее историю. Дело было во время одного из моих редких посещений Лондона, и Миклтуэйт пригласил меня пообедать в клуб "Перочистка" - несомненно, один из дюжины лучших литературных клубов в Лондоне. За столиком у дверей я заметил подающего надежды молодого журналиста - он обедал в одиночестве. Все столики поблизости от него были пусты, хотя в остальной части зала свободных мест не было. Он сидел лицом к двери и поднимал глаза всякий раз, когда кто-нибудь входил, словно поджидая кого-то, кто никак не шел. Один раз я явственно видел, как он поманил кого-то к себе, но тот не отозвался.

- Послушайте, Миклтуэйт, - сказал я, - почему все избегают вон того человека? Я только что заметил, как он в курительной пытался с кем-то заговорить, но похоже, что какое-то табу...

Миклтуэйт поглядел в ту сторону, держа в воздухе вилку.

- Еще бы, - ответил он.

- Но что он такого сделал?

- Он дурак, - в явном раздражении произнес Миклтуэйт с набитым ртом. - Бр-р-р! - добавил он, как только смог.

Я немного подождал.

- Но что он такого сделал? - еще раз спросил я.

Некоторое время Миклтуэйт не отвечал, сердито набивая рот хлебом и всем, что попадало под руку. Потом, придвинувшись ко мне с видом заговорщика, он принялся издавать возмущенные звуки, в которых я с трудом различал отдельные слова.

- Ах, вот что! - сказал я, когда он умолк.

- Да, - отозвался Миклтуэйт, сделал наконец глоток и налил себе вина, расплескав его на скатерть. - На днях и я почти целый час не мог от него отвязаться.

- Да?

- Круглый дурак, - сказал Миклтуэйт.

Я боялся, что больше ничего не услышу, но, к счастью, залпом выпив вино, он снова заговорил.

- Он требует от всех, чтобы ему возражали, - сказал он.

- Насчет чего?

- Чтобы говорили, что у него нет доказательств.

- Да?

- А потом предъявляет доказательства. Воображает, что он умнее всех. Я не мог ничего понять.

- Доказательства чего?

- Разве я вам не сказал? - спросил Миклтуэйт, побагровев. - Насчет этой его дурацкой русалки из Фолкстона.

- Он говорит, что русалка существует?

- Ну да, - сказал Миклтуэйт, побагровев еще сильнее и глядя на меня в упор, словно вопрошая, не намерен ли и я обернуться против него и встать на сторону этого гнусного негодяя. На мгновение мне показалось, что его сейчас хватит апоплексический удар, но, к счастью, он вспомнил о своем долге хозяина и внезапно напустился на задумчивого официанта за то, что тот не убирает наших тарелок.

- Давно не играли в гольф? - спросил я Миклтуэйта, когда пристыженный официант убрал тарелки и убрался вместе с ними. Гольф всегда приводит Миклтуэйта в хорошее расположение духа, кроме тех случаев, когда он сам играет. А тогда, как мне говорили... Если бы на моем месте сейчас была миссис Бантинг, она бы умолкла и подняла брови, воздев руки, чтобы дать понять, как действует гольф на Миклтуэйта, когда он сам играет.

Я старательно делал вид, будто интересуюсь гольфом - игрой, которую на самом деле презираю и ненавижу, как ничто другое в мире. Представьте себе толстяка вроде Миклтуэйта, которому следовало бы ходить в тюрбане и длинном черном халате, чтобы скрыть свою полноту, и который милю за милей гоняет белый мячик с помощью целого хирургического набора инструментов, гоняет то с ребяческой серьезностью, то в ребяческом гневе, гоняет в то время, как вся страна проваливается в тартарары, и к тому же еще приучает невинного мальчика, который носит за ним клюшки, к непристойным ругательствам, безделью и чаевым. Вот что такое гольф! Тем не менее я удержался от презрительной усмешки и пустился в рассуждения о гольфе и о сравнительных достоинствах разных полей для него, как говорят с ребенком о пирожных или дразнят щенка, шепнув ему "Крыса!".

И только когда наш обед пришел к концу, я наконец смог снова взглянуть на подающего надежды молодого журналиста и увидел, что он гораздо более оживленно, чем принято в подобных случаях, беседует о чем-то с гардеробщиком, который подает ему пальто. Тот, казалось, был крайне изумлен, но держался почтительно и отвечал немногословно, но вежливо.

Когда мы пошли к выходу, их беседа все еще продолжалась. Гардеробщик держал в руках мягкую фетровую шляпу подающего надежды молодого журналиста, а тот рылся в карманах пальто, битком набитых какими-то бумагами.

- Это потрясающе. У меня почти все с собой, - услышали мы, проходя мимо. - Может быть, вы...

- У меня крайне мало времени на чтение, сэр, - отвечал гардеробщик.

Глава IV

ВЫСОКИЕ ДОСТОИНСТВА ПАРКЕР

I

Я знаю, что до сих пор излагал события весьма обстоятельно - моим девизом были скорее естественность и правдоподобие, нежели строгость, свойственная свидетельским показаниям. Но если мне удалось наглядно показать читателю, как Морская Дама вышла на сушу и как она смогла, выйдя на сушу, стать членом общества, не возбуждав в нем особого волнения, то мои жалкие попытки расцветить, оттенить и украсить выдумкой факты, оказавшиеся в моем распоряжении, не пропали даром.

Морская Дама решительно и без особого шума обосновалась у Бантингов. Не прошло и двух недель, как она обосновалась там настолько прочно, что, если не считать ее исключительной красоты и очарования, а также едва заметной двусмысленности, которая время от времени проскальзывала в ее улыбке, она превратилась во вполне приемлемое подобие человека. Правда, человека, страдающего увечьем: ее нижнюю конечность весьма трогательно обмотали бинтами и поместили в нечто вроде лубка; однако, по общему мнению - начало которому, боюсь, положила миссис Бантинг, - в скором времени она снова сможет "ими" владеть, как прежде (миссис Бантинг говорила "ими", хотя это, безусловно, находилось на грани допустимой уклончивости, если не за ее пределами).

- Ну, разумеется, - говорила миссис Бантинг, - ездить на велосипеде ей больше никогда не придется...

Таков был романтический ореол, которым она окружила Морскую Даму.

II

Невозможно отрицать, что в лице Паркер Морская Дама нашла - или, во всяком случае, миссис Бантинг нашла для нее - истинное сокровище. У Паркер был один недостаток - излишняя молодость; но она уже успела поработать горничной у одной дамы из Индии, "привлекавшейся по делу", была подвергнута перекрестному допросу и вышла из него с честью. Кроме того, она испытала на себе коварство одного молодого человека, который ей очень нравился и которого она застала гуляющим с другой, что шло вразрез с ее непоколебимыми представлениями о приличиях, - а в сравнении с этим все остальное лишь суета сует. После этого она твердо решила, что больше никаких сюрпризов судьба преподнести ей не сможет. На пеструю (и отнюдь не всегда благопристойную) картину жизненного карнавала она взирала с бесстрастной настороженностью, сохраняя невозмутимость, выполняя свои обязанности и решительно уклоняясь от более близкого в нем участия. Локти она всегда держала опущенными, а кисти рук - сложенными вместе перед собой, и даже при самом богатом воображении невозможно было представить себе ее иначе, чем воплощением абсолютной добропорядочности, надежности и аккуратности. Голос ее всегда, при любых обстоятельствах, звучал негромко, но удивительно отчетливо - и лишь с едва уловимым оттенком жеманства. Когда разговор подошел к сути дела, миссис Бантинг начала немного нервничать. Нанимала ее, разумеется, миссис Бантинг, поскольку Морская Дама была еще совершенно неопытна. Однако беспокойство миссис Бантинг было тут же рассеяно.

- Знаете ли, - решила наконец миссис Бантинг, - она..., она страдает увечьем. Вы понимаете?

- Я не знала, мэм, - почтительно ответила Паркер, очевидно вполне готовая понять все, что угодно, видя в этом часть своего призвания в этом мире.

- В сущности говоря, - продолжала миссис Бантинг, изящно водя по краю скатерти пальцем в перчатке и не сводя с него глаз, - в сущности говоря, у нее хвост, как у русалки.

- Хвост, как у русалки, мэм? Да уж... А это болезненно?

- Нет, милая моя, нет, это не доставляет ей совершенно никаких неудобств.

Только..., понимаете, здесь нужна особая деликатность.

- Конечно, мэм, - ответила Паркер, словно хотела сказать: "Как всегда".

- Прежде всего, мы не хотим, чтобы прислуга...

- То есть младшая прислуга? Конечно, мэм.

- Значит, вы понимаете? - спросила миссис Бантинг, снова подняв глаза и посмотрев на Паркер.

- Безусловно, мэм, - ответила Паркер, не шевельнув бровью, и они перешли к обсуждению условий. "Все обошлось в высшей степени удовлетворительно", - говорила миссис Бантинг, облегченно вздыхая при одном воспоминании об этой беседе. И ясно было, что Паркер целиком согласна с ее мнением.

Паркер оказалась не только не болтливой, но и весьма ловкой и искусной. С самого начала она незаметно, но прочно овладела положением. Это Паркер изобрела для "Него" нечто вроде футляра от скрипки и удлинила утреннее платье так, чтобы оно скрывало жесткие контуры футляра. Это Паркер предложила пользоваться дома и в саду креслом на колесах, а на лестнице сидячими носилками. До сих пор всякий раз, когда Морской Даме требовалась мужская помощь, под рукой неизменно оказывался Фред, иногда даже в излишне больших дозах. Однако Паркер сразу ясно дала понять, что это отнюдь не соответствует ее представлениям, и этим на всю жизнь завоевала признательность Мэйбл Глендауэр. И Паркер же высказалась за прогулки в экипаже и предложила (с такой убежденностью в своей правоте, что ничего другого не оставалось) нанять на летний сезон парную коляску - к большой радости как Бантингов, так и Морской Дамы. Это Паркер распорядилась ежедневно выезжать на восточный конец Лугов и командовала пересаживанием Морской Дамы, во всех его подробностях, из коляски в кресло на колесах, в котором та прогуливалась по Лугам. Это Паркер неизменно со всей корректностью подсказывала, куда могла бы с удовольствием и не нарушая приличий отправиться Морская Дама, и указывала, как туда добраться, а если что-нибудь делать или где-нибудь бывать Морской Даме было нежелательно, то Паркер сразу же незаметно, но неумолимо накладывала в таких случаях свой запрет. Это Паркер спасла Морскую Даму от превращения в исключительную собственность семейства Бантингов и помогла ей обрести достойное положение в обществе, когда разразился кризис. На нее можно было положиться и в самом серьезном деле, и в мелочах. Это она обратила внимание на то, что для Морской Дамы еще не заказаны и не напечатаны визитные карточки ("Мисс Лорис Талассия Уотерс" - такое изящное и вполне подходящее к случаю имя было ей дано), и заменила сундучок некоего, вероятно, давно сгинувшего в морских пучинах "Тома Уайлдерза" на шкатулку для драгоценностей, сумочку и первый в жизни Морской Дамы чемодан. (От имени древнегреческого божества Дориды - дочери Океана и супруги морского бога Неря, греческого слова "талассос" - "море" и английского "уотер" - "вода").

Свойственное Паркер тонкое и острое чувство приличия проявилось в тысячах незначительных случаев. Например, однажды в лавке, в момент покупки кое-каких интимных "вещичек", она внезапно вмешалась.

- А вон там чулки, мэм, - сказала она почтительным полусшепотом, указывая на них рукой, но без чрезмерной вульгарности.

- Чулки? - воскликнула миссис Бантинг. - Но ведь...

- Мне кажется, мэм, ей следовало бы иметь чулки, - сказала Паркер негромко, но весьма твердо.

И если подумать, то разве может непоправимое отсутствие чего-то у дамы послужить извинением отсутствию у нее чего-то другого, которое может быть восполнено? И разве не сталкиваемся мы здесь с самой квинтэссенцией и основополагающим принципом приличия?

Впрочем, миссис Бантинг с этим никогда бы не согласилась.

III

Позвольте мне здесь с сожалением, но и с бесконечным уважением сообщить еще одно обстоятельство, касающееся Паркер, после чего она сможет занять подобающее ей место.

Должен с легким чувством раскаяния сознаться, что я разыскал эту молодую женщину на ее нынешнем месте работы в Хайтон-Гауэрс, где она служит горничной у выдающейся религиозной и социальной деятельницы - леди Джейн Глэнвил. Мне не хватало подробностей; те обрывки сведений, которыми я располагал, не позволяли воссоздать с должным правдоподобием некоторые сцены и разговоры. Она же с самого начала и до самого конца должна была все видеть, все знать и практически обо всем догадываться.

Я так и сказал ей, ничего не скрывая. Она не стала делать вид, что не поняла меня или что не знает кое-каких неизвестных мне обстоятельств. Когда я закончил, она спокойно посмотрела мне прямо в глаза.

- Я об этом и подумать не могу, сэр, - ответила она. - У меня совершенно не такие понятия.

- Но... Вам же теперь ничего не будет, если вы расскажете мне...

- Боюсь, что не могу, сэр.

- От этого никому не станет хуже.

- Дело не в этом, сэр.

- Знаете, я могу позаботиться о том, чтобы вы не потерпели никакого ущерба.

Паркер вежливо смотрела на меня, не говоря ни слова: все, что она считала нужным, уже было высказано.

И несмотря на мои продолжительные и настойчивые уговоры, Паркер осталась непреклонной. Даже когда я под конец, отбросив все ухищрения, попытался самым непристойным образом ее подкупить, она не проявила никаких чувств, кроме подобающего уважения к моему высокому социальному положению.

- Я об этом и подумать не могу, сэр, - повторила она. - У меня совершенно не такие понятия.

И если эта история в конце концов покажется вам хоть в какой-то степени туманной или неполной, я надеюсь, что вы вспомните, как на моем пути встала Паркер со своими непоколебимыми понятиями.

I

Эти отступления, посвященные Паркер и журналистам, безусловно, немного отвлекли меня от моего рассказа. Тем не менее вы должны понимать, что, пока подающий надежды молодой журналист гонялся за информацией, собственными фантазиями и Бангхерстом, а достоинства Паркер пребывали лишь в зародыше и мысль об экипаже еще никому не приходила в голову, в веселом маленьком семействе под вечнозелеными дубами фолкстонской ривьеры уже назревали кое-какие события. Как только Бантинги оказались в состоянии думать о чем-то еще, кроме своего поразительного нового приобретения, они убедились в этом совершенно недвусмысленно. То, что было на первых порах едва заметно, стало вполне очевидным: оказывается, их скромную радость от обладания такой прелестной, такой богатой и - в определенном смысле - такой выдающейся гостьей, как мисс Уотерс, отнюдь не полностью разделяли две молодые дамы, которые в тот сезон должны были быть главными их гостями. Эта крохотная трещинка дала себя знать уже тогда, когда миссис Бантинг впервые представился случай обсудить свои новые планы с мисс Глендауэр.

- И она действительно собирается остаться у вас на весь сезон? - спросила Эделин.

- Ну конечно, дорогая моя. Ведь вы не имеете ничего против?

- Это для меня несколько неожиданно.

- Но она же попросила меня, дорогая моя...

- Я думаю о Гарри. Если выборы будут назначены на сентябрь, - а все, по видимому, считают, что так и случится... Вы обещали, что позволите нам пользоваться вашим домом во время предвыборной кампании.

- Но вы же не думаете, что она...

- Она станет весьма серьезной помехой. - Мисс Глендауэр сделала паузу и добавила:

- Она мешает мне работать.

- Но, дорогая моя!...

- Она нарушает гармонию, - сказала Эделин.

Миссис Бантинг поглядела в окно, на кусты тамариска и расстилавшееся за ними море.

- Я, разумеется, не сделаю ничего такого, что могло бы повредить Гарри. Вы знаете, как мы за него рады. Рандолф готов сделать для него все, что потребуется. Но вы уверены, что она станет помехой?

- А чем еще она может стать?

- Она могла бы даже помочь.

- Ах, помочь!

- Она могла бы заняться агитацией. Вы же знаете, дорогая моя, она очень обаятельна.

- Не для меня, - сказала мисс Глендауэр. - Я ей не доверяю.

- Ну, для других. А как говорит Гарри, во время выборов каждому, кто может что-то сделать, нужно предоставить такую возможность. Потом с ними можно порвать, сделать все, что угодно, но во время выборов... Вы же помните, он говорил об этом,

когда был здесь с мистером Файсоном. Если оставить предвыборную агитацию только действительно симпатичным людям...

- Это мистер Файсон сказал, а не Гарри. А кроме того, она не захочет помогать.

- Я думаю, тут вы ошибаетесь, дорогая моя. Она уже спрашивала...

- Насчет помощи?

- Да, и обо всем остальном, - сказала миссис Бантинг, на мгновение слегка покраснев. - Она все время расспрашивает, зачем у нас бывают выборы, и что это такое, и почему Гарри выставил свою кандидатуру, и так далее. Она этим всерьез интересуется. Я не могу ответить и на половину вопросов, которые она задает.

- Наверное, поэтому она так подолгу беседует с мистером Мелвиллом и поэтому Фред совсем не обращает внимания на Мэйбл...

- Ну что вы, дорогая моя! - воскликнула миссис Бантинг.

- Я ни за что не соглашусь, чтобы она помогала нам заниматься агитацией, - сказала мисс Глендауэр. - Она все испортит. Она легкомысленна и насмешлива. Она смотрит этими своими изумленными глазами так, что при ней совершенно нельзя говорить серьезно... Мне кажется, вы не вполне понимаете, миссис Бантинг, что эти выборы и моя работа означают для меня - и для Гарри. А она всему этому противоречит.

- Ну что вы, дорогая моя! Я ни разу не слышала, чтобы она кому-нибудь противоречила.

- О, на словах она не противоречит. Но она... В ней есть что-то такое...

Чувствуется, что самые важные, самые серьезные вещи для нее ничто. Разве вы этого не замечаете? Она - существо из совсем иного, чуждого нам мира.

Однако миссис Бантинг продолжала сохранять беспристрастие. Эделин снова заговорила, на этот раз немного спокойнее.

- И вообще мне кажется, - сказала она, - что мы слишком легко приняли ее к себе. Откуда мы знаем, что она собой представляет? Там, внизу, она могла быть кем угодно. Может быть, у нее были основательные причины выйти на сушу...

- Дорогая моя! - воскликнула миссис Бантинг. - Разве это милосердно с вашей стороны?

- Какую жизнь они там ведут?

- Если бы она не вела там приличную жизнь, она не могла бы так прилично держаться здесь.

- И к тому же - явиться сюда!.. Без всякого приглашения...

- Теперь я ее уже пригласила, - мягко сказала миссис Бантинг.

- У вас не было другого выхода. Я только надеюсь, что ваша доброта...

- Это не доброта, - возразила миссис Бантинг. - Это долг. Даже будь она и наполовину не так обаятельна... Вы, кажется, забываете, - она понизила голос, - зачем она пришла к нам.

- Хотела бы я это знать.

- В наши дни, когда повсюду такой разгул материализма и такое падение нравов, когда каждый, у кого есть душа, как будто старается ее лишиться, - в такое время встретить кого-то, у кого нет души и кто пытается ее обрести...

- А она пытается?

- Мистер Фландж ходит сюда два раза в неделю. Он приходил бы и чаще, вы же знаете, если бы не был так занят на конференциях.

- А когда приходит, пользуется всяким удобным случаем, чтобы дотронуться до ее руки, и говорит так тихо, как только может, а она сидит и улыбается - чуть ли не смеется над его словами.

- Потому что он должен найти путь к ее сердцу. Разве не обязан мистер Фландж сделать все возможное, чтобы представить религию в привлекательном виде?

- Я не верю, что она надеется обрести душу. Я не верю, что ей вообще понадобилась душа.

Эделин повернулась к двери, как будто считая разговор оконченным. С лица миссис Бантинг уже не сходил яркий румянец. Она вырастила сына и двух дочерей, низвела мужа до такого положения, когда единственным доступным ему восклицанием стало: "Дорогая моя, откуда же я знал?" - и когда возникала необходимость проявить твердость, пусть даже по отношению к Эделин Глендауэр, она могла проявить ее не хуже любого другого.

- Дорогая моя, - начала она спокойно, но твердо, - я уверена, что в отношении мисс Уотерс вы ошибаетесь. Может быть, она и легкомысленна - на первый взгляд, во всяком случае. Может быть, она немного насмешлива и любит пошутить. Можно по-разному смотреть на вещи. Но я убеждена, что в глубине души она так же серьезна, как..., как кто угодно. Вы чересчур спешите ее осуждать. Я убеждена, что если бы вы знали ее лучше - как я, например...

Миссис Бантинг сделала красноречивую паузу.

На щеках мисс Глендауэр появились два розовых пятнышка. Держась за ручку двери, она обернулась.

- Во всяком случае, - сказала она, - и Гарри, я уверена, согласится со мной - она ничем не сможет помочь нашему Делу. Нам предстоит большая работа, и не только вульгарная агитация. Нам нужно развивать и распространять новые идеи. У Гарри есть свои взгляды, новые взгляды, грандиозные взгляды. Мы хотим вложить в эту работу все свои силы. Особенно сейчас. А ее присутствие...

Она на мгновение умолкла.

- Она отвлекает. Она уводит в сторону. Она все выворачивает наизнанку. Она умеет привлекать к себе всеобщее внимание. Она разрушает жизненные ценности. Она не дает мне сосредоточиться, она не даст сосредоточиться Гарри...

- Я думаю, дорогая моя, что вы могли бы немного доверять моему суждению, - сказала миссис Бантинг и остановилась.

Мисс Глендауэр раскрыла рот, но тут же закрыла его, не произнеся ни слова. Ясно было, что разговор окончен. После этого могло быть сказано лишь то, о чем впоследствии пришлось бы пожалеть.

Дверь открылась и закрылась, и миссис Бантинг осталась одна.

Час спустя все они встретились за обеденным столом, и Эделин была с Морской Дамой и миссис Бантинг учтива и внимательна, как и подобает серьезной и развитой молодой даме. А все слова и действия миссис Бантинг были направлены на то, чтобы, как принято говорить, с бесконечным так-том - то есть на самом деле с таким избытком такта, что это становится даже обременительно, - выставить напоказ наиболее яркие стороны натуры Морской Дамы. Мистер Бантинг был необычно разговорчив и рассказывал всем о замечательном проекте, о котором только что слышал, - срезать заросший кустарником и бурьяном склон Лугов и построить на его месте Зимний Сад, представляющий собой нечто среднее между винным погребом и Хрустальным Дворцом, - превосходная мысль, по его мнению. (Хрустальный Дворец

- грандиозный выставочный павильон из стекла и чугуна, построенный в 1851 г, в Лондоне для первой международной промышленной выставки; сгорел в 1936 г.).

II

Теперь настало время дать вам некоторое представление о Чаттерисе, которого здесь ждали с таким нетерпением и который в повествовании моего троюродного брата Мелвила, несмотря на свое позднее появление, в действительности является главным действующим лицом сухопутного происхождения.

Случилось так, что в свои университетские годы я довольно часто виделся с Чаттерисом, да и впоследствии время от времени с ним встречался. В университете он блистал, поскольку одевался по моде, но без вульгарности, и притом был умен. С самой ранней молодости он был необыкновенно хорош собой и, ни в какой мере не будучи пошлым мотом, отличался изрядной экстравагантностью. На последнем курсе у него случилась какая-то история, которую постарались не предавать огласке - что-то касающееся не то девушки, не то женщины из Лондона, - однако родственники все уладили, и его дядя, граф Бичкрофт, уплатил за него часть долгов. Не все - поскольку этому семейству, не в пример другим, чужды сентиментальные эксцессы, - но достаточно, чтобы он снова получил возможность жить в свое удовольствие. Семейство его особым богатством не отличалось и, более того, было обременено невероятным количеством довольно непрезентабельных, болтливых теток, оттягивающих проценты с капитала, - я не знаю ни одной семьи, где было бы такое множество эксцентричных теток. Однако Чаттерис был настолько хорош собой, добродушен и одарен, что они, видимо, почти единодушно намеревались устроить его жизнь. Ему присматривали какое-нибудь по возможности прибыльное занятие, которое не требовало бы особого труда и не было чересчур коммерческим, а тем временем - после того, как страстное желание одной из его теток, леди Пойнтинг-Маллоу, увидеть его на сцене было отвергнуто объединенными усилиями наиболее религиозной части теток, - Чаттерис всерьез занимался журналистикой самого высшего уровня - той, когда обедают в самых разных местах, выслушивают после обеда политические откровения и в любое время имеют возможность публиковаться - только бы не затрагивали тринадцать тем - в солидных журналах. Вдобавок он писал довольно сносные стихи и редактировал произведения Джейн Остин по заказу единственного издателя, который еще не успел напечатать все ее классические сочинения. (Остин Джейн (1775-1817) - английская писательница, широко известная своими психологическими романами. Разумеется, "редактировать" ее произведения не было нужды).

Стихи, как и он сам, были изящны, и в них, как и на его лице, проницательный взгляд мог заметить признаки некоторой недоговоренности и нерешительности. В них сквозила та утонченность, которая в общественном деятеле оборачивается слабостью. Однако поскольку общественным деятелем он пока еще не стал, то считался достаточно энергичным, а его произведения, обнаруживавшие явные способности, а иногда и талант, привлекали все большее внимание. Тетки считали, что он быстро движется к зрелости, а некоторый недостаток целеустремленности объясняется незавершенностью этого процесса, и решили, что ему следует отправиться в Америку, которая изобилует и целеустремленностью, и возможностями ее приложения. Но там, насколько мне известно, он потерпел нечто вроде фиаско. Что-то у него там произошло. На самом деле там у него много чего

произошло. Вернулся он холостым - и притом через Тихий океан, Австралазию и Индию. А когда вернулся, леди Пойнтинг-Маллоу при всех назвала его ослом.

Даже изучив американские газеты того времени, крайне трудно понять, что именно произошло с ним в Америке. Там фигурировала дочь какого-то миллионера и что-то вроде помолвки. Если верить "Нью-Йорк йелл" - одной из самых ярких, живых и типично американских газет, там фигурировала и еще чья-то дочь, интервью с которой, действительное или вымышленное, газета напечатала под шапкой:

"БРИТАНСКИЙ АРИСТОКРАТ

Позволяет себе вольности

С НЕВИННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ДЕВУШКОЙ.

Интервью с жертвой

ЕГО ЛЕГКОМЫСЛИЯ

И БЕССЕРДЕЧНОСТИ".

Однако эта чья-то дочь, несмотря на ее живописно набросанный образ, на самом деле была, как я склонен думать, всего лишь блестящим приемом современной журналистики: "Нью-Йорк йелл" прослышала о неожиданном отъезде Чаттериса и выдумала ему собственное объяснение вместо того, чтобы выяснить истинную причину. Уэнзлидейл говорил мне, что на самом деле Чаттериса побудила к бегству сущая мелочь. Та дочь миллионера, девушка умная и бойкая, дала интервью, посвященное своему предстоящему замужеству, проблеме брака вообще, различным социальным вопросам и взаимоотношениям между британским и американским народами. А он, кажется, обнаружил это интервью в утренней газете, когда сел завтракать. Оно застало его врасплох, и он потерял голову, а потом уже не нашел в себе сил передумать и вернуться. Помолвка была расторгнута, семья оплатила еще кое-какие его долги, уклонившись от оплаты других, а через некоторое время Чаттерис снова появился в Лондоне, окруженный несколько потускневшим ореолом, и напечатал серию статей о политике империи, предпослав каждой эпиграф: "Что знают об Англии те, кто Англию только и знает?"

Конечно, о подлинных обстоятельствах дела английская публика так ничего и не узнала, однако было очевидно, что он съездил в Америку и вернулся оттуда с пустыми руками.

Вот как получилось, что через несколько лет он познакомился с Эделин Глендауэр, о чьем особом даре быть помощницей и вдохновительницей уже слышал от миссис Бантинг. Когда состоялась их помолвка, его семья, давно мечтавшая простить его - что леди Пойнтинг-Маллоу уже сделала, - пришла в восторг. И после разнообразных закулисных маневров он объявил себя сторонником Филантропического Либерализма с весьма широкой платформой и счел себя готовым для начала испытать на прочность консервативный Юг.

В момент появления Морской Дамы он находился в отъезде, ведя различные важные предварительные переговоры в Париже и других местах. Для окончательного решения дела должна была состояться его встреча с неким выдающимся общественным деятелем, после чего он должен был вернуться и рассказать все Эделин. И все ждали его со дня на день, в том числе, как теперь не подлежит сомнению, и Морская Дама.

Встреча мисс Глендауэр с женихом по его возвращении из Парижа - один из тех эпизодов этой истории, о подробностях которых я не имею почти никакого представления. Чаттерис приехал в Фолкстон и остановился в "Метрополе", поскольку в доме Бантингов места не было, а "Метрополь" ближе всего к Сандгейту. После обеда он пришел к ним и спросил Эделин, что было с его стороны очень мило, хотя и не совсем корректно. Насколько я знаю, они встретились в гостиной, и судя по тому, что Чаттерис закрыл за собой дверь, вероятно, они обменялись кое-какими ласками.

Должен сознаться, что завидую свободе, с какой романист может ввести вас за подобную закрытую дверь и показать все, что говорят и делают там его персонажи. Но как бы мне ни хотелось слить разрозненные обрывки фактов, имеющиеся в моем распоряжении, в последовательный рассказ о событиях, в данном случае я бессилён. И вообще я познакомился с Эделин лишь после того, как все это кончилось. Теперь это довольно высокая, беспокойная и энергичная женщина, с жаром принимающая к сердцу общественные дела и охотно в них участвующая, - но в ней как будто что-то сломалось. Перед Мелвиллом она однажды на мгновение предстала такой, какой была тогда, - но ему она никогда особенно не нравилась: у нее был слишком широкий взгляд на вещи, и он ее немного побаивался. По какой-то непонятной причине ее нельзя было воспринимать ни как хорошенькую женщину, ни как светскую леди, ни как гранд-даму, ни как полное ничтожество, и поэтому она никак не укладывалась в представления Мелвила. Он так и не смог почти ничего рассказать мне о той, прежней Эделин. "Она постоянно становилась в какую-нибудь позу, - говорил он. - Слишком увлекалась политикой". И еще - она постоянно читала миссис Хамфри Уорд.

Последнее обстоятельство Мелвил рассматривал как тяжкое личное оскорбление. Одна из слабостей моего троюродного брата, и не самая меньшая, состоит в том, что, по его глубокому убеждению, эта великая романистка оказывает на интеллигентных девушек в высшей степени развращающее действие. Она учит их быть Добродетельными и Серьезными некстати, говорит он. Эделин, как он утверждает, целиком и полностью находилась под ее влиянием и постоянно пыталась стать воплощением Марчеллы. Именно он внушил подобные взгляды миссис Бантинг.

Однако я ничуть не верю в то, что девушки способны подражать литературным героиням. Дело здесь в избирательном сродстве, и, если только какой-нибудь навязчивый критик или проповедник не собьет нас с толку, каждый из нас выбирает себе романиста по своему собственному вкусу - как души в системе Сведенборта попадают каждая в свой собственный ад. Эделин взяла себе за образец воображаемую Марчеллу. (Сведенборг Эмануэль (1688-1772) - шведский философ-мистик, создавший теософское учение о потустороннем мире и о судьбах бесплотных духов). Мелвил говорит, что у них было удивительно похожее душевное устройство. Обе отличались одними и теми же недостатками: стремлением к превосходству, одинаковой склонностью к навязчивой благожелательности, одинаковой глухотой к тонким оттенкам чувств, заставляющей человека постоянно говорить о "Низших Классах" и думать в том же духе. У обеих, безусловно, были и одни и те же достоинства: добросовестно и сознательно воспитываемая в себе цельность, суровое благородство без малейшей примеси вдохновения, деятельная дотошность. Больше всего Эделин восхищалась дотошностью этой романистки, отсутствием у нее каких бы то ни было признаков импрессионизма, терпеливой решимостью, с какой та,

описывая какой-нибудь эпизод, заглядывала во все уголки и выметала сор из-под всех ковров. Поэтому нетрудно подыскать аргументы в пользу того, что Эделин вела себя в точности так же, как вела бы себя в аналогичных обстоятельствах эта типичная героиня миссис Уорд.

Та "Марчелла", которую мы знаем - во всяком случае, после происшедшего с ней душевного перелома, - непременно должна была "прильнуть к нему". Наступило бы "волнующее мгновение, когда их мысли" - самого высокого порядка, разумеется, - "слились воедино, повинувшись естественному взаимному притяжению двоих людей, находящихся в расцвете сил и молодости". Потом она должна была "быстрым движением отстраниться от него" и слушать, "задумчиво склонив голову на изящную руку", а Чаттерис начал бы "описывать силы, выступающие против него, и рассуждать, что предпримет та или иная партия". "Какая-то бесконечная материнская нежность" должна была "заговорить в ней, призывая оказать ему всю помощь и поддержку, на какие только способна любящая женщина". Она бы "предстала" перед Чаттерисом "совершенным воплощением нежности, любви и самоотверженности, которые во всем своем неисчерпаемом разнообразии слагались для него в ее поэтический образ". Однако все это мечты, а не реальность. Конечно, Эделин, может быть, и мечтала о том, чтобы все произошло именно так, но... Она не была Марчеллой, а только хотела ею быть, он же не только не был Максвеллом, но и отнюдь не намеревался им когда-нибудь стать. Если бы ему представился случай стать Максвеллом, он, вероятно, самым невежливым образом отверг бы такую возможность. Поэтому они встретились не как литературные герои, а как два обыкновенных земных существа, робкие и неуклюжие, чувства которых можно было прочесть, наверное, только в их глазах. Несомненно, они обменялись кое-какими ласками, а потом, как мне представляется, она спросила: "Ну, как?" - а он, я думаю, ответил: "Все в порядке". После этого, должно быть, Чаттерис намеками, время от времени многозначительно кивая головой в ту сторону, в какой находился этот великий деятель, изложил ей подробности. Наверное, он сказал ей, что будет баллотироваться в Хайде и что небольшое затруднение с доверенным агентом из Глазго, который хотел выставить кандидатуру радикала под лозунгом "За кентского уроженца", улажено без ущерба для Партии. О политике они безусловно говорили, потому что к тому времени, когда они бок о бок вышли в сад, где миссис Бантинг и Морская Дама сидели и смотрели, как девушки играют в крокет, Эделин уже были известны все эти факты. Мне кажется, для подобной пары обмен мнениями на столь серьезные темы и разделенная радость успеха должны были в какой-то степени заменить бессмысленное повторение пошлых нежностей.

Первой увидела их, по-видимому, Морская Дама

- Вот он, - неожиданно произнесла она.

- Кто? - спросила миссис Бантинг, подняв на нее глаза и увидев, как загорелся ее взгляд, устремленный на Чаттериса.

- Другой ваш сын, - сказала Морская Дама, и в голосе ее прозвучала едва заметная усмешка, которой миссис Бантинг не уловила.

- Это же Гарри с Эделин! - воскликнула миссис Бантинг. - Не правда ли, какая прелестная пара?

Но Морская Дама ничего не ответила, а лишь откинулась в кресле, внимательно глядя, как они приближаются. Пара была действительно прелестная. Спустившись с веранды на залитый солнцем газон, они словно оказались в ярком свете рампы, как актеры на сцене, куда более обширной, чем любые театральные подмостки. Чаттерис,

высокий, светловолосый, широкоплечий, чуть загорелый, казался, насколько я могу предположить, поглощенным какими-то своими мыслями - некоторое время спустя это выражение уже его не покидало. А рядом с ним шла Эделин, время от времени поглядывая то на него, то на сидевших под деревьями, темноволосая, высокая - пусть и не такая высокая, как Марчелла, - слегка раздурмянившаяся и радостная, - и уж тут, знаете ли, она обошлась без советов какого бы то ни было романиста.

Только подойдя почти вплотную, Чаттерис заметил, что под деревьями есть кто-то еще кроме Бантингов. С чего бы он ни собирался начать разговор, неожиданное появление незнакомки заставило его умолкнуть, и центром сцены завладела Эделин. Миссис Бантинг встала, и все игроки в крокет - за исключением Мэйбл, которая выигрывала, - кинулись к Чаттерису с радостными криками. Мэйбл осталась одна посреди позиции, которая, насколько я понимаю, называется в крокете "чаепитием", и громко требовала, чтобы партнеры посмотрели, как она ее разыграет. Нет никакого сомнения, что, если бы не эта досадная помеха, она продемонстрировала бы весьма поучительный образец крокетного искусства.

Эделин подплыла к миссис Бантинг и воскликнула с ноткой торжества в голосе:
- Все решено. Окончательно решено. Он всех их уговорил и будет баллотироваться в Хайде.

И она, скорее всего, помимо собственной воли встретила глазами с Морской Дамой.

Разумеется, совершенно невозможно сказать, что прочитала Эделин в ее глазах - и что можно было в тот момент в них прочитать. Несколько мгновений они с непроницаемыми лицами смотрели друг на друга, а потом Морская Дама наконец перевела взгляд на Чаттериса, которого, вероятно, впервые видела вблизи. Можно лишь гадать, произошло ли что-то - пусть даже всего лишь мимолетный всплеск удивления и интереса - в тот момент, когда скрестились их взгляды. Это продолжалось лишь один короткий момент, а потом он вопросительно посмотрел на миссис Бантинг.

- О, я же совсем забыла! - И она, рассыпавшись в извинениях, представила их друг другу. Думаю, что во время исполнения этого обряда их взгляды больше ни разу не встретились.

- Значит, вернулись? - спросил Чаттериса Фред, похлопав его по плечу, и тот подтвердил эту удачную догадку.

Дочерей миссис Бантинг, по-видимому, обрадовало не столько появление Чаттериса как такового, сколько завидная судьба Эделин. А издали донесся голос приближавшейся Мэйбл:

- Мистер Чаттерис, пусть они посмотрят, как я это разыграю!

- Привет, Гарри, мой мальчик! - вскричал мистер Бантинг, придерживавшийся грубовато-добродушной манеры обращения. - Как там Париж?

- А как тут рыбная ловля? - ответил вопросом Гарри.

И все образовали нечто вроде кружка вокруг этого обаятельного человека, который "всех их уговорил", - разумеется, кроме Паркер, которая знала свое место и уговорить которую, я думаю, никому никогда не удастся.

С шумом задвигались садовые стулья.

На драматическое заявление Эделин никто как будто не обратил ни малейшего внимания. Бантинги никогда не отличались большой находчивостью в разговоре. Она стояла среди них, словно героиня пьесы, окруженная актерами, которые забыли свои роли. Потом все как будто спохватились и заговорили разом. "Значит, все решено?" -

спросила миссис Бантинг, а Бетти Бантинг сказала: "Значит, выборы все-таки будут?", а Нетти воскликнула: "Вот здорово!" Мистер Бантинг с глубокомысленным видом заметил: "Так вы виделись с ним?", а Фред от себя еще добавил шума, крикнув "Ура!".

Морская Дама, разумеется, ничего не сказала.

- Во всяком случае, мы будем бороться до последнего, - сказал мистер Бантинг.

- Надеюсь, что так, - подтвердил Чаттерис.

- Но этого мало, мы должны победить! - сказала Эделин.

- О да! - поддержала ее Бетти Бантинг. - Непременно.

- Я не сомневалась, что они его выдвинут, - сказала Эделин.

- Должны же они хоть что-то соображать, - заметил мистер Бантинг.

Наступила пауза, а потом осмелевший мистер Бантинг принялся изрекать политические суждения.

- Они уже начинают кое-что соображать, - заявил он. - Начинают понимать, что партии нужны настоящие люди - люди благородной крови и хорошего воспитания. Не деньги и не поддержка черни. Они пробовали спастись, подыгрывая новомодным веяниям и классовой зависти. И ирландцам. И получили урок. Как? Очень просто - мы отошли в сторону. Мы оставили их наедине с этими фантазерами и подстрекателями - и с ирландцами. И вот пожалуйста! Это настоящий переворот в партии. Мы от нее отступились. А теперь мы должны снова ее возродить.

Он взмахнул своей пухлой ручкой - такой пухлой и розовой, словно она была не из мяса и костей, а набита опилками и конским волосом. Миссис Бантинг снисходительно улыбалась ему, откинувшись на спинку стула.

- Это не просто обыкновенные выборы, - сказал мистер Бантинг. - Это решающее сражение.

Морская Дама задумчиво смотрела на него.

- Что за решающее сражение? - спросила она. - Я не понимаю.

- А вот что, - принялся объяснять ей мистер Бантинг. Эделин слушала с интересом и в то же время с нарастающим раздражением, то и дело пытаясь вежливыми замечаниями оттеснить его на задний план и вовлечь в разговор Чаттериса. Однако Чаттерис, по-видимому, не хотел, чтобы его вовлекали в разговор. Больше того, его, казалось, весьма заинтересовали воззрения мистера Бантинга.

Вскоре четверка крокетистов вернулась по предложению Мэйбл к своему прежнему занятию, а остальные продолжали политическую беседу. В конце концов разговор все-таки перешел на более личные темы - на то, чем занимался Чаттерис, и особенно на то, чем ему предстояло заняться. Миссис Бантинг неожиданно одернула мистера Бантинга, когда тот начал подавать ему советы, и Эделин, снова взяв на себя бремя беседы, заговорила о перспективах их дела.

- Эти выборы - всего лишь первый шаг, - сказала она. А когда Чаттерис из скромности принялся возражать, она улыбнулась гордо и радостно при мысли о том, что можно будет из него сделать...

Миссис Бантинг комментировала их разговор, чтобы он был понятен Морской Даме.

- Он так скромен, - сказала она между прочим, и Чаттерис, притворившись, что не слышал, немного покраснел. Снова и снова пытался он перевести разговор с себя на Морскую Даму, однако ничего не получалось, потому что он не имел никакого представления о том, кто она такая.

А Морская Дама почти ничего не говорила, а только внимательно следила за Чаттерисом и Эделин - и особенно за Чаттерисом применительно к Эделин.

Глава VI ПЕРВЫЕ СИМПТОМЫ

I

Мой троюродный брат Мелвил вечно путает даты. Об этом приходится лишь сожалеть, потому что было бы весьма поучительно точно знать, через сколько дней он застал Чаттериса за интимной беседой с Морской Дамой. Он шел вдоль берегового обрыва Лугов с кое-какими книгами из публичной библиотеки, которые вдруг понадобились мисс Глендауэр для работы и за которыми она велела ему сходить, ничуть не догадываясь, что он про себя отнюдь не питает восхищения ее особой и вообще не поддается ее чарам. На одной из тенистых тропинок под самым краем обрыва, придающих такую прелесть окрестностям Фолкстона, он увидел небольшую группу людей, которая окружала кресло на колесах, где находилась Морская Дама. На деревянной лавочке, вкопанной в землю, сидел Чаттерис и, подавшись вперед, не отрывал глаз от лица Морской Дамы, а она что-то говорила с улыбкой, которая даже тогда поразила Мелвила - в ней было что-то совсем особенное, а ведь Морская Дама всегда умела очаровательно улыбаться. Немного в стороне, где выдается вперед нечто вроде бастиона, с которого открывается обширный вид на пирс, гавань и побережье Франции, стояла Паркер, взирая на все это со сдержанным неодобрением, а состоявший при кресле слуга прислонился к земляной насыпи поодаль, погруженный в ту меланхолическую задумчивость, какую навеивает постоянное катание в кресле увечных.

Мой троюродный брат замедлил шаг и подошел к ним. При его приближении разговор оборвался. Чаттерис отодвинулся от Морской Дамы, но никак не проявил недовольства и в поисках темы для общей беседы взглянул на книги, которые были в руках у Мелвила.

- Книги? - спросил он.

- Для мисс Глендауэр, - ответил Мелвил.

- А... - сказал Чаттерис.

- О чем они? - спросила Морская Дама.

- О землепользовании, - ответил Мелвил.

- Ну, в этом я мало что понимаю, - сказала Морская Дама с улыбкой, и Чаттерис тоже улыбнулся с таким видом, как будто понял шутку.

Наступило недолгое молчание.

- Вы будете баллотироваться в Хайде? - спросил Мелвил.

- Похоже, что так решила судьба, - ответил Чаттерис.

- Говорят, палата будет распущена в сентябре.

- Это произойдет через месяц, - сказал Чаттерис с неповторимой интонацией человека, знающего то, что неизвестно другим.

- В таком случае скоро у нас дел будет по горло.

- А мне тоже можно будет заниматься агитацией? - спросила Морская Дама. - Я никогда еще...

- Мисс Уотерс как раз говорила мне, что собирается помогать нам, - объяснил Чаттерис, глядя Мелвилу в глаза.

- Это нелегкая работа, мисс Уотерс, - сказал Мелвил.

- Ничего. Это интересно. И я хочу помочь. Я действительно хочу помочь..., мистеру Чаттерису.

- Знаете, это меня воодушевляет.

- Я могла бы ездить с вами в своем кресле?

- Это будет для меня большое удовольствие, - ответил Чаттерис.

- Я в самом деле хочу чем-нибудь помочь, - сказала Морская Дама.

- А вы знакомы с обстоятельствами дела? - спросил Мелвил.

Вместо ответа она только взглянула на него.

- У вас есть какие-нибудь доводы?

- Я буду уговаривать их проголосовать за мистера Чаттериса, а потом, когда кого-нибудь встречу, буду их узнавать, улыбаться и махать им рукой. Что еще нужно?

- Ничего, - поспешно сказал Чаттерис, опередив Мелвила. - Хотел бы я, чтобы у меня были столь же веские доводы.

- А что за публика в этих местах? - спросил Мелвил. - Кажется, здесь нужно считаться с интересами контрабандистов?

- Я об этом не спрашивал, - ответил Чаттерис. - С контрабандой давно покончено. Это, знаете ли, дело прошлое. Сорокалетней давности. Когда на побережье была перепись, там откопали последнего контрабандиста - интересный старик, кладезь воспоминаний. Он помнил, как возили контрабанду сорок лет назад. На самом деле я вообще сомневаюсь, занимались ли здесь контрабандой. Нынешняя береговая охрана - дань тщеславию и предрассудкам.

- Но почему же? - воскликнула Морская Дама. - Всего лет пять назад я как-то видела совсем недалеко отсюда...

Она внезапно умолкла, поймав взгляд Мелвила. Он помог ей выйти из трудного положения.

- В газете? - предположил он.

- Ну да, в газете, - сказала она, хватаясь за брошенную ей веревку.

- И что? - переспросил Чаттерис.

- Нет, контрабанда еще существует, - сказала Морская Дама с видом человека, решившего не рассказывать анекдот, который, как неожиданно выяснилось, он сам наполовину забыл.

- Нет сомнения, что такие вещи случаются, - сказал Чаттерис, ничего не заметив. - Но в предвыборной кампании мы этого касаться не будем. И уж во всяком случае, за приобретение более быстроходного таможенного катера я выступать не стану. Как бы там ни обстояли дела, я считаю, что они обстоят прекрасно, и пусть все так и остается. Вот моя линия.

И он повернулся к морю. Взгляды Мелвила и Морской Дамы встретились.

- Это, знаете ли, только пример того, чем нам предстоит заниматься, - сказал Чаттерис. - Вы готовы давать уклончивые ответы на разные щекотливые вопросы?

- Вполне, - ответила Морская Дама.

Это напомнило моему троюродному брату об одном происшествии...

И речь зашла о разных случаях, происходивших во время избирательных кампаний, и о прочих пустяках. Мой троюродный брат узнал, что миссис Бантинг и мисс Бантинг, которые сопровождали Морскую Даму, пошли в город за покупками. Как раз в это время они вернулись. Чаттерис встал, чтобы поздороваться с ними, сказал, что направлялся к Эделин - хотя до тех пор ничто об этом не

свидетельствовало, - и после нескольких ничего не значащих слов ушел вместе с Мелвиллом.

Некоторое время они шли молча Потом Чаттерис спросил:

- А кто такая вообще эта мисс Уотерс?

- Знакомая миссис Бантинг, - уклончиво ответил Мелвил.

- Это я слышал... Она, кажется, очень мила.

- Очень.

- Она интересна. Эта болезнь как будто возвышает ее. Превращает в нечто пассивное, вроде картины или чего-то..., воображаемого. Во всяком случае, оставляет простор для воображения. Она только и сидит в своем кресле, улыбается и отвечает, а в глазах у нее что-то такое..., задушевное. И все же...

Мой троюродный брат промолчал.

- Где миссис Бантинг ее нашла? Несколько секунд мой троюродный брат собирался с духом, потом, подумав, сказал:

- Тут есть кое-что, о чем миссис Бантинг, видимо, не хотела бы...

- Что это может быть?

- Да ничего, все будет в порядке, - ответил Мелвил довольно-таки невпопад.

- Странно, миссис Бантинг всегда так любит...

Мелвил оставил его слова без комментариев.

- Да, это чувствуется, - сказал Чаттерис.

- Что?

- Какая-то тайна.

Мой троюродный брат, как и я, глубоко презирает такой высокопарно-мистический подход к женщине. Он любит, когда женщина доступна пониманию - и мила. Он любит, когда все вокруг него доступно пониманию - и мило. Поэтому он только проворчал что-то невразумительное.

Но это не остановило Чаттериса Он пустился в критику:

- Конечно, все это иллюзия. Все женщины - импрессионистки: штрих здесь, блик там, и эффект налицо. Я думаю, больше ничего за этим и нет. А ей удастся произвести эффект. Но как - вот в чем загадка. Это не просто красота. В мире много красивого. Но оно не производит такого эффекта. Наверное, это глаза.

И он некоторое время рассуждал на эту тему.

- Знаете, Чаттерис, в глазах не может быть ничего особенного, - возразил мой троюродный брат Мелвил, позаимствовав чуждый ему довод и вдумчиво-циничный тон у меня. - Вы никогда не пробовали рассматривать глаза через дыру в простыне?

- Ну, не знаю, - ответил Чаттерис. - Я говорю не о глазах как таковых... Может быть, это ее цветущая внешность - и это кресло на колесах. Резкий диссонанс. Вы не знаете, что с ней, Мелвил?

- Откуда?

- Насколько я слышал от Бантинга, это болезнь, а не увечье.

- Ему, наверное, виднее.

- Не уверен. А вы не знаете, что это за болезнь?

- Не могу сказать ничего определенного, - задумчиво сказал Мелвил и подумал, что уже гораздо лучше научился выкручиваться.

Тема была, по-видимому, исчерпана. Они заговорили об одном общем знакомом, о котором напомнил им вид отеля "Метрополь". Потом, оказавшись в оживленной толпе, окружавшей оркестр, они некоторое время вообще не разговаривали. А потом Чаттерис заявил:

- Непростая вещь - мотивы, которыми руководствуются женщины, - заметил он.

- Да?

- Я про эту агитацию. Ее-то не может интересовать филантропический либерализм!

- Они совсем разные люди. И кроме того, там есть личные мотивы.

- По-моему, это необязательно. Ведь не существует же такой уж интеллектуальной пропасти между мужчиной и женщиной. Если вас может заинтересовать...

- Ну, разумеется.

- Кроме того, тут дело не в принципах. Заниматься агитацией может быть интересно само по себе.

- Никогда неизвестно, чем может заинтересоваться женщина, - заметил Мелвил и добавил:

- И чем не может.

Чаттерис ничего не ответил.

- Это инстинкт, - сказал Мелвил. - Все они им наделены. Именно агитация. Всякая женщина обожает заглядывать в чужие дома.

- Очень возможно, - коротко отозвался Чаттерис и, не услышав ответа, погрузился в собственные размышления - судя по всему, довольно приятные.

Из Шонрклиффского военного лагеря донесся полуденный пушечный выстрел.

- Боже! - воскликнул Чаттерис и ускорил шаги.

Эделин они застали за какими-то бумагами. Когда они вошли, она укоризненно - и в то же время с оттенком нежности в духе Марчеллы указала на часы. Чаттерис долго извинялся, пустив в ход все свое обаяние, но ни разу при этом не упомянув о встрече на Лугах с Морской Дамой.

Мелвил отдал книги Эделин и оставил обоих глубоко ушедшими в подробности структуры окружной партийной организации, которую представил им местный организатор от либеральной партии.

II

Спустя некоторое время после отъезда Чаттериса мой троюродный брат Мелвил и Морская Дама сидели под дубом в дальнем конце сада, выходящем к морю. Если не принимать во внимание Паркер, сидевшую на почтительном расстоянии от них за каким-то шитьем - а ее никто никогда во внимание не принимал, - они были одни. Фред и девочки катались на велосипедах - Фред отправился кататься с ними по просьбе Морской Дамы, - а мисс Глендауэр и миссис Бантинг поехали в Хайд наносить визиты каким-то противным местным жителям, которые могли оказаться полезными Гарри во время избирательной кампании.

Мистер Бантинг пошел удить рыбу. Он не питал страстной любви к рыбной ловле, но был во многих отношениях весьма решительным человечком и взял за правило удить рыбу каждый день после обеда, чтобы избавиться от "нелепой привычки", как это называла миссис Бантинг, страдать морской болезнью всякий раз, как он оказывался в лодке. Он говорил, что ежедневное ужение с лодки на мидию - самый лучший способ переломить себя, и временами казалось, что это вот-вот совсем его переломит. Правда, морская болезнь все равно не проходила. Впрочем, мы немного отвлеклись.

Так вот, оба сидели в тени под вечнозеленым дубом. Мелвил, насколько я понимаю, был во фланелевом костюме в едва заметную полоску, что в 1899 году

считалось верхом корректности и в то же время непринужденности. Нет сомнения - во всяком случае, мне это представляется наиболее правдоподобным, - что он не сводил глаз с лица Морской Дамы, погруженного в тень и обрамленного солнечной золотистой зеленью лужайки и черно-зеленой листвой дуба. В тот день она сначала была задумчива и печальна, но под конец заметно оживилась. Не знаю, она ли предложила ему закурить или он спросил у нее разрешения. Во всяком случае, он достал сигареты. Она как будто потянулась к ним, и он немного растерялся, не зная, как понять ее движение.

- Я думаю, вы... - сказал он.

- Никогда не пробовала. Он оглянулся на Паркер, потом встретился взглядом с Морской Дамой.

- Это одна из тех вещей, ради которых я сюда пришла, - сказала она.

Ничего другого ему не оставалось.

Она взяла сигарету и принялась ее задумчиво разглядывать.

- Там, у нас, - сказала она, - это... Вы ведь понимаете, к нам табак попадает только совсем промокшим. Некоторые из наших мужчин... Они кое-чему научились у моряков. По-моему, это называется "жвачка". Но это просто ужасно!

Она сделала такой жест, словно отмахнулась от столь неприглядной картины, и погрузилась в раздумье.

Мой троюродный брат достал спички.

Она на мгновение заколебалась и бросила взгляд в сторону дома.

- А миссис Бантинг? - спросила она. Насколько я понимаю, она уже не раз задавала этот вопрос.

- Она ничего не будет иметь против... - начал Мелвил и запнулся. - Она не сочтет это неприличным, - уточнил он, - если никто другой не сочтет это неприличным.

- Но здесь больше никого нет, - сказала

Морская Дама, бросив взгляд на Паркер, и мой троюродный брат зажег спичку.

Мой троюродный брат никогда не выражается прямо. Идет ли речь об общих проблемах или о личных делах, он всегда настолько предпочитает намеки, что это превратилось у него в подлинную страсть. Он так же неспособен подойти к делу прямо, как кошка - приблизиться к незнакомому человеку. Но тут он вдруг изменил своему обыкновению. Подавшись вперед и внимательно наблюдая за ее первыми, и довольно удачными, попытками затянуться, он сказал:

- Никак не могу понять, ради чего, собственно, вы явились сюда?

Она улыбнулась ему сквозь легкую струйку дыма.

- Ну, ради вот этого, - сказала она.

- И ради причесок?

- И ради платьев.

После секундного колебания она снова улыбнулась.

- И ради всего этого, - сказала она и, словно почувствовав, что ее ответы не вполне его удовлетворили, сделала жест, который охватил и дом, и лужайку, и... "И что еще?" - подумал мой троюродный брат Мелвил.

- Правильно я это делаю? - спросила Морская Дама.

- Прелестно, - ответил мой троюродный брат с легким оттенком грусти в голосе. - Вам нравится?

- Ради этого стоило сюда явиться, - сказала Морская Дама, с улыбкой глядя ему прямо в глаза.

- Неужели вы действительно явились сюда только ради...

- Ради того, чтобы посмотреть, как живут люди на суше? - договорила она за него.
- А разве этого мало?
Сигарета у Мелвила никак не раскуривалась. Он задумчиво посмотрел на нее.
- Жизнь - не только..., все это, - сказал он.
- Не только что?
- Не только солнечный свет. Сигареты. Разговоры. Приличные манеры.
- Но она состоит...
- Не только.
- Например?
- Да вы знаете.
- Что?
- Вы знаете, - сказал Мелвил, не глядя на нее.
- Я не желаю этого знать, - отозвалась она после небольшой паузы.
- Кроме того... - продолжал он.
- Да?
- Вы говорили миссис Бантинг... - Ему пришло в голову, что он пересказывает сплетни, но было уже поздно.
- Ну?
- Что-то о душе.
Она ответила не сразу. Он взглянул на нее и увидел у нее в глазах улыбку.
- Мистер Мелвил, - спросила она с невинным видом, - а что такое душа?
- Ну, это... - с готовностью начал мой троюродный брат и умолк.
- Душа - это... - начал он снова и стряхнул с сигареты воображаемый пепел.
- Душа... - повторил он и взглянул на Паркер.
- Душа - это, знаете ли... - сказал он и поглядел на Морскую Даму с видом человека, который пытается осторожно и взвешенно ответить на трудный вопрос.
- Если уж на то пошло, - сказал он, - это довольно сложно объяснить...
- Тому, у кого ее нет?
- Кому угодно, - сказал мой троюродный брат Мелвил неожиданно для самого себя.
Некоторое время он размышлял, не спуская с нее глаз.
- К тому же вы прекрасно знаете, что такое душа, - добавил он.
- Нет, - ответила она, - не знаю.
- Знаете не хуже, чем я.
- Да, но это может быть совсем не то.
- Вы явились сюда, чтобы обрести душу.
- А может быть, мне она и не нужна. Почему, если у кого-то ее нет...
- Ах, вот что! - Мой троюродный брат пожал плечами. - Но на самом деле, знаете ли... Это просто слишком общее понятие, потому его так трудно объяснить.
- У всех есть душа?
- У всех.
- Кроме меня?
- Я в этом не уверен.
- А у миссис Бантинг?
- Безусловно.
- А у мистера Бантинга?
- У всех.
- А у мисс Глендауэр?

- И еще какая.

Морская Дама погрузилась в раздумье. Потом она неожиданно спросила;

- Мистер Мелвил, а что такое слияние душ?

Мелвил от неожиданности сломал свою сигарету и отшвырнул ее в сторону.

Возможно, ее слова пробудили у него какие-то воспоминания.

- Это сверх того, - сказал он. - Это как украшение, росчерк... А иногда это то же самое, что послать слугу отнести визитную карточку - вместо того, чтобы самому нанести визит.

Разговор оборвался. Он сидел в замешательстве, подыскивая слова, чтобы высказать то, что было у него на уме. Вполне возможно, он не слишком хорошо представлял себе, что бы это могло быть. Морская Дама оставила попытки понять его и перешла к тому, что интересовало ее непосредственно:

- Как вы думаете, у мисс Глендауэр с..., мистером Чаттерисом...

Мелвил поднял на нее глаза. Он заметил, что она запнулась, произнося это имя.

- Безусловно, - ответил он. - Это как раз то, что должно происходить между ними.

Потом он спросил:

- Чаттерис?

- Да, - ответила она.

- Я так и думал, - сказал Мелвил.

Морская Дама серьезно смотрела на него. Они вглядывались друг в друга, чувствуя, что между ними возникла небывалая до тех пор близость. И тут Мелвил все понял. Его осенила мысль, которая, казалось бы, давно уже должна была прийти ему в голову. Он ощутил какую-то непонятную досаду и произнес дрогнувшим голосом, в котором звучало обвинение:

- Вы хотите говорить о нем.

Она по-прежнему очень серьезно кивнула.

- Ну, а я не хочу. - И он продолжал уже другим тоном:

- Но буду, если вы хотите.

- Я так и знала.

- О, вы все прекрасно знаете, - сказал Мелвил, обнаружив, что погасшая сигарета валяется рядом, и мстительно раздавив ее каблуком.

Она ничего не ответила.

- Ну? - спросил Мелвил.

- Впервые я увидела его, - сказала она извиняющимся тоном, - несколько лет назад.

- Где?

- В южных морях - у островов Тонга.

- Так вы ради него явились сюда? На этот раз ее ответ прозвучал вполне убедительно.

- Да, - призналась она.

- Он недурен собой, - сказал Мелвил, стараясь сохранять беспристрастие. -

Хорошо сложен и вполне порядочен. Вполне. Но я не понимаю, зачем вам... А вас он видел? - спросил он неожиданно.

- О нет.

И своим видом, и тоном Мелвил постарался показать, что придерживается самых широких взглядов.

- Не понимаю, зачем вы явились сюда, - сказал он. - И что вы намерены делать. Видите ли, - продолжал он с таким видом, словно вдруг вспомнил какое-то мелкое, но существенное препятствие, - существует еще мисс Глендауэр.

- А она существует?

- Разве нет?

- В этом-то все дело, - сказала она.

- И кроме того, знаете ли, в конце концов зачем вам...

- Я согласна, что это безрассудство, - ответила она. - Но при чем здесь рассудок?

Все это иллюзия...

- Для него?

- Откуда мне знать, как к этому относится он? Это-то я и хочу узнать.

Мелвил снова посмотрел ей прямо в глаза.

- Знаете, вы ведете нечестную игру, - сказал он.

- По отношению к ней?

- Ко всем.

- Почему?

- Потому что вы бессмертны - и ничем не обременены. Потому что вы можете делать все, что вам вздумается, - а мы не можем. Не знаю почему, но не можем. Мы, наделенные недолгой жизнью и крохотными душами, которые стараемся спасти или погубить, с головой погружены в свои мелкие заботы. А вы, порождение стихии, приходите, чтобы поманить кого-то пальцем...

- Стихия имеет свои права, - сказала она и добавила:

- Стихия, знаете ли, есть стихия. Не забывайте об этом.

- Иллюзия?

- Конечно. Всякое стихийное начало - иллюзия. Все эти химические начала, эти элементы ваших химиков...

- Да?

- Все это иллюзия. И ничего другого не существует. - И она продолжала:

- Все, из чего складывается ваша жизнь, та жизнь, которой, как вам кажется, вы живете, все эти ничтожные дела, которые представляются вам такими важными, все эти крохотные заботы, все эти мелкие повседневные обязанности, все эти запреты, которые вы сами себе внушили, - все это фантазии, овладевшие вами так прочно, что вы уже не можете их стряхнуть. Не смеете, не должны, не можете. Нам, тем, кто за вами наблюдает...

- Вы наблюдаете за нами?

- О да. Мы за вами наблюдаем, и иногда мы вам завидуем. Не только тому, что у вас есть сухой воздух, и солнечный свет, и тень от деревьев, и ощущение свежего утра, и множество приятных вещей, - но и тому, что у вашей жизни есть начало и конец... Тому, что вы знаете о неизбежности конца.

Потом она снова вернулась к тому, с чего начала:

- Но вы так ограничены, так связаны! Вы так плохо используете тот короткий миг, который вам дан! У вашей жизни есть начало и есть конец, но все время, что лежит между ними, вы живете, словно околдованные. Вы боитесь делать то, что доставило бы вам наслаждение, и считаете необходимым делать то, что, как вы прекрасно знаете, бессмысленно и неприятно. Только подумайте, сколько всего - даже в мелочах - вы не должны делать! Там, наверху, на Лугах, в этот знойный день все сидят в безобразной слишком теплой одежде - сколько ее на вас надето! - и в жаркой, тесной обуви. А ведь у них такие прелестные розовые ступни - у некоторых

из них, мы-то это видели! Им почти не о чем говорить, не на что смотреть, они не должны делать ничего такого, что было бы совершенно естественно, и обязаны делать всевозможные нелепые вещи. Почему они обязаны их делать? Почему они позволяют жизни скользить мимо? Как будто никто из них не собирается вскоре умереть! Почему бы вам не пойти прогуляться там в купальном костюме и белой полотняной шляпе...

- Это было бы неприлично! - воскликнул Мелвил.

- Почему?

- Это было бы ужасно!

- Но на пляже все могут видеть вас в таком костюме.

- Это совсем другое дело.

- Ничуть не другое. Вы только воображаете, что другое. И точно так же вы воображаете, что есть поступки приличные и неприличные, хорошие и плохие. Потому что вы живете как во сне, в фантастическом, нездоровом сне. В таком жалком, таком бесконечно жалком сне! Я видела, как вы вчера ужасно мучились из-за пятнышка от чернил у вас на рукаве - мучились почти полдня!

На лице моего троюродного брата выразилось такое страдание, что больше она об этом чернильном пятне не заикалась.

- Поверьте, вся ваша жизнь - сон, от которого вы неспособны пробудиться...

- Но если так, зачем вы мне это говорите? Она помолчала.

- Зачем вы мне это говорите? - настаивал он.

Он услышал шорох - она придвинулась к нему, и он почувствовал ее теплое дыхание. Тихим, доверительным голосом, словно делаясь секретом, зная который достоин не каждый, она сказала:

- Потому что бывают сны лучше.

III

На мгновение Мелвилу показалось, что с ним говорит кто-то другой, а вовсе не эта любезная дама, сидящая рядом с ним в кресле на колесах.

- Но как... - начал он и остановился. Некоторое время он сидел молча, с озадаченным видом. Она откинулась на спинку кресла, не глядя на него, а когда наконец опять повернулась к нему и заговорила, он почувствовал, что его снова окружает вполне осязаемая реальность.

- А почему я не должна этого делать? - спросила она. - Если мне хочется.

- Что делать?

- Если Чаттерис мне нравится.

- Можно бы подумать и о препятствиях, - сказал он.

- Он не ее собственность, - возразила она.

- В каком-то смысле он пытается ею стать, - сказал Мелвил.

- Пытается! Он должен быть тем, что он есть. Ничто не может сделать его ее собственностью. Если бы вы не жили как во сне, вы бы это понимали.

Мой троюродный брат ничего не ответил, и она продолжала:

- Она не настоящая. Сплошные выдумки и тщеславие. Она все берет из книг. Она сама словно из какой-то книги. Вы же видите, она и здесь этим занимается... Чего она хочет? Что она пытается сделать? Вся эта ее работа, вся эта политическая возня... Она говорит о Положении Бедных! Что такое Положение Бедных? Долгие, тоскливые бессонные ночи, вечный отчаянный страх перед завтрашним днем, жизнь, полная

тревог, - и все потому, что они не знают, какой это нелепый сон. Представьте себе, что они вдруг перестали бы мучиться тревогой и страхом... И какое ей дело, в конце концов, до Положения Бедных? Это лишь отправная точка ее сна. В глубине души она не хочет, чтобы их сны стали радостнее, в глубине души у нее нет к ним любви, ей всего-навсего снится, что она должна напоказ всем Делать Добро, утверждать себя, управлять их жизнью, окруженная благодарностью, хвалой и благословениями. Ее сон! Сон о Серьезных Делах - пляска призраков, которые гонятся за блуждающим огоньком, за последним отблеском миража. Суета сует...

- Для нее это вполне реально.

- Настолько реально, насколько она в это верит. Но она сама не реальна. Она плохо начинает.

- Но он, вы ведь знаете...

- Он в это не верит.

- Ну, не знаю.

- Я знаю - теперь.

- Он непростая личность.

- Ничего, он еще опомнится, - сказала Морская Дама.

- Мне кажется, что касается его работы, вы ошибаетесь, - возразил Мелвил. - В нем как будто борются два человека. - И он вдруг добавил:

- Как и в каждом из нас. - Но тут он спохватился и больше никаких общих соображений не высказывал. - У него есть желание - туманное, согласен, но желание сделать что-то достойное...

- Какое-то туманное желание есть, - согласилась она - Но...

- Намерения у него хорошие, - сказал Мелвил, стоя на своем.

- Никаких у него нет намерений. Он только смутно догадывается...

- Да?

- О том, о чем начинаете догадываться и вы... Что можно представить себе и что-то другое, пусть и несбыточное. Что эта ваша жизнь - еще не все. Что ее нельзя принимать слишком всерьез. Потому что... Бывают сны лучше!

Ее голос звучал, как песнь сирен, и взглянуть ей в лицо мой троюродный брат не решился.

- Ни о каких других снах я ничего не знаю, - сказал он. - У каждого из нас есть он сам и есть его жизнь, этого вполне хватает. Какие еще могут быть сны? Да, мы живем во сне - приходится это признать. Кроме того, все это, знаете ли, не имеет отношения к делу. Мы говорили о Чаттерисе и о том, почему вы пришли за ним. Зачем вам было приходить, зачем кому-то извне приходить в этот мир?

- Потому что нам разрешено в него приходить - нам, бессмертным. И почему бы, если нам вздумается отвесть этой жизни, которая течет, прекращается и начинается снова, как дождь, падающий на землю, - почему бы нам этого не делать? Зачем себе в этом отказывать?

- А Чаттерис?

- Если мне этого хочется...

Титаническим усилием воли он преодолел подступавшее отчаяние и еще раз попытался свести все дело к частности, к отдельному случаю, к его возможным последствиям.

- Но послушайте, - сказал он. - Что именно вы собираетесь делать, если сможете его заполучить? Не собираетесь же вы всерьез зайти в своей игре так далеко? Не собираетесь же вы..., по-настоящему, как принято у нас, выйти за него замуж?

Такое возвращение к сугубо практическим делам рассмешило Морскую Даму.

- Ну а почему бы и нет? - спросила она.

- И разъезжать повсюду в кресле на колесах, и... Да нет, конечно. А что же?

Он посмотрел ей в глаза, и ему показалось, что он заглянул в бездонную морскую глубину, где шевелились какие-то неразличимые тени. Она улыбнулась.

- Нет! - ответила она. - Я не собираюсь выйти за него замуж и разъезжать в кресле на колесах. И стареть, как все земные женщины. (Это от пыли, я думаю, и от сухости воздуха, и от того, как вы начинаете и оканчиваете свою жизнь.) Вы слишком быстро сгораете, вы ярко вспыхиваете и тут же гаснете. Эта ваша жизнь..., эти болезни и старость... Когда кожа становится дряблой, волосы теряют блеск, а зубы... Нет, пойти на это я не могла бы даже ради любви. Нет. Но с другой стороны, знаете ли... - Ее голос понизился до шепота. - Бывают сны лучше!

- Какие еще сны? - возмутился Мел-вил. - Что вы хотите сказать? Кто вы? Зачем вы пришли в эту жизнь - вы, притворившаяся женщиной, - и нашептываете, без конца нашептываете что-то нам, кто живет этой жизнью и для кого нет другого выхода?

- Но ведь выход есть, - сказала Морская Дама.

- Какой?

- Для некоторых из вас выход есть. Когда вся жизнь внезапно воплощается в одном мгновении...

И тут она умолкла.

На мой взгляд, эти слова абсолютно лишены всякого смысла - даже в устах дамы, в сущности воображаемой и пришедшей из моря. Как может целая жизнь воплотиться в одном мгновении? Но каковы бы ни были ее слова на самом деле, что-то, несомненно, осталось недосказанным...

Услышав, что она вдруг замолчала, он взглянул на нее. Она смотрела в сторону дома.

- До-о-рис! До-о-рис! Где ты?

Это был голос миссис Бантинг, разносившийся над газоном, - голос торжествующего настоящего, голос непобедимого благоразумия. Мир в глазах Мелвила снова обрел реальность. Он словно проснулся, очнувшись от какого-то незаметно подкравшегося коварного транса.

Теперь он смотрел на Морскую Даму так, словно этого разговора на самом деле не было, словно он задремал и видел его во сне. Что-то как будто померкло вокруг, какая-то фантастическая картина поблекла. Его взгляд упал на подлокотник кресла, где покоилась ее рука, - там виднелась надпись: "Флэмпс. Прокат кресел на колесах".

- Мы, пожалуй, слишком углубились... - сказал он неуверенно, но потом все-таки переспросил:

- Что вы говорили? Вы хотели сказать, что...

Послышались шаги приближавшейся миссис Бантинг. Паркер шевельнулась и кашлянула.

Теперь ему было совершенно ясно, что они "слишком углубились".

- Может быть, как-нибудь в другой раз... Действительно ли все это было сказано или ему только почудилось?

Вдруг ему пришла в голову одна мысль.

- Где ваша сигарета? - спросил он. Но она была уже давно докурена.

- И о чем это вы тут так долго говорили? - произнесла нараспев миссис Бантинг, почти материнским жестом положив руку на спинку стула, где сидел Мелвил.

- О, - начал Мелвил, против обыкновения растерявшись, вдруг встал со стула и с деланной улыбкой обернулся к Морской Даме. - А правда, о чем мы говорили?

- О всяких интересных вещах, должно быть? - сказала миссис Бантинг почти игриво и удостоила Мелвила особой улыбки - одной из тех, что с моральной точки зрения почти равнозначны подмигиванию.

Мой троюродный брат, потрясенный такой игривостью, секунды четыре в изумлении смотрел на миссис Бантинг. У него даже дух захватило. Потом все одновременно рассмеялись, миссис Бантинг уселась и заметила про себя, но вполне внятно:

- Как будто я не догадываюсь!

IV

Насколько мне известно, после этого разговора Мелвила с необычной силой терзали сомнения. Прежде всего, что особенно его угнетало, он сомневался, был ли вообще этот разговор, и если был, то не сыграла ли память с ним дурную шутку, изменив и усилив его значение. Время от времени мой троюродный брат видит во сне вполне разумные и правдоподобные беседы, и это сильно сбивает его с толку, потому что они путаются с тем, что происходит на самом деле. Не так ли случилось и теперь? Он то и дело возвращался к отдельным фразам, запавшим ему в память, и вдумывался в них. Действительно ли она сказала вот это, и именно с таким выражением? Говорила ли она то? Но каждый день этот разговор припоминался ему по-разному. Действительно ли она предсказала нечто туманное и мистическое, что ожидало Чаттериса?...

Больше всего усиливало и усложняло его сомнения то, что впоследствии Морская Дама, сохраняя полную безмятежность, ни разу и словом не обмолвилась о происшедшем. Или не происшедшем? Она держалась как всегда, в ее поведении не было заметно ни следов возникшей между ними близости, ни отдаления, какое обычно следует за неосторожным признанием.

И, как будто этого было еще недостаточно, к рою обуревавших его вопросов вскоре прибавились новые сомнения. Морская Дама, размышлял он, созналась, что пришла в этот мир, вышла на сушу ради Чаттериса.

А значит...

До сих пор он не задумывался о том, что именно ждет Чаттериса, мисс Глендауэр, Бантингов и всех остальных, когда она "заполучит" Чаттериса, что представлялось весьма вероятным. Бывают другие сны, есть иная жизнь, существует Нечто - и Чаттерису предстояло отправиться туда! Так она сказала! Но Мелвилу с неожиданной отчетливостью и яркостью припомнилась картина, которую он когда-то видел: мужчина и русалка, быстро погружающиеся в пучину... Может ли такое случиться? И это в тысяча восемьсот девяносто девятом году? Может ли быть, что, говоря обо всех этих вещах, она действительно имела их в виду, а если имела и уже начала целенаправленную кампанию с целью заманить его в ловушку, то что должен предпринять в такой ситуации благовоспитанный, ведущий разумную жизнь, хорошо одевающийся холостой светский человек?

Смотреть со стороны - пока все не кончится катастрофой?

Наверное, за эти дни он чуть ли не состарился на глазах. Видимо, он неприлично подолгу околачивался в доме на сэндкаслском побережье, безуспешно пытаясь добиться достаточно длительного и интимного разговора наедине с Морской Дамой,

чтобы раз и навсегда разрешить свои сомнения относительно того, что было в тот раз сказано на самом деле и что ему пригрелось. Ничто еще никогда не вызывало у него такого беспокойства, как поворот, который принял тот их разговор. Никогда еще ему не было так трудно сохранять привычное юмористически-снисходительное отношение к жизни. В его поведении появились совершенно определенные признаки рассеянности.

"Если все так, то это, знаете ли, дело серьезное", - так или примерно так постоянно бормотал он про себя. Его необычное состояние заметила даже миссис Бантинг. Однако она не правильно поняла его причины и говорила что-то о... В конце концов он внезапно уехал в Лондон, полный отчаянной решимости держаться от всего этого подальше. Морская Дама попрощалась с ним в присутствии миссис Бантинг так, будто между ними ничего не произошло...

Я полагаю, что его волнение можно понять. Он принес Миру вполне ощутимые жертвы. Не без усилий он нашел в нем свое место и свою роль, воображал, будто действительно понимает, как говорится, "что к чему", и прекрасно проводил время. И тут, понимаете ли, услышать голос, который постоянно напоминает, что "бывают сны лучше", выслушать рассказ, который предвещает осложнения, несчастья, разбитые сердца, - и не иметь ни малейшего представления о том, что следует предпринять!...

Однако я не думаю, чтобы он сбежал из Сандгейта, не получив более определенного ответа на вопрос "Какие это сны лучше?", не добившись от этой безмятежной страдальцы, хитростью или силой, какого-нибудь более ясного объяснения... - если бы однажды утром миссис Бантинг не позволила себе один в высшей степени тактичный намек.

Вы уже знаете миссис Бантинг и можете себе представить, на что она тактично намекнула. Как раз в это время, имея перед глазами своих девочек и обеих мисс Глендауэр, она со всем пылом погрузилась в матримониальные планы; она стала фанатиком брака, она готова была исключительно из любви к искусству женить кого угодно на ком угодно, и мысль сочетать бедного Мелвила с этой таинственной бессмертной, наделенной чешуйчатым хвостом, видимо, представлялась ей вполне естественной.

Я могу предположить, что однажды она без всякой видимой причины заметила:

- Теперь все в ваших руках, мистер Мелвил.

- В моих руках?! - вскричал Мелвил, изо всех сил стараясь не понять смысла ее невинного, но решительного замечания.

- Сейчас вы монополист! - воскликнула она. - А когда мы вернемся в Лондон, у нее отбоя не будет от поклонников.

Мелвил, кажется, сказал что-то в том смысле, что не надо заходить так далеко... Он не помнит, что сказал. Я думаю, он тогда сам не понимал, что говорит...

Так или иначе, в августе он сбежал в Лондон и болтался там в таком ужасном состоянии, что даже не мог собраться с силами и куда-нибудь уехать. Об этой части истории он не распространяется, и мало-мальски правдоподобно восстановить ее я могу только с помощью собственного воображения. Я представляю себе, как он, сидя в своей прелестно обставленной квартире - квартире, на которой лежит отпечаток легкомыслия, но без тривиальности, и которая свидетельствует об артистичности его натуры, но при этом полна достоинства и серьезности, - обнаруживает, что потерял всякий интерес и к книгам, и к коллекции серебряной посуды, которую (не слишком ревностно) собирает. Представляю себе, как он бродит по этой квартире, заходя то в свою со вкусом отделанную спальню, то в гардеробную, где погружается в

бессмысленное созерцание двадцати семи пар брюк (аккуратно отглаженных и развешанных в полном порядке), неотъемлемых от его мнения о мудрости и благополучии. Он давно уже естественным путем усвоил, что для всякого случая существует в точности соответствующая ему пара брюк, приличествующий ему пиджак, подходящий жест или слово. Он был хозяином своего мира. И тут, вообразите только, этот шепот... "Бывают сны лучше".

- Что это за сны? - вопрошает он, словно защищаясь. Каким бы зыбким и прозрачным ни показался ему мир тогда, в приморском саду в Сандгейте, какой бы ни прозвучал тогда намек на нечто лежащее за пределами этого мира - здесь, в лондонской квартире Мелвила, ни о какой его прозрачности не могло быть и речи.

- Черт возьми! - восклицает он. - Если эти сны предназначены Чаттерису, зачем она мне все это говорила?

- А если бы мне довелось их увидеть, какие бы они там ни были...

Он погружается в размышления, со всей присущей ему серьезностью.

- Нет! - И снова:

- Нет!

- А если человеку не суждено их увидеть, то зачем ему о них знать, зачем из-за них лишаться покоя?

- Если ей так уж хочется мутить воду, почему бы ей не заняться этим самой и стоит ли превращать меня в сообщника?

Он шагает взад и вперед по квартире, потом останавливается и смотрит в окно, на ошалевших от жары прохожих, направляющихся к Хеймаркету...

Но он их не видит. Перед глазами у него стоит маленький приморский сад в Сандгейте и крохотная кучка людей, совсем крохотная, залитая солнечным светом, и что-то надвигается на них...

- Так поступать нечестно! И с ними, и со мной, и с кем угодно!

И тут он, я думаю, неожиданно начинает ругаться.

Представляю себе, как он сидит за обедом, - к этой трапезе он обычно относится с подобающей серьезностью. Представляю себе официанта, изображающего на чисто выбритом лице добродушную небрежность, который приближается к нему с выражением интимного соучастия, с каким всякий порядочный официант подходит к тем, кто внушает ему уважение. Представляю себе уважительную паузу, почтительный вопрос.

- А, да что угодно! - восклицает Мелвил, и официант удаляется в полном изумлении.

Всякую серьезную беду всегда сопровождают досадные мелочи. В дополнение ко всем мукам Мелвила в его клубе затеяли ремонт, и там постоянно толпились строители и декораторы, которые выставили окна и заняли весь зал подмостями. Мелвил и ему подобные оказались на это время гостями чужого клуба, несколько членов которого имели привычку громко пыхтеть. Они, казалось, только и делали, что, пыхтя и отдуваясь, шелестели газетами или спали в креслах, и представлялись Мелвилу какими-то язвами на благопристойном теле этого клуба. В его тогдашнем состоянии ему не было дела до того, что все эти пыхтящие туши занимают высокое положение в обществе. Однако именно благодаря этому временному перемещению он неожиданно столкнулся с Чаттерисом, состоявшим в клубе, который приютил Мелвила, но не принадлежавшим к числу наиболее видных его членов, а скорее к аморфной массе, - и имел с ним что-то вроде конфиденциальной беседы.

Мелвил только что взял в руки "Панч" - он находился в таком расположении духа, когда человек готов схватиться за что угодно, - и начал читать, хотя что именно, он не знает. Вскоре он тяжело вздохнул, поднял глаза и увидел, что в комнату входит Чаттерис.

Он удивился, увидев Чаттериса, и почувствовал беспокойство и некоторую тревогу. Чаттерис тоже явно удивился, увидев его, и пришел в замешательство. На несколько секунд он неловко застыл в дверях с весьма нелюбезным видом, и несколько мгновений не подавал вида, что узнал его, но потом кивнул и неохотно направился к нему. Каждое его движение говорило о том, что он не прочь улизнуть, но не знает, как бы это сделать.

- Вы здесь? - произнес он.

- А вы что делаете в такое время так далеко от Хайда? - спросил Мелвил.

- Я зашел, чтобы написать одно письмо, - сказал Чаттерис и беспомощно огляделся.

Потом он сел рядом с Мелвилом и попросил сигарету. И вдруг пустился в откровенности.

- Вряд ли я буду баллотироваться в Хайле, - сказал он.

- Неужели?

- Да.

Он закурил сигарету.

- А вы стали бы на моем месте?

- Ни в коем случае, - ответил Мелвил. - Но это не по моей части.

- А по моей?

- Не поздно ли выходить из игры? - спросил Мелвил. - Вас уже выдвинули.

Все взялись за работу. Мисс Глендауэр...

- Знаю, - отозвался Чаттерис.

- Ну и?...

- Мне что-то не хочется.

- Но, дорогой мой!...

- Может быть, я немного переутомился. Я не в форме. Потерял ко всему интерес.

Вот почему я здесь.

Тут он сделал совершенно нелепую вещь - выбросил сигарету, выкуренную едва на четверть, и почти тут же попросил другую.

- Вы чересчур усердно занимались своей статистикой, - сказал Мелвил.

Чаттерис произнес нечто такое, что Мелвил, как ему показалось, уже где-то слышал:

- Выборы, Прогресс, Благо Человечества, Общественный Дух - все это на самом деле меня не интересует. По крайней мере, сейчас.

Мелвил молча ждал продолжения.

- С самого рождения тебе всю жизнь постоянно твердят, что надо делать политическую карьеру. Это впитываешь с молоком матери. Тебе не позволяют даже подумать, чего ты хочешь на самом деле, все так тебя туда и подталкивают.

Воспитывают характер. Внушают образ мыслей. Загоняют туда...

- Меня никто никуда не загонял, - возразил Мелвил.

- А меня загоняли. И вот что из этого получается!

- Вы не хотите делать политическую карьеру?

- Как вам сказать... Подумайте, что это такое на самом деле.

- Ну, если задумываться о том, что есть на самом деле...

- Во-первых, вся эта возня, чтобы попасть в парламент. Эти проклятые партии не значат ничего - абсолютно ничего. У них даже нет приличных фракций. Болтаешь всякий вздор перед разными проклятыми комитетами проклятых торговцев, которые думают только о том, чтобы подороже продать свое самоуважение; шепчешься и водишь дружбу с представителями на местах и стараешься, чтобы тебя почаще с ними видели; занимаешься всякой идиотской благотворительностью, и обедаешь, и толкуешь, и якшаешься со всевозможными чванливыми наглецами и мошенниками... Он на несколько секунд умолк.

- И ведь на самом деле они ничего такого в виду не имеют! Они просто делают это по-своему, как ты - по-своему. Все это одна и та же игра. Они гоняются за призраком довольства, они трудятся не покладая рук, и ссорятся, и завидуют друг другу, днем и ночью, постоянно стараясь, несмотря ни на что, убедить себя, что они воплощают в себе реальность и успеха...

Он снова умолк и затянулся сигаретой.

- Это так, - согласился Мелвил и, не скрывая злорадства, добавил:

- Но я думал, что ваше скромное движение... Что в нем есть нечто большее, чем партийные дразги и самоутверждение?...

Он сделал вопросительную паузу.

- Положение Бедных, - добавил он.

- Ну и что? - сказал Чаттерис и взглянул на него с каменным выражением лица.

Мелвил отвел глаза.

- В Сандгейте, - сказал он, - была, знаете ли, какая-то атмосфера искренней веры...

- Знаю, - отозвался Чаттерис во второй раз. - В этом-то все дело! - добавил он после паузы. - Если у меня нет веры в ту игру, в которую я играю, если я застрял на мели, когда прилив веры уже миновал, моей вины тут, во всяком случае, нет. Я знаю, как мне следует поступить. В конце концов я и собираюсь так поступить; сейчас я все это говорю, только чтобы облегчить душу. Я начал эту игру и должен доиграть до конца; я взялся за гуж и не должен отступаться. Вот почему я приехал в Лондон - чтобы самому с этим покончить. Все это долго накапливалось и наконец прорвалось. Вы застали меня в критический момент.

- А-а, - сказал Мелвил.

- Но при всем том дело обстоит так, как я сказал: все это мне в действительности неинтересно. Это не меняет того факта, что я вынужден участвовать в призрачных выборах, которые не имеют никакого смысла, на стороне партии, которая уже десять лет как умерла. И если призраки выиграют, стать членом парламента от привидений. Вот как все это выглядит - стоит только посмотреть на вещи разумно. Мне это больше неинтересно, и душа у меня к этому не лежит, - повторил он еще раз свой главный тезис.

После этого он решил объясниться подробнее и придвинулся ближе к Мелвилу.

- Не то чтобы у меня совсем не было веры. Когда я говорю, что во все это не верю, я захожу слишком далеко. Я верю. Я знаю, что эта предвыборная агитация, все эти интриги - только средство для достижения цели. Есть работа, которую нужно проделать, серьезная работа, важная работа. Только...

Мелвил взглянул на него поверх сигареты. Чаттерис поймал его взгляд и, казалось, какое-то мгновение не хотел его отпускать. Неожиданно он пустился в откровенности. Ясно было, что ему отчаянно нужен слушатель, которому можно довериться.

- Не хочу я этим заниматься. Стоит мне приняться за работу, взять себя в руки, усесться за стол и сказать самому себе: "Вот что предстоит тебе теперь до самого конца жизни, это и будет твоей жизнью, Чаттерис", - понимаете, Мелвил, когда я это делаю, меня охватывает ужас.

- Хм, - сказал Мелвил и задумался. Потом он повернулся к Чаттерису с видом семейного врача и, трижды похлопав его по плечу, произнес:

- Вы чересчур усердно занимались своей статистикой.

Он подождал, пока это дойдет до собеседника. Потом снова повернулся к нему и, вертя в руке пепельницу с эмблемой клуба, сказал:

- Это повседневность вас одолела. За деревьями вы не видите леса. Масса текущих дел заслоняет от вас обширный замысел, за выполнение которого вы взялись. Вы как художник, который слишком долго работал над какой-то очень мелкой деталью в углу полотна. Вам нужно отступить на шаг назад и взглянуть на картину в целом.

- Нет, - сказал Чаттерис, - дело не только в этом.

Мелвил жестом дал понять, что ему лучше знать.

- Я постоянно отступаю на шаг назад и смотрю на нее, - сказал Чаттерис. - В последнее время я только это и делаю. Согласен, это обширное и благородное дело - настоящая политическая деятельность, - только... Она восхищает меня, но не увлекает, ничуть не увлекает. Вот в чем причина всего.

- А что вас увлекает? - спросил Мелвил. Он был совершенно убежден, что это Морская Дама своими разговорами довела Чаттериса до такого состояния, и хотел проверить, насколько далеко она зашла. - Вот, например, - может быть, существуют какие-то другие сны? - спросил он, чтобы окончательно убедиться.

Но эти слова не оказали на Чаттериса никакого видимого действия, и Мелвил отказался от своего подозрения.

- Что значит - другие сны? - спросил Чаттерис.

- Может быть, существует какой-то другой путь, другая жизнь, другой аспект...

- Об этом не может быть и речи, - ответил Чаттерис и добавил зачем-то:

- Эделин - очень хорошая девушка.

Мелвил своим молчанием подтвердил превосходные качества Эделин.

- Все это, знаете ли, просто настроение. Мой путь в жизни уже проложен - очень хороший путь, лучше, чем я заслуживаю.

- Куда лучше, - сказал Мелвил.

- Намного, - вызывающе сказал Чаттерис.

- Очень много, - подтвердил Мелвил.

- Давайте поговорим о чем-нибудь другом, - сказал Чаттерис. - Нельзя позволять себе даже на мгновение усомниться в том, что дело, которым тебе выпало заниматься, и есть самое-самое единственное в жизни. Иначе начинается то, что даже уличные мальчишки теперь называют "патологией".

Однако никакой другой интересной темы Мелвилу в голову не пришло.

- Там, в Сандгейте, все были здоровы, когда вы уезжали? - спросил он после паузы.

- Кроме коротышки Бантинга.

- Заболел?

- Удил рыбу.

- А, ну конечно. Бризы, весенние приливы... А мисс Уотерс?

Чаттерис бросил на него подозрительный взгляд и с деланной небрежностью ответил:

- Она-то здорова. И так же очаровательна, как всегда.
- Она вправду собирается заняться агитацией?
- Недавно она опять об этом заговаривала.
- Она многое готова для вас сделать, - сказал Мелвил и выдержал долгую

многозначительную паузу.

- А кто такая вообще эта мисс Уотерс? - спросил Чаттерис таким тоном, словно приглашал посплетничать.

- Она очень мила, - сказал Мелвил и этим ограничился.

Подождав немного, Чаттерис перестал притворяться, будто его интересуют мелкие сплетни, и стал очень серьезным.

- Послушайте, - сказал он, - кто такая эта мисс Уотерс?

- Откуда я могу знать? - уклончиво ответил Мелвил.

- Вы знаете. И остальные тоже знают. Кто она такая?

Мелвил посмотрел ему в глаза.

- Вам этого не говорят?

- В том-то и дело, - сказал Чаттерис.

- А почему вам так хочется это знать?

- А почему бы мне этого не знать?

- Есть что-то вроде договоренности - держать это в тайне.

- Что "это"?

Мой троюродный брат сделал неопределенный жест.

- Неужели с ней что-то неладно? Мой троюродный брат не ответил даже жестом.

- У нее что-то есть в прошлом?

У моего троюродного брата мелькнула мысль о разных возможных перипетиях подводной жизни.

- Да, - ответил он.

- Мне это безразлично. Наступила пауза.

- Послушайте, Мелвил, - сказал Чаттерис. - Я хочу это знать. Если только это не что-то такое, что держат в тайне именно от меня... Я не люблю, когда люди, с которыми я общаюсь, ведут себя со мной как с чужим. Что там насчет мисс Уотерс?

- А что говорит мисс Глендауэр?...

- Ничего определенного. Она ее невзлюбила и не говорит почему. А у миссис Бантинг так и написано на лице, что она ни за что не проговорится. А сама она смотрит и... А эта ее горничная выглядит так, словно... В общем, все это не дает мне покоя.

- А почему бы вам не спросить ее?

- Как я могу ее спросить, пока не буду знать, в чем дело? Черт возьми, я, кажется, ясно вас спрашиваю.

- Ну, хорошо, - сказал Мелвил. И тут он решил рассказать Чаттерису все. Однако он не мог придумать, как это подать. На мгновение ему пришло в голову, что нужно просто сказать: "Дело в том, что она русалка". Но он сразу же понял, как невероятно это прозвучит. Он всегда подозревал, что Чаттерис способен повести себя как настоящий романтик с континента. Он вполне может вспылить, если услышит такое про даму...

Муки сомнения терзали Мелвила. Как вы знаете, он никогда не видел ее хвоста собственными глазами. В этой обстановке история Морской Дамы показалась ему еще более не правдоподобной, чем тогда, когда он впервые услышал ее от миссис Бантинг. Их окружала атмосфера солидной реальности, какую навеивает только

первоклассный лондонский клуб. Повсюду громоздились тяжеловесные кресла, стояли массивные столы, а на них - тяжелые каменные спичечницы. Даже спички в них были особые, толстые и увесистые. Рядом на внушительном столе со слоновыми ногами, крытом зеленым сукном, лежало несколько номеров "Тайме", последний "Панч", стояли массивная бронзовая чернильница и свинцовое пресс-папье. "Бывают и другие сны!" Нет, это немыслимо. В тишине отчетливо слышалось хриплое дыхание высокопоставленной персоны, сидевшей в кресле в дальнем углу комнаты, - тяжелое и равномерное, словно кто-то пилил камень. Мелвилу вдруг представилось, что это хриплое дыхание и есть подлинное мерило реальности: казалось, при первом же слабом намеке на существование чего-то столь невероятного, как русалка, оно прервется и перейдет в предсмертный хрип.

- Вы не поверите, если я скажу, - произнес Мелвил.

- Ну, все равно - говорите.

Мой троюродный брат взглянул на стоящее рядом пустое кресло. Видно было, что оно набито самым лучшим конским волосом, какой только можно купить за деньги, набито с бесконечной тщательностью и почти религиозным прилежанием. Гостеприимно распахнув свои подлокотники, оно внушало всякому, что не хлебом единым жив человек - потому что, насытившись хлебом, ему непременно следует вздремнуть. Кресло, чуждое каких бы то ни было снов!

Русалки?

Ему пришло в голову - а вдруг он стал жертвой глупого заблуждения, загипнотизированный уверениями миссис Бантинг? Что, если найдется какое-нибудь более правдоподобное объяснение, какая-нибудь фраза, которая проляжет мостом от правдоподобия к истине?

- Нет, ничего не выйдет, - пробормотал он наконец.

Чаттерис украдкой не сводил с него глаз.

- А, в конце концов мне наплевать, - сказал он и швырнул вторую сигарету в огромный резной камин. - Меня это не касается.

Потом он неожиданно вскочил и бессмысленно взмахнул руками.

- Можете не говорить, - сказал он с таким видом, как будто намеревался добавить много такого, о чем впоследствии пришлось бы пожалеть. Набираясь решимости, он еще раз беспомощно взмахнул руками, но в конце концов, видимо, так и не сумел придумать ничего такого, что соответствовало бы остроте момента и было бы в достаточной степени достойно сожаления. Он круто повернулся и направился к двери.

- Ну и не надо! - выпалил он, обращаясь к газете, за которой скрывалась персона с хриплым дыханием.

- Если уж вы так не хотите! - бросил он почтительному официанту в дверях.

А швейцар услышал, что ему наплевать - наплевать, черт возьми!

- Должно быть, кто-то из приглашенных, - сказал швейцар, до крайности шокированный. - Вот чем кончается, когда сюда пускают эту молодежь.

VI

Мелвил с трудом удержался, чтобы не последовать за ним.

- Черт бы его взял! - произнес он.

А потом, когда до него начало доходить, что произошло, произнес с еще большей горячностью:

- Черт бы его взял!

Он встал и увидел, что высокопоставленный член клуба, который до сих пор спал, неодобрительно смотрит на него. В его взгляде было твердое, непоколебимое неодобрение, против которого бессильны жалкие извинения. Мел-вил повернулся и пошел к двери.

Этот разговор пошел моему троюродному брату на пользу. Отчаяние и горе отступили, и через некоторое время его охватило глубокое моральное возмущение, а это прямая противоположность сомнениям и недовольству. Чем больше он размышлял, тем сильнее его возмущало поведение Чаттериса. Его неожиданная безрассудная вспышка представила дело в совершенно ином свете. Он очень хотел бы снова повстречаться с Чаттерисом и поговорить с ним совсем иначе.

"Подумать только!" - мелькнуло у него в голове столь явственно, что он чуть не произнес это вслух. И он разразился про себя целой речью.

Какое недоброе, неблагодарное, неразумное существо этот Чаттерис! Избалованное дитя фортуны, он все имел, ему все было дано, и даже глупости, которые он делал, приносили ему больше, чем другим - удача. Девятьсот девяносто девять человек из тысячи могли с полным основанием завидовать его везению. Сколь многие проводили всю жизнь в непрестанном труде и в конце концов с благодарностью принимали лишь малую часть того, что сыпалось на этого ненасытного, неблагодарного молодого человека! Даже я, подумал мой троюродный брат, мог бы во многом ему позавидовать. И вот, при первом зове долга, нет - всего лишь при первом намеке на принуждение, - такое неподчинение, такой протест и бегство! Вы бы подумали о печальной доле простого человека! - потребовал мой троюродный брат. Подумали бы о тех многих, кто страдает от голода... Это рассуждение, пожалуй, чересчур отдавало социализмом, однако мой троюродный брат, преисполненный морального возмущения, продолжал в том же духе. Подумали бы о тех многих, кто страдает от голода, кто проводит жизнь в неустанным труде, кто живет в страхе, в нищете и притом с тупой решимостью делает все, чтобы выполнить свой долг, или, во всяком случае, то, что считает своим долгом! Подумали бы о целомудренных бедных женщинах! Подумали бы о множестве честных душ, которые мечтают послужить себе подобным, но так заморочены и поглощены заботами, что не могут это сделать! И вот появляется это жалкое существо, одаренное и умом, и положением, и возможностями, и благородной идеей, и женой, которая не только богата и красива - а она красива! - но и может стать ему лучшим помощником... А он от этого отворачивается! Это для него, видите ли, недостаточно хорошо. Это, видите ли, его не увлекает. Этого ему мало, и все тут. Чего же он хочет? Чего ему нужно?...

Морального возмущения хватило моему троюродному брату на весь путь по Пиккадилли, по Роттен-Роу, по обсаженным цветами дорожкам парка почти до самой Кенсингтон-Хайстрит и обратно вдоль Серпентайна до дома, и от этого у него разыгрался такой аппетит, какого он уже давно не испытывал. Весь тот вечер жизнь представлялась ему прекрасной, и наконец, в третьем часу ночи, он уселся у себя перед разведенным без особой нужды и весело стреляющим огнем в камине, чтобы выкурить добрую сигару перед тем, как ложиться спать.

- Нет, - сказал он вдруг, - у меня нет никакой "патологии". Я принимаю те дары, что преподносят мне боги. Я стараюсь сделать счастливым себя и немногих других, добросовестно выполнить свой маленький долг, и этого с меня достаточно. Я не заглядываю в суть вещей слишком глубоко и не смотрю на них слишком широко. Немногие простые идеалы...

Хм...

Чаттерис - просто мечтатель, до невозможности требовательный и всем недовольный. О чем он мечтает?.. На три четверти мечтатель, на четверть - избалованный ребенок.

Мечтатель...

Мечты... Сны...

Другие сны...

О каких это других снах она говорила?..

И мой троюродный брат погрузился в глубокое раздумье.

Потом он вздрогнул и огляделся по сторонам. Его взгляд упал на стоячие часы. Он поспешно встал и отправился спать.

Глава VII КРИЗИС

I

Кризис разразился примерно через неделю - я говорю "примерно" из-за того, что Мелвил постоянно путается в датах. Однако, насколько дело касается кризиса, Мелвил оказался на высоте, проявив живую заинтересованность, острую наблюдательность и сохранив в своей отменной памяти немало ярких впечатлений. Во всяком случае, по меньшей мере две фигуры вырисовываются здесь передо мной полнее и убедительнее, чем в любом другом эпизоде этой с таким трудом воссозданной истории. Он представляет мне Эделин такой, что я, кажется, готов в нее поверить, а Чаттериса куда больше похожим на самого себя, чем во всех остальных отрывочных сценах, которые я до сих пор вынужден был дополнять воображением, чтобы кое-как слепить их воедино. Не сомневаюсь, что читатель вместе со мной возблагодарит небо за все подобные кратковременные просветы в этой таинственной истории.

Мелвил был вызван в Сандгейт, чтобы принять участие в кризисе, телеграммой от миссис Бантинг, а первым, кто ознакомил его с ситуацией, был Фред Бантинг.

"ПРИЕЗЖАЙТЕ. НЕМЕДЛЕННО. ПРОШУ ВАС", - говорилось в телеграфном послании миссис Бантинг. Мой троюродный брат успел на утренний поезд и прибыл в Сандгейт перед полуднем.

Миссис Бантинг, как ему сказали, была наверху с мисс Глендауэр и очень просила его дождаться, пока она не сможет оставить свою подопечную.

- Что, мисс Глендауэр заболела? - спросил Мелвил.

- Нет, сэр, ничуть, - ответила горничная и умолкла, очевидно ожидая следующего вопроса.

- А где все остальные? - спросил он как будто между прочим.

- Три молодые леди, что помоложе, уехали в Хайд, - сообщила горничная, подчеркнуто умолчав о Морской Даме. Мелвил терпеть не может расспрашивать о важных делах прислугу, поэтому о мисс Уотерс он не спросил. Обычно все здесь проводили время в гостиной, и то, что она так обезлюдела, полностью соответствовало ощущению кризиса, созданному телеграммой. Горничная, подождав еще мгновение, удалилась.

Некоторое время Мелвил постоял в гостиной, потом вышел на веранду и заметил приближающуюся фигуру в богатом уборе. Это был Фред Бантинг, который

воспользовался всеобщим бегством, чтобы отправиться купаться прямо из дома. На нем была белая широкополая полотняная шляпа, он был закутан в полосатое одеяло, а из угла рта у него свисала такая вызывающе мужественная трубка, какую никогда не решился бы курить ни один вполне взрослый мужчина.

- Привет! - сказал он. - Это мать за вами послала?

Мелвил признался, что его догадка правильна.

- Тут все вверх дном, - сказал Фред и вынул трубку изо рта, продемонстрировав таким образом желание вступить в разговор.

- А где мисс Уотерс?

- Отбыла.

- Обратно?

- Что вы, нет! И не подумала. Переехала в отель Ламмиджа. Со своей горничной. Заняла там люкс.

- Но почему...

- Мать с ней поругалась.

- Из-за чего?

- Из-за Гарри.

Мой троюродный брат посмотрел на него с удивлением.

- Тут все и началось, - сказал Фред.

- Что началось?

- Скандал. Эдди говорит, Гарри в нее втюрился.

- В мисс Уотерс?

- А в кого же еще? Совсем рехнулся. Махнул рукой на свою избирательную кампанию, на все. Окончательно потерял голову. Эделин он ничего не говорил, но она начала догадываться. Задавать вопросы. На следующий день он отбыл. В Лондон. Она написала ему и спросила, в чем дело. Три дня он молчал. Потом... Написал ей.

Все это Фред сопровождал поднятием бровей, поджиманием губ и многозначительными кивками.

- Как вам это нравится? - спросил он и добавил в виде объяснения:

- Письмо ей написал.

- Неужели он написал ей про мисс Уотерс?

- Не знаю, про что он написал. Не думаю, чтобы там шла речь о ней, но, должно быть, высказался он ясно. Я знаю только одно - целых два дня весь дом был как резинка, если ее натянуть ту же, чем надо, и все были как в узел завязаны, - а потом резинка лопнула. Все это время Эдди писала ему письмо за письмом и тут же их рвала, и никто ничего не мог понять. Все ходили как в воду опущенные, кроме мисс Уотерс. Она была мила и румяна, как всегда. В конце концов мать начала задавать вопросы, Эделин бросила писать и кое о чем намекнула матери, она в одно мгновение все поняла, и тут началось.

- А мисс Глендауэр не...

- Нет, это мать сделала. И прямо в лоб - она это умеет. Та отпираться не стала. Сказала, что ничего не могла с собой поделать и что имеет на него не меньше прав, чем Эделин. Я это сам слышал, - добавил Фред, не проявив ни малейших угрызений совести. - Ничего себе, а? А ведь они помолвлены. И мать все ей выложила. "Вы меня, - говорит, - очень обманули, мисс Уотерс, очень обманули". Я это тоже сам слышал.

- А потом?

- Попросила ее уехать. Сказала, что она отплатила нам злом за то, что мы ее приняли, когда ни один рыбак не стал бы на нее и смотреть.

- Так и сказала?

- Ну, в этом роде.

- И мисс Уотерс уехала?

- В шикарном кебе, горничная и вещи в другом, все как полагается. Настоящая дама... Я бы ни за что не поверил, если бы не видел своими глазами - хвост то есть.

- А мисс Глендауэр?

- Эдли? О, наслаждается вовсю. Спускается вниз и изображает этакую бледную, но героическую жертву, потом поднимается вверх и изображает разбитое сердце. Мне-то это прекрасно знакомо. У вас сестер не было. Знаете ли...

Фред тщательно отрепетированным движением вынул трубку изо рта и придвинулся поближе к Мелвилу.

- По-моему, им это даже нравится, - сообщил он доверительным полупшепотом. - Понимаете, вся эта шумиха. Мэйбл тоже немногим лучше. И девчонки. Все наслаждаются этим, как могут. Послушать их, так можно подумать, что, кроме Чаттериса, мужчин на свете и нет больше. Да меня хоть палками по пяткам колоти, я бы так раскипятиться не смог. Веселенький дом, а? Прекрасные выдались каникулы, лучше не придумаешь.

- А где.., главный герой? - спросил Мелвил немного мрачно. - В Лондоне?

- Бесславный он герой, а не главный, - сказал Фред. - Живет здесь, в "Метрополе". Так и застрял там.

- Застрял?

- Ну да. Застрял, влопался. Мой троюродный брат попытался выяснить какие-нибудь еще подробности. - А как он к этому относится?

- Сидит в луже, - произнес Фред с ударением. - Никак не ожидал такого скандала. Когда он написал, что эти выборы его нисколько не интересуют, но что он надеется собраться с силами...

- Вы же говорили, что не знаете, о чем он писал.

- Ну, это-то я знаю, - ответил Фред. - Ему и в голову не приходило, что они сразу же сообразят - все дело тут в мисс Уотерс. Только женщины, знаете ли, ужасно хитрые. Это у них в крови. И чем все кончится...

- Но почему он остановился в "Метрополе"?

- Чтобы оставаться в центре событий, я полагаю, - ответил Фред.

- Как же он к этому относится?

- Говорит, что собирается повидаться с Эделин и все объяснить, только не делает этого... Все откладывает. А Эделин, насколько я знаю, говорит, что, если он не явится в самом скором времени, она лучше повесится, чем согласится его видеть, даже если из-за этого сердце у нее будет разбито и все такое. Вы же понимаете.

- Естественно, - отозвался Мелвил несколько неожиданно. - А он?

- Носа не кажет.

- А видится он.., ну, с той, другой дамой?

- Неизвестно. Не можем же мы за ним следить. Но если и видится, то это ему не так уж просто устроить...

- ?

- Тут понаехало не меньше сотни всяких его родственников - как вороны на падаль. Никогда еще столько не видел. А еще говорят - он из хорошего старинного

рода. Этот род уже разлагается от старости! Никогда еще не видел такого старинного рода. Тетки, главным образом.

- Тетки?

- Тетки. Прямо-таки все как одна. Откуда они пронюхали, не знаю. Словно стервятники. Разве что мать... В общем, все они тут. И все накинулись на него - влияют изо всех сил, грозят лишить наследства и все такое. Там есть одна старушка, она остановилась у Бейтса - леди Пойнтинг-Маллоу, немного на пугало похожа, а в остальном ничуть не хуже их всех, - так она уже два раза сюда приезжала. Кажется, Эделин ее малость разочаровала. Еще две тетки остановились у Уомпака - вы же знаете, какая публика останавливается у Уомпака. Такие натуральные тепличные цветочки, вылей на них лейку холодной воды, тут им обеим и крышка. А еще одна приехала с континента - короткая стрижка, короткие юбки, ужас просто, - эта живет в "Павильоне". И все так и выются вокруг. "Где эта женщина? Дайте на нее взглянуть!" В общем, в этом роде.

- Вся сотня?

- Практически да. Те, что у Уомпака, послали за епископом, который был директором школы, где он учился...

- Не жалеют сил, да?

- Это точно.

- А он уже знает?...

- Что она русалка? Не думаю. Отец отправился, чтобы ему об этом сообщить. Конечно, он совсем запыхался и растерялся. А Чаттерис ему и говорить не дал. "Во всяком случае, ничего плохого я о ней слышать не желаю", - говорит. Отец утерся и ушел. Как вам это нравится?

- А тетки?

- До них понемногу доходит. Их главным образом волнует, что он собирается бросить Эделин, как бросил ту американку. А вся эта история с русалкой их, кажется, только пугает. Таким старикам нелегко свыкнуться с какой-то новой мыслью. Те, что у Уомпака, шокированы - но сгорают от любопытства. Они и на грош не верят, что она русалка, но хотят все об этом знать. А та, что в "Павильоне", просто сказала: "Чушь! Как она может дышать под водой? Скажите-ка мне, миссис Бантинг. Это просто какая-то особа, которую вы подобрали, не знаю уж как, но никакая не русалка". Все они, по-моему, ужасно настроены против матери за то, что она ее подобрала, только не могут без ее помощи привести в чувство Эдли. Ничего себе история, а?

- Я полагаю, тетки ему про это сообщат?

- Про что?

- Про хвост.

- Наверно.

- И что будет потом?

- Это один Бог знает. А может, и не сообщат.

Мой троюродный брат еще некоторое время стоял на веранде, погруженный в размышления.

- Занятная история, - сказал Фред Бантинг.

- Послушайте, - сказал Мелвил. - А что предстоит делать мне? Зачем меня сюда вызвали?

- Представления не имею. Чтобы веселее было, наверное. Всякий вносит свой вклад - как в рождественский пудинг.

- Но... - начал Мелвил.

- Я ходил купаться, - сказал Фред. - Меня никто не просил ничего делать, и я ничего не делал. Конечно, без меня хорошего пудинга не получится, но что поделаешь? На мой взгляд, можно сделать только одно...

- Может быть, это и есть то, что надо? Что же?

- Дать Чаттерису по физиономии.

- Не вижу, как это может помочь.

- Да нет, помочь-то это не поможет, - сказал Фред и добавил, словно подводя итог:

- Вот и все!

Потом, важно расправив складки своего одеяла и снова сунув в зубы огромную давно погасшую трубку, он пошел своей дорогой. Угол одеяла тащился за ним по полу. Некоторое время из холла доносилось шлепанье босых ног, которое стихло, когда он стал подниматься по устланной ковром лестнице.

- Фред! - позвал Мелвил, двинувшись в сторону двери: ему вдруг пришло в голову, что надо бы выяснить побольше подробностей.

Но Фреда уже не было видно.

II

Вместо Фреда появилась миссис Бантинг. На лице ее были заметны следы недавних переживаний.

- Это я дала вам телеграмму, - сказала она. - Мы в крайне трудном положении.

- Мисс Уотерс, насколько я понимаю...

- Она уехала.

Миссис Вантинг двинулась было к звонку, но остановилась.

- Обед подадут, как обычно, - сказала она - Вам надо подкрепиться.

Она направилась к нему, в отчаянии заламывая руки.

- Вы не можете себе представить, - сказала она. - Бедное дитя!

- Вы должны мне все рассказать, - сказал Мелвил.

- Просто не знаю, что делать. Куда мне кинуться. - Она подошла ближе и воскликнула:

- Что бы я ни делала, мистер Мелвил, я старалась, чтобы было как лучше! Я видела - что-то неладно. Я понимала, что меня обманули, и терпела, сколько могла. Но в конце концов я должна была высказаться.

С помощью наводящих вопросов и выжидательных пауз моему троюродному брату удалось выяснить кое-какие подробности.

- И все считают, что виновата я, - закончила она. - Все до единого.

- В таких делах все считают, что виноват тот, кто пытается хоть что-то сделать, - сказал Мелвил. - Не обращайтесь внимания.

- Постараюсь, - мужественно ответила она. - Вы же понимаете, мистер Мелвил... Он слегка дотронулся до ее плеча.

- Да, - сказал он весьма внушительно, и я думаю, что миссис Бантинг сразу стало легче.

- Мы все надеемся на вас, - сказала она. - Не знаю, что бы я без вас делала

- Правильно, - сказал Мелвил. - Как же обстоят дела? Что я должен предпринять?

- Отправиться к нему, - сказала миссис Бантинг, - и все уладить.

- Но представьте себе... - начал Мелвил с сомнением в голосе.

- Отправиться к ней. Заставить ее понять, что означало бы это для него и для всех нас.

Он попытался получить более определенные инструкции.

- Не создавайте лишних трудностей, - взмолилась миссис Бантинг. - Подумайте об этой несчастной девушке, что сейчас сидит наверху. Подумайте обо всех нас.

- Я думаю... - сказал Мелвил, думая о Чаттерисе и уныло глядя в окно. - Насколько я знаю, мистер Бантинг...

- Или вы, или никто, - перебила миссис Бантинг, не дав ему закончить фразу. - Фред слишком молод, а Рандолф... Он не дипломат. Он.., он сразу начинает грубить.

- Неужели?! - воскликнул Мелвил.

- Видели бы вы его за границей. Часто.., не раз мне приходилось вмешиваться. Нет, только вы. Вы так хорошо знакомы с Гарри. Он вам доверяет. Вы можете сказать ему.., то, что никто другой не может.

- Да, кстати, ему известно?...

- Мы этого не знаем. Откуда мы можем знать? Мы знаем, что она вскружила ему голову, вот и все. Он там, в Фолкстоне, и она там, в Фолкстоне, и они, может быть, встречаются...

Мой троюродный брат задумался.

- Значит, вы пойдете? - спросила миссис Бантинг.

- Пойду, - сказал Мелвил. - Только не вижу, что я могу тут сделать.

И миссис Бантинг, сжимая его руку в обеих своих изящных пухлых ручках, сказала, что с самого начала не сомневалась в его готовности помочь и что до последнего вздоха будет благодарна ему за то, что он приехал сразу же, получив ее телеграмму, а потом добавила, в виде естественного продолжения сказанного, что он, наверное, проголодался и хочет обедать.

Без долгих разговоров приняв приглашение, он снова вернулся к делу.

- Вы не знаете, как он относится...

- Он написал только Эдли.

- Значит, не он был причиной всего этого кризиса?

- Нет, это Эдли. Он уехал, и что-то в его поведении заставило ее написать ему и спросить, в чем дело. Как только она получила его письмо, где говорилось, что он хочет немного отдохнуть от занятий политикой и что та жизнь, какой, по его мнению, требуют подобные занятия, его почему-то не привлекает, - она сразу поняла все.

- Все? Да, но что такое это "все"?

- Что та его завлекла.

- Мисс Уотерс?

- Да.

Мой троюродный брат погрузился в раздумье. Так вот что такое для них "все"!

- Хотел бы я знать, как он к этому относится, - сказал он наконец и последовал за миссис Бантинг обедать. В ходе трапезы, за которой они сидели наедине, с очевидностью выяснилось, каким облегчением для миссис Бантинг стало его согласие поговорить с Ваттерисом, что немало его обеспокоило. Она, по-видимому, сочла, что это снимает с нее изрядную часть ответственности, которую теперь принимает на себя Мелвил. Она вкратце изложила ему все доводы в свою защиту от тех обвинений, которые, несомненно, ей предъявлялись - и открыто, и намеками.

- Откуда я могла знать?! - воскликнула она и еще раз пересказала ему историю памятного появления Морской Дамы, добавив новые смягчающие ее вину

обстоятельства. Эделин сама первой закричала: "Ее нужно спасти!" - миссис Бантинг это особо подчеркнула,

- И что еще мне оставалось делать? - спросила она.

Она говорила и говорила, а тем временем проблема, стоявшая перед моим троюродным братом, приобретала в его глазах все более серьезные размеры. Перед ним все отчетливее вырисовывалась сложность ситуации, в которой на него возлагались такие надежды. Прежде всего, было совершенно неясно, согласна ли мисс Глендауэр на возвращение своего возлюбленного без каких-либо условий; кроме того, он был уверен, что Морская Дама отнюдь не намерена отпустить его восвояси, раз уж ей удалось им завладеть. Здесь шла борьба стихий, а они вели дело так, словно это всего лишь частный случай. Ему становилось все очевиднее, что миссис Бантинг совершенно упускает из виду стихийное начало в Морской Даме, рассматривая эту историю исключительно как обычное проявление непостоянства, заурядную демонстрацию той ветрености, которая, пусть скрытая, но неискоренимая, живет в душе каждого мужчины, и что, по ее убеждению, ему достаточно будет нескольких тактичных упреков и легкого нажима, чтобы восстановить прежнюю гармонию.

Что же до Чаттериса... Мелвил покачал головой, отказываясь от предложенного ему сыра, и что-то рассеянно ответил миссис Бантинг.

III

- Она хочет поговорить с вами, - сказала миссис Бантинг, и Мелвил не без некоторого трепета поднялся наверх, на просторную лестничную площадку со стоящими там стульями, чтобы избавить Эделин от необходимости спускаться вниз. Она вышла к нему в черно-фиолетовом платье с богатой отделкой, причесанная просто, но аккуратно. Лицо ее было бледно, покрасневшие глаза свидетельствовали о недавних слезах, но держалась она с каким-то внутренним достоинством, в отличие от ее обычной нарочитой манеры совершенно бессознательным.

Она вяло протянула ему руку и заговорила измученным голосом:

- Вы знаете..., все?

- Ну, во всяком случае, в общих чертах.

- Почему он это со мной сделал? Мелвил не ответил, но всем своим видом выразил глубокое сочувствие.

- Мне кажется, - сказала она, - что это не простая бесчувственность.

- Безусловно, - подтвердил Мелвил.

- Это какая-то загадочная фантазия, которой я не могу понять. Я думала..., хотя бы его политическая карьера..., могла бы заставить его...

Она покачала головой и некоторое время пристально смотрела на папоротник в горшке.

- Он писал вам? - спросил Мелвил.

- Три раза, - ответила она, поднимая глаза.

Мелвил не решился спросить о содержании этой переписки, но она избавила его от такой необходимости.

- Мне пришлось спросить его, - сказала она. - Он все от меня скрыл и не хотел говорить, мне пришлось его заставить.

- Не хотел говорить? - переспросил Мелвил. - О чем говорить?

- Что он чувствует к ней и что он чувствует ко мне.

- Но разве он...

- Кое-что он прояснил. Но все равно, даже сейчас... Нет, не понимаю.

Она медленно повернулась к Мелвилу и, не спуская глаз с его лица, заговорила:

- Знаете, мистер Мелвил, это было для меня страшным потрясением. Вероятно, до сих пор я его просто не знала как следует. Вероятно, я.., я его идеализировала. Я думала, что он любит.., хотя бы нашу работу. Он действительно любил нашу работу. Он в нее верил. Я убеждена, что он в нее верил.

- Он и сейчас верит, - сказал Мелвил.

- А потом... Но как он мог?

- Он.., он человек с довольно сильным воображением.

- Или со слабой волей?

- Сравнительно - да.

- Все это так странно, - вздохнула она. - Так непоследовательно. Словно ребенок, который тянется к новой игрушке. Знаете, мистер Мелвил, - она заколебалась, - из-за всего этого я почувствовала себя старой. Намного старше и намного умнее его. Я ничего не могу поделать. Боюсь, что всякой женщине.., доводится когда-нибудь это почувствовать.

Она глубоко задумалась.

- Всякой женщине... "Ребенок мужского пола" - теперь я понимаю, что хотела этим сказать Сара Гранд!

Она слабо улыбнулась.

- Мне все кажется, что он просто непослушный ребенок. А я.., я преклонялась перед ним! - сказала она дрогнувшим голосом.

Мой троюродный брат кашлянул, отвернулся и стал смотреть в окно. Ему пришло в голову, что он, оказывается, еще менее пригоден для таких разговоров, чем считал до сих пор.

- Если бы я думала, что она может сделать его счастливым... - сказала она через некоторое время, и, хотя фраза осталась неоконченной, было ясно, что за этим последовали бы слова, полные великодушия и самопожертвования.

- Да, дело.., непростое, - сказал Мелвил.

Она продолжала - звонким, немного напряженным голосом, в котором звучали покорность судьбе и непоколебимая уверенность:

- Но она на это неспособна. Все, что есть в нем лучшего, серьезного... Она не может этого видеть и все погубит.

- А он... - начал Мелвил и сам испугался безрассудной смелости собственного вопроса.

- Да?

- Он.., просил расторгнуть помолвку?

- Нет... Он хочет вернуться ко мне.

- А вы?

- Он не возвращается.

- А вы.., хотите, чтобы он вернулся?

- Как я могу знать, мистер Мелвил? Он даже не говорит определенно, что хочет вернуться.

Мой троюродный брат Мелвил озадаченно посмотрел на нее. Он всю жизнь скользил по поверхности чувств и, когда столкнулся с подобными сложностями в делах, которые всегда считал простыми, оказался в тупике.

- Иногда, - сказала она, - мне кажется, что моя любовь к нему окончательно умерла... Подумайте только, какое разочарование, какое потрясение я испытала, обнаружив в нем такую слабость.

Мой троюродный брат поднял брови и кивнул головой в знак согласия.

- Убедиться, что он стоит на глиняных ногах!

Наступила пауза.

- По-видимому, я никогда его не любила. Но потом... Потом я начинаю думать о том, кем он все-таки мог бы стать...

Что-то в ее голосе заставило его поднять глаза, и он увидел, что губы у нее крепко стиснуты, а по щекам катятся слезы.

Как рассказывает мой троюродный брат, сначала ему пришло в голову, что надо бы сочувственно коснуться ее руки, а потом - что этого делать не следует. Ее слова не выходили у него из головы. Потом он с некоторым опозданием сказал:

- Это еще возможно.

- Может быть, - медленно, неуверенно произнесла она. Больше она не плакала. - Кто она такая? - вдруг сказала Эделин совсем другим тоном. - Кто это существо, которое встало между ним и всеми реальностями жизни? Что в ней такого... И почему я должна соперничать с ней из-за того, что он.., что он сам не знает, чего хочет?

- Когда человек знает, чего он хочет, - сказал Мелвил, - это значит, что он исчерпал один из главных интересов в жизни. Тогда он становится.., чем-то вроде потухшего, заросшего и возделанного вулкана. Если это вообще был вулкан.

Он некоторое время размышлял, забыв о ней, потом, вдруг спохватившись, очнулся.

- Что в ней такого? - спросила она с тем сознательным стремлением внести во все ясность, которое так не нравилось в ней Мелвилу. - Что она может предложить, чего я...

Этот прямой призыв заняться щекотливыми сопоставлениями заставил Мелвила поморщиться. Но тут ему на помощь пришли все кошачьи свойства его натуры - он принялся пятиться, ходить вокруг да около и всячески уклоняться от сути дела.

- Ну что вы, дорогая мисс Глендауэр! - начал он и попытался сделать вид, что это вполне удовлетворительный ответ.

- В чем разница? - настаивала она.

- Существуют вещи неосязаемые, - уклончиво отвечал Мелвил. - Они не подчиняются рассудку и не поддаются точному определению.

- Но вы все же как-то к ней относитесь? - не унималась она. - У вас должно было сложиться какое-то впечатление. Почему вы не... Разве вы не понимаете, мистер Мелвил, это очень... - голос ее на мгновение осекся, - очень важно для меня. Это просто бессердечно с вашей стороны, если свое впечатление вы... Простите меня, мистер Мелвил, если я добиваюсь от вас слишком многого. Я.., я хочу знать.

На мгновение Мелвилу пришло в голову, что в этой девушке, пожалуй, есть что-то такое, что немного выходит за пределы его прежнего представления о ней.

- Должен признаться, что у меня сложилось некоторое впечатление, - ответил он.

- Вы мужчина, вы знаете его, вы много чего знаете, вы можете смотреть на вещи с разных точек зрения. Если бы вы только позволили себе.., позволили себе быть откровенным...

- Ну, хорошо, - сказал Мелвил и умолк. Она жадно вслушивалась. Наступило напряженное молчание.

- Различие есть, - признал он и, не дождавшись поддержки, продолжал:

- Как бы это выразить? Я думаю, в некотором смысле это различие облегчает ей дело. Он наделен.., я знаю, это звучит пошло, но ведь он не ссылается на это в свою защиту - он наделен определенным темпераментом, в силу которого его иногда, может быть, влечет к ней сильнее, чем к вам.

- Да, я знаю, но почему?

- Ну, понимаете...

- Говорите.

- Вы строги. Вы сдержанны. Для такого человека, как Чаттерис, жизнь.., жизнь - это суровая школа. В нем есть что-то такое - что-то, пожалуй, завидное, чего нет в большинстве из нас, - но мне кажется, что из-за этого временами жизнь дается ему труднее, чем нам, остальным. Жизнь для него - это самоограничение, это следование определенным правилам. Он прекрасно сознает свой долг. А вы... Не придавайте слишком большого значения моим словам, мисс Глендауэр, я могу ошибаться.

- Продолжайте, - сказала она. - Продолжайте.

- Вы слишком напоминаете.., генерального представителя этого долга.

- Ну, конечно! А что же еще...

- Я говорил с ним в Лондоне, и тогда я думал, что он во всем не прав. Но с тех пор мне много чего приходило в голову - в том числе даже и то, что, возможно, не правы вы. В некоторых мелочах.

- Да не старайтесь вы после всего этого щадить мое самолюбие! - воскликнула она. - Говорите!

- Видите ли, для вас все четко и определено. Вы ясно дали ему понять, кем он должен, по вашему мнению, стать и что должен делать. Вы как будто построили дом, в котором он должен жить. Для него уйти к ней - то же самое, что выйти из этого дома - из прекрасного, достойного дома, я этого не отрицаю, - в нечто большее, в нечто рискованное и непредсказуемое. Она.., она как сама природа. Она так же свободна от всех законов и обязательств, как закат солнца, так же раскованна и бесцеремонна, как ветер. Если можно так сказать, она не понимает, как можно любить и уважать человека, когда он делает то-то, и не одобряет его, когда он делает то-то, - она принимает его таким, каков он есть. Она как чистое небо, как подводная чаща водорослей, как полет птиц, как пенная волна. Вот что она такое, по-моему, для него - сама Природа. А вы - вы как...

Он в смущении замолчал.

- Продолжайте, - настаивала она. - Мне нужно это понять.

- Вы - как величественное здание... Я с ним не согласен, - продолжал Мелвил. - Я домашняя кошка, и стоит мне оказаться на улице, как я тут же начну царапаться в дверь и проситься в дом. Я не рвусь наружу. Мысль об этом меня пугает. Но он не такой.

- Да, - сказала она, - он не такой.

Мелвилу показалось, что его интерпретация убедила ее. Некоторое время она стояла в задумчивости. Но понемногу он начал понимать, что это можно истолковать и иначе.

- Конечно, - сказала она, задумчиво глядя на него. - Да. Да, так может показаться. Так это может выглядеть. Но на самом деле... Существует не только видимость, не только впечатление. В конце концов, здесь есть аналогия. Приятно время от времени выйти из дома на воздух, но большинство из нас, почти все мы должны жить в домах.

- Безусловно, - согласился Мелвил.

- Не может же он... Что будет он с ней делать? Как может он с ней жить? Что может быть у них общего?

- Здесь речь идет о влечении, - сказал Мелвил, - а не о продуманных планах.

- Рано или поздно, - сказала она, - он вернется - если я разрешу ему вернуться.

Даже если сейчас он все испортит, даже если проиграет свои выборы, так что придется начинать сначала, с нуля и с куда меньшими шансами на успех, даже если потом будет терзаться...

Она всхлипнула.

- Мисс Глендауэр, - сказал внезапно Мелвил, - мне кажется, вы не совсем понимаете.

- Что я не понимаю?

- Вы считаете, что он не может жениться на этой..., на этом существе, появившемся среди нас?

- Как может он это сделать?

- Да, не может. Вы считаете, что воображение увело его от вас и заставило гнаться за несбыточным. Что он необдуманно, бессмысленно и без всякой пользы губит себя, совершает колоссальную глупость и что теперь нужно просто снова поставить все на свои места

Он замолчал. Она ничего не ответила, но продолжала внимательно слушать.

- Вы не понимаете одного, - продолжал он. - И кажется, никто этого не понимает.

Ведь она пришла...

- Из моря.

- Из другого мира. Она пришла и нашептывает нам, что вся наша жизнь призрачна и нереальна, убога и ограничена, она разрушает своими чарами все иллюзии...

- Так что он...

- Да, и тут она шепчет ему: "Бывают сны лучше!"

Она смотрела на него с нескрываемым недоумением.

- Она намекает на эти неясные лучшие сны, она шепчет, что есть путь...

- Какой же путь?

- Не знаю какой. Но это нечто такое..., что подрывает сами основы этой нашей жизни.

- Вы хотите сказать...

- Она русалка, существо, сотканное из грез и желаний, сирена, шепот, соблазн. Она завлечет его своими...

Он умолк.

- Куда? - прошептала она

- В пучину.

- В пучину?

Наступила долгая пауза. Охваченный бесконечным сочувствием, Мелвил пытался подобрать как можно более туманные выражения, но не мог ничего придумать.

Наконец он выпалил:

- Вы прекрасно знаете, что может существовать только один путь из того сна, в который мы все погружены.

- И этот путь?

- Этот путь... - начал Мелвил и не решился продолжать.

- Вы хотите сказать, - сказала она, побледнев, - что этот путь...

Мелвил не нашел в себе сил произнести это слово. Он только посмотрел ей прямо в глаза и едва заметно кивнул.

- Но как?... - спросила она.

- Во всяком случае... - поспешно сказал он, стараясь выразиться как-нибудь помягче, - во всяком случае, если она его заполучит, этот ваш крохотный мирок... Понимаете, ему в него уже не вернуться.

- Не вернуться, - повторила она.

- Не вернуться, - подтвердил Мелвил.

- А вы уверены? - усомнилась она.

- В чем уверен?

- Что это так.

- Что влечение есть влечение, а пучина есть пучина? Да.

- Я никогда не думала... - начала она и остановилась. - Мистер Мелвил, - сказала она через некоторое время, - знаете, я не понимаю. Я думала... Сама не знаю, что я думала. Я думала, с его стороны это обычная тривиальная глупость - так потерять голову. Я согласна - я поняла, что вы хотели сказать, - согласна, что мы по-разному на него действуем. Но это..., это ваше предположение, что она может толкнуть его на какой-то решительный и бесповоротный шаг... В конце концов она...

- Она - ничто, - сказал Мелвил. - Она - рука, которая схватила его и не выпускает, она всего лишь символ чего-то неведомого.

- Неведомого? Чего же?

Мой троюродный брат пожал плечами:

- Того, чего мы не можем найти в этой жизни. Того, что мы постоянно ищем.

- Но что это? - спросила она.

Мелвил не ответил. Она пристально посмотрела на него, потом снова повернулась к окну, за которым ярко светило солнце.

- Вы хотите, чтобы он вернулся? - спросил он.

- Не знаю.

- Вы хотите, чтобы он вернулся?

- Мне кажется, до сих пор он мне не был так нужен.

- А теперь?

- Да... Но..., если он не вернется?

- Ради работы, - сказал Мелвил, - он не вернется.

- Я знаю.

- И ради собственного самоуважения и всего прочего в этом роде тоже не вернется.

- Да.

- Ведь все это, знаете, тоже сны, только не такие увлекательные. Тот дворец, который вы для него приготовили, - тоже сон. Но...

- Да?

- Он мог бы вернуться... - начал Мелвил, но, взглянув на нее, умолк. Потом он говорил мне, что у него было смутное намерение расшевелить ее, пробудить, вызвать у нее некую вспышку романтической силы, прилив страсти, которая только еще и могла бы вернуть Чанериса. Но в этот момент его как громом ударило - он понял, какая это была нелепая фантазия. Она стояла перед ним - незыблемо верная себе, умная, доброжелательная, но ограниченная, ненастоящая и бессильная. Ее поза, ее лицо говорили лишь об одном - что она от всей души протестует против всего, что с ней произошло, что она сознательно и решительно против этого, что она не намерена с этим смириться.

И тут, к его изумлению, в ней произошла какая-то перемена. Подняв голову, она вдруг протянула к нему обе руки, и в глазах ее появилось что-то такое, чего он никогда раньше не видел.

Он машинально взял ее за руки, и несколько секунд они стояли так, глядя друг другу в глаза с каким-то новым пониманием.

- Скажите ему, - произнесла она с изумившей его прямоотой, - чтобы он вернулся. Нет ничего другого, кроме меня. Скажите ему, чтобы он вернулся!

- И...

- Скажите ему это.

- Что вы его прощаете?

- Нет! Скажите ему, что я хочу его. Если он не вернется ради этого, он не вернется вообще.

Если он не вернется ради этого... - она на мгновение умолкла, - я его не хочу. Нет! Я его не хочу. Он не мой и может идти куда угодно.

Мелвил почувствовал, что ее руки, до сих пор бессильно лежавшие в его ладонях, крепко их сжали и отпустили.

- Очень любезно с вашей стороны, что вы взялись нам помочь, - сказала она, когда он повернулся к двери.

Он взглянул на нее.

- Это очень любезно с вашей стороны, - повторила она и тут же воскликнула:

- Скажите ему, что хотите, лишь бы он вернулся ко мне!.. Хотя нет. Скажите ему то, что я сказала.

Он увидел, что она хочет что-то еще добавить, и остановился.

- Знаете, мистер Мелвил, для меня все это как будто новая книга, которая только что передо мной открылась. Вы уверены...

- Уверен?

- Уверены в том, что вы говорили? В том, что она для него значит... Что если так будет продолжаться дальше, то он...

Она не договорила.

Мелвил кивнул.

- То это означает... - начала она и снова умолкла.

- Не приключение, не случайность, а уход от всего, что может предложить эта жизнь.

- Вы хотите сказать... - настаивала она.

- Это смерть, - произнес Мелвил решительно, и оба на мгновение умолкли. Она вздрогнула, но не отвела глаз. Потом она заговорила снова:

- Мистер Мелвил, скажите ему, чтобы он вернулся ко мне.

- И...

- Скажите ему, чтобы вернулся ко мне, а если... - и в голосе ее неожиданно прозвучало страстное чувство. - А если я не могу его удержать, пусть идет своей дорогой.

- Но... - начал Мелвил.

- Знаю! - вскричала она решительно. - Знаю. Но если он мой, он вернется ко мне, а если нет... Пусть видит свои сны.

Руки ее сжались в кулаки. По ее лицу он видел, что больше она ничего не скажет. Он снова направился к лестнице и, оглянувшись на нее еще раз, начал спускаться.

Дойдя до нижней площадки, он поднял глаза и увидел, что она все еще стоит там, залитая светом.

Ему захотелось как-то дать ей понять, что он на ее стороне, но, не придумав ничего более подходящего, он сказал только:

- Я сделаю все, что смогу. И после неловкой паузы он, едва не споткнувшись, скрылся у нее из вида.

IV

Все правила и приличия требовали, чтобы после этого разговора Мелвил сразу же отправился к Чаттерису. Однако ход событий в этом мире иногда свидетельствует об огорчительном пренебрежении ко всем правилам и приличиям. В тот день Мелвилу суждено было выслушать по очереди самые разные точки зрения - которые по большей части оказались ему совершенно не по душе. В холле он обнаружил миссис Бантинг в обществе некоей шляпки с веселенькой отделкой - видно было, что его поджидают и намерены перехватить.

Когда он, погруженный в глубокое раздумье, спустился к ним, под шляпкой с веселенькой отделкой обнаружилась решительная дама в просторном пыльнике и не слишком модных, но удобных туфлях. Из слов миссис Бантинг выяснилось, что эта незнакомка - леди Пойнтинг-Маллоу, одна из теток Чаттериса. Смерив Мелвила взглядом с ног до головы, дама осведомилась о состоянии Эделин и, выслушав без возражений разнообразные высказывания миссис Бантинг, предложила ему проводить ее до отеля. Он был слишком озабочен своим разговором с Эделин, чтобы воспротивиться.

- Я хожу пешком, - сказала она. - И мы пойдем нижней дорогой.

Он послушно двинулся в путь.

Как только за ними закрылась дверь дома Бантингов, она заметила, что всегда лучше иметь дело с мужчиной, а потом некоторое время молчала.

По-моему, в тот момент Мелвил вряд ли ясно отдавал себе отчет в том, что идет не один. Однако вскоре в его размышления вторгся чей-то голос. Он вздрогнул и очнулся.

- Прошу прощения, - сказал он.

- Эта Бантинг круглая дура, - повторила леди Пойнтинг-Маллоу.

Последовала короткая пауза.

- Мы с ней старые друзья, - сказал Мелвил.

- Возможно, - отозвалась леди Пойнтинг-Маллоу.

Мелвил на мгновение ощутил некоторую неловкость. Он отшвырнул ногой апельсиновую кожуру, валявшуюся на дороге.

- Я хочу докопаться до сути дела, - сказала леди Пойнтинг-Маллоу. - Кто эта другая женщина?

- Какая другая женщина?

- Tertium quid, - ответила леди Пойнтинг-Маллоу с некоторой непоследовательностью, которая, впрочем, не помешала ему уловить смысл сказанного. (Нечто третье).

- То есть русалка? - переспросил Мелвил.

- Чем она их не устраивает?

- У нее хвост.

- С плавником, все, как положено?

- Вполне.

- Вы точно знаете?

- Безусловно.

- Откуда вы знаете?

- Знаю, - повторил Мелвил с необычным для себя раздражением. Леди задумалась.

- Ну, бывают вещи и похуже, чем рыбий хвост, - сказала она наконец.

Мелвил не счел нужным ответить.

- Хм, - произнесла леди Пойнтинг-Маллоу, по-видимому, в качестве комментария к его молчанию, и некоторое время они шли молча.

- Эта девица Глендауэр тоже дура, - сказала она после паузы.

Мой троюродный брат открыл было рот, чтобы что-то сказать, но потом снова закрыл. Что можно ответить леди, которая так выражается? Но если он и не ответил, то его рассеянность, по крайней мере, как рукой сняло. Теперь он остро чувствовал, что рядом с ним идет весьма решительная дама.

- У нее есть средства? - спросила она вдруг.

- У мисс Глендауэр?

- Нет. Про нее-то я все знаю. У той, другой.

- У русалки?

- Да, у русалки. Почему бы и нет?

- О, у нее... Весьма значительные средства. Галеоны, финикийские корабли, полные сокровищ, затонувшие фрегаты, подводные рифы...

- Ну, с этим, значит, все в порядке. А теперь скажите-ка мне, мистер Мелвил, почему бы Гарри на ней не жениться? Что из того, что она русалка? Это ничуть не хуже, чем наследница серебряного рудника в Америке, - по крайней мере, она не так неотесанна и плохо воспитана.

- Во-первых, он помолвлен...

- Ах, вот что!

- А во-вторых, она - Морская Дама.

- Но я думала, что она...

- Она русалка.

- Это не аргумент. Насколько я вижу, она может стать для него отличной женой. Больше того, в этих местах она сможет оказать ему большую помощь - как раз то, что ему нужно. Здешний член парламента, против которого он выступает - этот Сассун, - делает большую ставку на подводные кабели. Что может быть лучше? Гарри легко его одолеет. Так что с этим все в порядке. Почему бы ему на ней не жениться?

Она засунула руки глубоко в карманы пыльника и из-под шляпки с веселенькой отделкой уставилась на Мелвила своими кобальтово-синими глазами.

- Но вы отдаете себе отчет в том, что она настоящая русалка с соответствующим устройством и настоящим хвостом?

- Ну и что? - спросила леди Пойнтинг-Маллоу.

- Не говоря уж о мисс Глендауэр...

- С этим все ясно.

- Мне кажется, такая женитьба невысказана.

- Почему?

Мой троюродный брат попытался обойти этот вопрос.

- Она бессмертна, прежде всего, и у нее есть прошлое.

- Это делает ее только интереснее. Мелвил попытался встать на ее точку зрения.

- Вы считаете, что она могла бы поехать с ним в Лондон, обвенчаться с ним в церкви Святого Георгия на Гановер-Скуэр, снять особняк на Парк-Лейн и ездить с

ним по визитам? (Старинная церковь в фешенебельном районе Лондона, известная как место, где венчаются представители английской аристократии).

- Именно это она и могла бы делать. Как раз сейчас, когда двор начинает просыпаться после летней спячки...

- Но именно этого она делать не станет, - сказал Мелвил.

- Любая женщина станет это делать, если только представится случай.

- Но она русалка.

- Она дура, - сказала леди Пойнтинг-Маллоу.

- Она даже не собирается выходить за него замуж, это не соответствует ее понятиям.

- Ах, вертихвостка! Чего же она хочет? Мой троюродный брат махнул рукой в сторону моря.

- Вот чего! - сказал он. - Она русалка.

- Чего?

- Туда.

- Куда?

- Туда!

Леди Пойнтинг-Маллоу осмотрела море, словно это было для нее что-то новое и любопытное.

- Конечно, семья получится несколько земноводная, - заметила она, подумав. - Но даже в таком случае - если ее не интересует светская жизнь, а Гарри это устраивает, - и, может быть, потом, когда им надоест..., затворничество...

- По-моему, вы не отдаете себе отчета в том, что она русалка, - сказал Мелвил. - А Чаттерис, как вы знаете, дышит воздухом.

- Это действительно может осложнить дело, - согласилась леди Пойнтинг-Маллоу и принялась разглядывать залитое солнцем побережье. - И тем не менее не вижу, почему бы тут нельзя было что-нибудь придумать, - заявила она после паузы.

- Нельзя, - сухо сказал Мелвил.

- Она его любит?

- Она пришла за ним.

- Если она очень его хочет, можно как-то договориться. В таких делах кто-то всегда должен идти на уступки. Ей пришлось бы с ним обвенчаться - это уж во всяком случае.

Мой троюродный брат взглянул ей в лицо и увидел на нем выражение полной невозмутимости.

- А если она захочет, чтобы он наносил визиты ее родным, можно завести яхту и водолазный колокол, - предложила она.

- Насколько я понимаю, ее родные - языческие полубоги и ведут какую-то мифологическую жизнь в Средиземном море.

- Дорогой Гарри сам язычник, так что это не имеет значения. Что до мифологии, то у всякой хорошей семьи есть свой миф. Он мог бы даже являться туда в купальном костюме, если только удастся найти такой, чтобы был ему к лицу.

- Не думаю, чтобы было возможно что-нибудь подобное.

- Это просто потому, что вы никогда не были влюбленной женщиной, - заметила леди Пойнтинг-Маллоу с многоопытным видом и продолжала:

- Если ей нужна морская вода, ничего не стоит устроить бассейн там, где они будут жить, и еще для нее можно будет сделать что-нибудь вроде ванны на колесах... В самом деле, мистер Милвейн...

- Мелвил.

- Мистер Мелвил, я не вижу здесь ничего невозможного.

- Вы видели эту даму?

- Неужели вы думаете, что эти два дня в Фолкстоне я потеряла попусту?

- Но ведь вы не были у нее?

- Боже, конечно, нет! Это должен устроить Гарри. Но я видела, как она в своем кресле на колесах гуляла по Лугам, и могу точно сказать, что еще ни одна женщина не казалась мне такой достойной моего дорогого Гарри. Ни одна!

- Ну, хорошо, - сказал Мелвил. - Но помимо всего есть еще мисс Глендауэр.

- Я никогда не считала, что она годится Гарри в жены.

- Возможно, и нет. И все же..., она существует.

- Мало ли кто существует? - отозвалась леди Пойнтинг-Маллоу и, очевидно, сочла, что это вполне исчерпывает данную тему.

Некоторое время они шли молча.

- Я хотела спросить вас, мистер Милвейн...

- Мелвил.

- Мистер Мелвил, а какое отношение вы сами имеете ко всей этой истории?

- Я друг мисс Глендауэр.

- Которая хочет, чтобы он вернулся.

- Откровенно говоря, да.

- Она ему предана?

- Я полагаю, раз они помолвлены...

- .. Значит, она должна быть ему предана. Да. Так почему она не может понять, что ей надо бы отпустить его на волю ради его же собственного блага?

- Она не считает, что это будет ему во благо. И я тоже так не считаю.

- Устаревшие предрассудки - только из-за того, что у нее хвост. Эти старые перчницы, которые живут у Уомпака, того же мнения, что ивы.

Мелвил пожал плечами.

- И значит, вы намерены давить на него и угрожать от имени мисс Глендауэр...

Ничего у вас не выйдет.

- А могу я спросить, что намерены делать вы?

- То, что всегда делает порядочная тетка.

- А именно?

- Предоставить ему делать то, что он пожелает.

- А если он вздумает утопиться?

- Дорогой мистер Милвейн, Гарри не такой дурак.

- Я же говорил вам, что она русалка.

- Раз десять, не меньше. Наступило напряженное молчание. Вскоре впереди показался фолкстонский подъемник.

- Ничего у вас не выйдет, - сказала леди Пойнтинг-Маллоу.

Мелвил проводил ее до станции подъемника. Там она повернулась к нему:

- Я весьма признательна вам, мистер Милвейн, за то, что вы приехали, и была рада выслушать вашу точку зрения. Дело это непростое, но мы с вами, надеюсь, разумные люди.

Подумайте о том, что я сказала. Как друг Гарри. Ведь вы друг Гарри?

- Мы знакомы уже много лет.

- Не сомневаюсь, что рано или поздно вы со мной согласитесь. Совершенно очевидно, что для него это самое лучшее.

- Но существует мисс Глендауэр.

- Если мисс Глендауэр настоящая женщина, она должна быть готова принести ради его блага любую жертву.

И на этом они расстались.

С минуту Мелвил стоял на обочине напротив станции подъемника, глядя, как поднимается кабина. Шляпка с веселенькой отделкой, яркая, высоко поднятая, самоуверенная, скользила вверх, как идеальное воплощение неколебимого здравого смысла. Он почувствовал, что его снова охватывает смятение; энергия, с которой высказалась эта дама, ошеломила его. Может ли не быть абсолютно прав человек, который говорит так веско и уверенно? А если так, то как быть с теми мрачными предчувствиями, зловещими намеками на бегство из этого мира и нашептыванием о "других снах", которые царили в его мыслях всего полчаса назад?

Он направился обратно в Сандгейт, раздираемый сомнениями. Перед глазами у него явственно стояла Морская Дама, какой она виделась леди Пойнтинг-Маллоу, - нечто цветущее, основательное, шикарное, богатое и отвратительно вульгарное. И в то же время ему столь же явственно вспоминался разговор с ней в саду, ее лицо, погруженное в тень, ее глаза, скрывающие глубокую тайну, и ее шепот, из-за которого весь окружающий мир казался ему не более чем легкой полупрозрачной завесой, за которой открывается нечто туманное, удивительное и до того никогда не виданное.

Чаттерис стоял, облокотившись на перила. Когда Мелвил дотронулся рукой до его плеча, он заметно вздрогнул. Они неловко поздоровались.

- Дело в том, - сказал Мелвил, - что меня просили.., поговорить с вами.

- Не нужно извиняться, - сказал Чаттерис. - Я рад хоть с кем-то об этом поговорить.

Наступило недолгое молчание.

Они стояли рядом, глядя вниз, на гавань. Позади них в отдалении играл оркестр, и под высокими электрическими фонарями двигались в разные стороны маленькие черные фигурки гуляющих. Я думаю, на первых порах Чаттерис твердо решил сохранять самообладание и держаться, как подобает светскому человеку.

- Прекрасный вечер, - сказал он.

- Замечательный, - отозвался Мелвил в том же тоне и отрезал кончик сигары. - Вы хотели, чтобы я вам кое-что сказал...

- Я все это знаю, - сказал Чаттерис, выставив вперед плечо, словно отгораживаясь им от Мелвила. - Все знаю.

- Вы видели ее, говорили с ней?

- Несколько раз.

На этот раз пауза длилась с минуту.

- Что вы собираетесь делать? - спросил Мелвил.

Чаттерис не ответил, а повторять свой вопрос Мелвил не стал.

Через некоторое время Чаттерис повернулся к нему.

- Давайте пройдемся, - сказал он, и они, по-прежнему бок о бок, направились на запад. И тут он произнес целую маленькую речь.

- Мне жаль, что я причинил всем столько хлопот, - сказал он с таким видом, словно эта речь была им давно заготовлена. - Думаю, нет никаких сомнений в том, что я вел себя как осел. Я глубоко об этом сожалею. В значительной мере это моя вина. Но знаете - если речь идет об открытом скандале, то некоторая часть вины

лежит и на нашей дорогой миссис Бантинг, которая так любит высказываться начистоту.

- Боюсь, что так, - признал Мелвил.

- Знаете, бывает, что человека одолевает определенное настроение. И делать его предметом всеобщего обсуждения совершенно ни к чему.

- Что сделано, то сделано.

- Вы знаете, что Эделин как будто уже очень давно возражала против присутствия., этой Морской Дамы. Миссис Бантинг с ней не посчиталась. А потом, когда началась эта история, она попыталась исправить свою ошибку.

- Я не знал, что мисс Глендауэр возражала.

- Возражала. Наверное, она., предвидела. Чаттерис задумался.

- Конечно, все это ни в малейшей мере не оправдывает меня. Но это некоторое оправдание того, что вас втянули в эту историю.

Тут он пробормотал что-то невнятное про "дурацкие дразги" и "личное дело".

Они приближались к оркестру, окруженному толпой любителей музыки. Ее веселый ритм понемногу становился все назойливее. Крытая эстрада была ярко освещена, пюпитры и инструменты музыкантов ослепительно сверкали, а в центре залитый огнями дирижер в красном отбивал такт популярной мелодии: тра-та-та-та, тра-та-та-та. Голоса и обрывки разговоров, доносившиеся до наших собеседников, навязчиво врывались в их мысли.

- Ну, я - то с ним после этого и дела бы иметь не стала, - сообщила своему другу какая-то юная особа.

- Пойдемте отсюда, - резко сказал Чаттерис.

Они свернули с главной аллеи Лугов к лестнице, которая вела вниз с обрыва. Прошло всего несколько секунд - и всех этих эффектных лепных фронтонов, отелей, глядящих многочисленными окнами, электрических огней на высоких мачтах, эстрады, окруженной разношерстной летней британской публикой, как будто никогда не существовало. Это одна из самых впечатляющих особенностей Фолкстона - тишина и темнота, которые начинаются у самых ног веселой толпы. Здесь не было слышно даже оркестра - только далекий намек на музыку доносился до них из-за края обрыва. Склон, весь в черных деревьях, спускался вниз, к линии прибоя, а за ней, в море, светились огни множества судов. И далеко на западе, словно стая светлячков, горели огни Хайда.

Они уселись на свободную скамейку, погруженную в полутьму. Некоторое время оба молчали. Мелвилу показалось, что Чаттерис склонен занять оборонительную позицию.

- "Я-то с ним после этого и дела бы иметь не стала", - пробормотал он задумчиво, а потом громко сказал:

- Должен признать, что по любым меркам проявил неосмотрительность, слабость и был не прав. Весьма. Для таких случаев существует общепринятая и вполне определенная линия поведения. Всякая нерешительность, всякие колебания между двумя точками зрения подлежат справедливому осуждению людей здравомыслящих. Однако... Бывает, что точек зрения все же две... Вы сейчас из Сандгейта?

- Да

- Видели мисс Глендауэр?

- Да.

- Говорили с ней? Я полагаю... Что вы о ней думаете?

Он нетерпеливо затянулся сигарой, не сводя глаз с лица Мелвила, пока тот раздумывал, что ответить.

- Я никогда не считал... - Мелвил остановился в поисках возможно более дипломатических выражений. - Никогда не считал ее особенно привлекательной. Хороша собой - да, но не..., не обаятельна. Но на этот раз она показалась мне..., великолепной.

- Да, так оно и есть, - сказал Чаттерис. - Она такая.

Он выпрямился и стряхнул со своей сигары воображаемый пепел.

- Она великолепна, - подтвердил он. - Вы..., только начинаете ее понимать. Мой дорогой, вы не знаете эту девушку. Она не совсем..., не совсем по вашей части. Уверю вас, это самый честный, чистый и светлый человек, какого я встречал в жизни. У нее такая твердая вера, она так просто делает то, что нужно, она так по-королевски щедра, и все это у нее так естественно...

Он оставил фразу неоконченной, словно и неоконченная она полностью выражала его мысль.

- Она хочет, чтобы вы вернулись к ней, - сказал Мелвил напрямик.

- Знаю, - ответил Чаттерис и снова стряхнул невидимый пепел. - Она так и написала... В этом и проявилось все ее великолепие. Она ничего не скрывает и не играет словами, как обыкновенные женщины. Она не жалуется и не заявляет, что оскорблена в лучших чувствах и что теперь все кончено, она не умоляет вернуться к ней во имя всего святого. Она не говорит: "После этого я с тобой и дела иметь не стану". Она пишет..., начистоту. Мне кажется, Мелвил, раньше я и наполовину не знал ее так, как теперь, когда началась эта история. Теперь я вижу, что она... Раньше, как вы и говорили, да и я это замечал, постоянно замечал, что она слишком..., увлекалась статистикой.

Он задумался. Огонек его сигары понемногу затухал и вскоре совсем погас.

- Вы возвращаетесь?

- Клянусь Богом! Да.

Мелвил чуть встрепнулся, после чего оба некоторое время неподвижно сидели в напряженном молчании. Потом Чаттерис внезапно отшвырнул погасшую сигару таким жестом, словно отбрасывал вместе с ней еще многое другое.

- Конечно, возвращаюсь, - сказал он. - Я не виноват, - продолжал он настойчиво, - что заварилась вся эта каша, эта ссора. Я был подавлен, рассеян - что-то засело у меня в голове. Но если бы меня оставили в покое... Я не по своей воле оказался в таком положении, - подвел он итог.

- Вы должны понять, - сказал Мелвил, - что, хотя, как мне кажется, сейчас ситуация еще не определилась и оставляет желать лучшего, я не виню..., никого.

- Вы беспристрастны, - отозвался Чаттерис. - Вы всегда были таким. И я могу себе представить, как огорчают вас вся эта суматоха и беспокойство. Это необыкновенно мило с вашей стороны - сохранять беспристрастность и не видеть во мне безнадежного отщепенца, беспутного возмутителя спокойствия и мирового порядка.

- Нынешнее положение вещей огорчительно, - сказал Мелвил. - Однако я, может быть, понимаю те силы, под действием которых вы находитесь, возможно, лучше, чем вы догадываетесь.

- Они, по-моему, очень просты.

- Весьма.

- И тем не менее...

- Да?

Казалось, Чаттерис не решается затронуть некую опасную тему.

- Та, другая, - произнес он.

И, поощряемый молчанием Мелвила, он продолжал, бросив все свои заранее подготовленные позиции:

- Что это такое? Почему эта.., это существо ворвалось в мою жизнь, как это сделала она, если все на самом деле так просто? Что есть такого в ней или во мне, что завело меня так далеко в сторону? А она завела меня в сторону, вы знаете. И теперь все перевернулось вверх дном. Дело не в ситуации, это внутренний конфликт. Почему меня бросает то туда, то сюда? Она не выходит у меня из головы. Почему? Не могу понять.

- Она красива, - задумчиво сказал Мелвил.

- Она, безусловно, красива. Но мисс Глендауэр тоже красива.

- Она очень красива. Я не слепой, Чаттерис. Она красива по-другому.

- Да, но это только слова. Почему она очень красива?

Мелвил пожал плечами.

- Она красива не для всякого.

- То есть?

- На Бантинга это не действует.

- Ах, на Бантинга...

- И многие другие этого не видят - как вижу я.

- Многие вообще не в состоянии видеть прекрасное, как видим мы. Переживать его всей душой.

- А почему видим его мы?

- У нас.., чувствительнее зрение.

- Разве? В самом деле чувствительнее? А зачем нужно иметь более чувствительное зрение, чтобы видеть прекрасное там, где нам смертельно опасно его видеть? Зачем? Если только не считать, что все вокруг нас лишено смысла, то почему видеть прекрасное не доступно каждому? Попробуйте рассуждать логически, Мелвил. Почему именно ее улыбка так чарует меня, именно ее голос так меня волнует? Почему ее голос, а не голос Эделин? У Эделин честные, чистые, прекрасные глаза - но все это совсем не то. В чем же дело? Бесконечно малый изгиб века, бесконечно малое отличие в ресницах - и все становится иным. Кто мог бы измерить это различие, кто мог бы определить, почему я тону в звуках ее голоса, как в омуте? В чем различие? В конце концов, оно налицо, оно материально! Я вижу его воочию! Клянусь Богом! - Он вдруг рассмеялся. - Попробовал бы старик Гельмгольц* измерить его своими резонаторами или Спенсер - объяснить его в свете Эволюции и Окружающей Среды! (Спенсер Герберт (1820-1903) - английский философ и социолог, развивавший теорию всеобщей эволюции. Гельмгольц Герман Людвиг Фердинанд (1821- 1894) - немецкий ученый, прославившийся, в числе прочего, своими основополагающими исследованиями по физиологии зрения и слуха).

- Такие вещи не поддаются измерению, - сказал Мелвил.

- Нет, поддаются - по их действию, - возразил Чаттерис. - И вообще почему они на нас так действуют? Вот вопрос, который не дает мне покоя.

Мой троюродный брат погрузился в размышления, при этом, несомненно, сунув руки глубоко в карманы.

- Это иллюзия, - сказал он. - Что-то вроде ореола В конце концов попытайтесь взглянуть на вещи просто. Что она такое? Что может она вам дать? Она обещает вам нечто туманное... Это западня, обман. Она - прекрасная маска... Он запнулся.

- Да? - произнес Чаттерис после паузы.

- Она... Для вас и для всех жизненных реальностей она означает...

- Да?

- Смерть...

- Да, - произнес Чаттерис. - Я знаю. - И повторил еще раз:

- Я знаю. В этом нет для меня ничего нового. Но почему - почему маска смерти так прекрасна? В конце концов... Мы отдаем должное логическим рассуждениям. Но почему все должно сводиться к логике и справедливости? В конце концов, может быть, существуют и вещи, выходящие за пределы нашего рассудка? В конце концов, может быть, Желание тоже властно над нами?

Он умолк в ожидании ответа. Мелвил глубокомысленно молчал. Наконец он сказал:

- Я думаю, Желание тоже властно над нами. Красота, во всяком случае...

- Я хочу сказать, - пояснил он, - что мы люди. Мы - материя, наделенная сознанием, которое вырастает из нас самих. Мы тянемся вниз, в прекрасный, удивительный мир материи, и в то же время вверх, к чему-то... - Он остановился, недовольный образом, возникшим в его воображении, и, не найдя ничего более подходящего, закончил:

- В общем, в другом направлении. - Тут ему неожиданно пришла в голову новая мысль, которой сначала он вовсе не имел в виду:

- Человек - это что-то вроде приюта на полпути, он должен искать компромисс.

- Как вы?

- Ну... Да. Я пытаюсь найти равновесие.

- Несколько старинных гравюр - насколько я понимаю, неплохих, - немного роскоши в мебели и цветах, насколько позволяют ваши средства, Искусство - в умеренном количестве, несколько добродетельных поступков из тех, совершать которые приятно, известное уважение к Истине, Долг - тоже в умеренных дозах... Так? Но это как раз такое равновесие, какое для меня невозможно. Я не могу ежедневно поглощать жизненную овсянку и запивать ее умеренно разведенной порцией Прекрасного. Искусство! Наверное, я просто чересчур жаден, я из тех, кто не приспособлен к жизни - к цивилизованной жизни. Снова и снова я пытался ограничиться лишь разумным, логичным и полезным... Но это не для меня. Это не для меня, - повторил он.

Я полагаю, что Мелвил ничего не ответил. Обсуждение его образа жизни отвлекло его от главной темы разговора. Он погрузился в самолюбивые сравнения. Нет сомнения, что еще немного и он сказал бы, как и большинство из нас в такой же ситуации: "Мне кажется, вы не вполне понимаете мою точку зрения".

- Но в конце концов какой смысл об этом говорить?! - воскликнул вдруг Чаттерис.

- Я просто пытаюсь придать всей этой истории более возвышенный вид, притягивая за уши общие рассуждения. Это оправдания, а я оправдываться не собирался. Мне нужно сделать выбор между жизнью с Эделин и этой Женщиной из Моря.

- Которая есть смерть.

- Откуда мне это знать?

- Но вы сказали, что сделали свой выбор!

- Сделал.

Он как будто спохватился.

- Да, сделал, - подтвердил он. - Я уже вам сказал. Завтра я снова пойду туда, чтобы поговорить с мисс Глендауэр. Да - Тут он вспомнил еще несколько пунктов своего,

как я полагаю, заранее принятого и сформулированного решения - решения, от которого так далеко отклонился их разговор. - Все очень просто: главное в жизни для меня - дисциплина и целеустремленность. Нельзя разбрасываться и отвлекаться на посторонние дела и шальные мысли. Дисциплина!

- И работа.

- Да, работа, если вам угодно, - это все одно и то же. До сих пор моя ошибка состояла в том, что я слишком мало работал. Я остановился, чтобы поболтать с женщиной на обочине дороги. Я попытался схитрить, пойти на компромисс, и то, другое, взяло надо мной верх... Я должен от него отречься, вот и все.

- Притом ваша работа вовсе не заслуживает презрения.

- Клянусь Богом, ни в коем случае! Она.., трудна. Временами она просто неинтересна. Иногда приходится не только преодолевать подъемы, но и лезть в болото...

- Мир нуждается в вождях. Он много чего предлагает за это людям вашего класса. Досуг. Почести. Должную подготовку и высокие традиции...

- И он ожидает получить что-то взамен. Я знаю. Я не прав - был не прав, во всяком случае. Этот сон каким-то удивительным образом овладел мной. И я должен от него отречься. В конце концов это не так уж много - отречься от сна. Это значит - всего-навсего принять решение жить. В этом мире нас ждут великие дела.

Мелвил глубокомысленно изрек:

- Пусть не существует Венеры Анадиомены*, но есть Михаил с его мечом. ("Появившаяся на поверхности моря" (греч.). Одно из прозвищ Афродиты, почитавшейся в Древнем Риме под именем Венеры).

- Да, суровый архангел в доспехах! Правда, он ведь разил настоящего, осязаемого дракона, а не собственные желания. А в наше время с драконами принято так или иначе договариваться - поднимать Минимальную Заработную плату, правдами и не правдами обеспечивать Трудящиеся Классы лучшим Жильем, - отдавать столько же, сколько получаешь.

Мелвил полагает, что тут он несколько искажил его мысль.

- Нет, - продолжал Паттерне. - У меня нет сомнений насчет моего выбора. Я пойду в ногу.., с себе подобными; я займу свое место в шеренге, ведущей великую битву за будущее, которая и есть смысл жизни. От такого морального состояния прекрасно помогает холодный душ, и я его приму. Нужно положить конец этому безнравственному заигрыванию со всякими снами и желаниями. Я распишу все свое время по часам и установлю твердые жизненные правила, я поставлю на карту свою честь, я посвящу себя Служению, как подобает мужчине. Труд с чистыми руками, борьба и подвиг.

- А кроме того, есть ведь еще, знаете ли, мисс Глендауэр.

- Ну, конечно! - сказал Чаттерис с легким оттенком неискренности в голосе. - Возвышенная, с открытой душой и огромными способностями. Клянусь богами! Пусть не будет Венеры Анадиомены, но должна быть хотя бы Афина Паллада. Это она всегда выступает как примирительница.

И тут, к крайнему удивлению Мелвила, он сказал следующее:

- Это будет, знаете ли, не так уж и плохо.

Мелвил говорил мне, что при этих словах с трудом сдержал досаду.

А потом, как он рассказывал, Паттерне произнес что-то вроде речи.

- Дело заслушано, - сказал он, - приговор вынесен. Я - то, что я есть. Все решено, все уже позади. Я мужчина и обязан поступить, как подобает мужчине. Вот передо

мною мечта, свет и водительница мира, призывный огонь на высокой скале. Пусть горит! Пусть зовет! Мой путь лежит рядом с ним - и мимо, минуя его... Я сделал выбор. Я обязан быть мужчиной, прожить жизнь как мужчина и умереть как мужчина, неся бремя своего общественного положения и своего времени. Вот и все! Я предавался мечтам, но вы видите, что я сохранил рассудок. Пусть пылает призывный огонь - я отрекаюсь от него. Я сделал свой выбор... Отречься и снова отречься - вот что такое жизнь для каждого из нас. Если нас и посещают мечты, то лишь для того, чтобы мы могли от них отречься, если в нас есть живое чувство, то лишь для того, чтобы не давать ему пищи. В каждом из нас позволено жить лишь части его существа. Почему же я должен быть исключением? Для меня она - зло. Для меня она - смерть... Но только зачем довелось мне увидеть ее лицо? Зачем посчастливилось услышать ее голос?

VI

Они вышли из тени и стали подниматься по длинной пологой тропе, пока внизу не показалась далекая цепочка огоньков Сандгейта. Вскоре они дошли до обрыва, которым заканчивалась прибрежная возвышенность. Далеко позади по-прежнему играл оркестр, но сюда его звуки долетали смягченными, смутными и едва различимыми. Некоторое время они стояли молча, глядя вниз. Мелвил попытался угадать мысли своего спутника.

- Почему бы не отправиться туда сегодня? - спросил он.

- В такой вечер? - Чаттерис внезапно обернулся и окинул взглядом море, залитое лунным светом. Он стоял неподвижно, и в холодном белом сиянии его лицо казалось твердым и решительным.

- Нет, - произнес он наконец тихо, и это прозвучало как тяжелый вздох.

- Отправляйтесь к той девушке, что ждет вас там, внизу. Покончите с этим делом.

Она там, думает о вас...

- Нет, - сказал Чаттерис. - Нет.

- Еще нет десяти, - сделал Мелвил еще одну попытку.

Чаттерис подумал.

- Нет, - ответил он. - Не сегодня. Завтра, при свете обычного дня. Нужно, чтобы день был самый обычный, будничнейший и серый. С юго-западным ветром. А в такую тихую, ласковую ночь... Неужели вы думаете, что я смогу сегодня сделать что-нибудь подобное?

И он вполголоса произнес еще одно слово, словно оно становилось убедительнее от повторения:

- Отречься...

- Клянусь богами, - сказал он неожиданно, - сегодня какая-то сказочная ночь!

Взгляните на огоньки в этих окнах, там, внизу, а потом посмотрите вверх - в беспредельную синеву неба. Туда, где, словно изнемогая в захлестнувших ее потоках лунного света, сверкает одинокая звезда...

Глава VIII

ЛУННЫЙ СВЕТ ТОРЖЕСТВУЕТ ПОБЕДУ

Выяснить, что именно произошло после этого, оказалось совершенно невозможно. Я привел все сказанные тогда слова, какие запомнил мой троюродный брат, придал им вид связной беседы, сверил с тем, что Мелвил припомнил позже, и в конце концов прочитал ему все подряд. Получилось, конечно, не дословное, но, как он говорит, очень близкое воспроизведение разговора, который они тогда вели: такова была его суть, примерно такие слова были произнесены. И, расставаясь с Чаттерисом, Мелвил был твердо убежден, что решение, о котором тот говорил, окончательно и бесповоротно. Однако потом, говорит он, ему пришло в голову, что решение решением, но осталась еще одна вполне реальная сила, способная к действию, - Морская Дама. Что намерена предпринять она? Эта мысль снова повергла его в смятение и не оставляла его, охваченного нерешительностью и раздираемого сомнениями, пока он не дошел до отеля Ламмиджа.

Перед этим они вернулись к "Метрополю" и расстались у его ярко освещенного парадного подъезда, обменявшись крепким рукопожатием. Мелвилу показалось, что Чаттерис отправился прямо к себе, хотя он в этом и не уверен. Как я понимаю, Мелвилу самому было о чем подумать, и он, по-видимому, побрел прочь через Луга, погруженный в размышления. Потом, когда ему стало ясно, что от Морской Дамы одними отречениями не отделаешься, он, как я и говорил, повернул назад. Однако ничего выяснить ему не удалось, за исключением того, что "Частный и Семейный Отель Ламмиджа" совершенно ничем не отличается от любого другого отеля такого же сорта: его окна не выдают никаких тайн. И на этом рассказ Мелвила заканчивается.

А с ним по необходимости заканчивается и мое обстоятельное повествование. Есть, конечно, еще некоторые источники и кое-какие намеки. Паркер, к сожалению, как я и говорил, ответила отказом. Поэтому главные из этих источников - во-первых, Гуч, лакей, служивший у Чаттериса, и, во-вторых, швейцар "Частного и Семейного Отеля Ламмиджа".

Показания лакея точны, но мало проясняют дело. Он свидетельствует, что в четверть двенадцатого поднялся наверх, чтобы спросить Чаттериса, не надо ли сегодня еще что-то сделать, и обнаружил его сидящим в кресле перед открытым окном, подперев подбородок руками и глядящим в пустоту, - что, как замечает в конце своего труда Шопенгауэр, и составляет суть человеческой жизни.

- Что-то сделать? - переспросил Чаттерис.

- Да, сэр.

- Нет, ничего, - ответил Чаттерис. - Абсолютно ничего.

И лакей, вполне удовлетворенный этим ответом, удалился, пожелав ему спокойной ночи.

Чаттерис, вероятно, оставался в таком положении довольно длительное время - может быть, полчаса или даже больше. По-видимому, настроение его понемногу претерпевало некие изменения. В какой-то момент летаргические размышления, очевидно, сменились лихорадочным возбуждением - чем-то вроде истерической реакции на все его решения и отречения. Первое его действие представляется мне немного карикатурным - и в то же время патетическим. Он зашел в гардеробную, и наутро там, по словам лакея, "вся одежда валялась разбросанная, как будто он что-то искал по карманам". Затем этот несчастный поклонник красоты и мечтатель..., побрился! Побрился, умылся и причесался, причем одна из головных щеток, по словам лакея, оказалась "заброшена за кровать". Но видимо, даже швыряние щетками нимало не помешало ему, подобно любому жалкому смертному, уделить тщательное

внимание своему туалету. Он сменил серый фланелевый костюм - который ему очень шел - на белый, который шел ему еще больше. Надо полагать, он сознательно и старательно "прихорашивался", как выразилась бы школьница.

И, завершив таким образом свое Великое Отречение, он, по-видимому, отправился прямо в "Частный и Семейный Отель Ламмиджа" и потребовал свидания с Морской Дамой.

Однако, Морская Дама уже отошла ко сну. Это сообщение, исходившее от Паркер, ледяным тоном передал ему швейцар.

Чаттерис выругался.

- Скажите ей, что это я, - сказал он.

- Она отошла ко сну, - повторил швейцар с суровостью, подобающей его должности.

- Вы отказываетесь передать ей, что это я? - произнес Чаттерис, внезапно побелев как мел.

- Как о вас доложить, сэр? - спросил швейцар, чтобы, как он объясняет, "избежать скандала".

- Моя фамилия Чаттерис. Скажите ей, что я должен увидаться с ней немедленно. Вы слышите? Немедленно!

Швейцар поднялся наверх, к Паркер, потом направился обратно, но остановился на полпути. В тот момент он предпочел бы оказаться кем угодно, только не швейцаром. Управляющий отелем уже ушел - время было позднее. Швейцар решил еще раз попытать счастья и довольно громко заговорил с Паркер.

Морская Дама, находившаяся в спальне, позвала Паркер к себе. Наступила напряженная пауза.

Насколько я понимаю, Морская Дама накинула просторный пеньюар, и верная Паркер либо перенесла ее, либо помогла ей самой перебраться из спальни на диван в маленькой гостиной. Все это время швейцар томился на лестнице, вознося молитвы - оставшиеся безответными, - чтобы пришел управляющий, а внизу изнывал от нетерпения Чаттерис. И тут перед нашими глазами на мгновение еще раз предстает Морская Дама.

- Я видел ее только через щель, - рассказывал швейцар, - когда эта ее горничная приоткрыла дверь. Она вся приподнялась, опираясь на руки, и повернулась к двери - вот так. А выражение у нее было вот такое...

И швейцар, на вид типичный ирландец с курносом носом, широкой верхней губой и так далее, и к тому же с весьма запущенными зубами, вдруг выставил лицо вперед, выпучил глаза и медленно раздвинул губы в напряженной улыбке. Так он оставался некоторое время, пока не счел, что произвел на меня должное впечатление.

Неожиданно перед ним появилась Паркер, немного покрасневшая, но полная решимости свести все происходящее к плоской банальности, и сказала, что мисс Уотерс согласна принять мистера Чаттериса на несколько минут. "Мисс Уотерс" она произнесла с особым ударением, выразив этим свой протест против того мятежного духа, что несла с собой богиня. И Чаттерис, бледный и решительный, поднялся наверх, навстречу той, которая с улыбкой ждала его. Никто не был свидетелем того, как они встретились, за исключением Паркер - Паркер, разумеется, не могла этого не видеть, но она хранит молчание - молчание, которое не могут нарушить даже самые щедрые посулы.

Поэтому мне известно только то, что я слышал от швейцара.

- Когда я сказал, что она наверху и примет его, - говорит он, - он так туда кинулся, что просто неприлично. У нас частный и семейный отель. Конечно, иногда и здесь приходится всякое видеть, но... Найти управляющего, чтобы доложить ему обо всем, я не мог. А что было делать мне? Некоторое время они разговаривали при открытой двери, а потом ее закрыли. Это ее горничная сделала, готов пари держать.

Я задал ему один недостойный вопрос.

- Ни слова не слышал, - ответил швейцар. - Они стали шептаться - сразу же.

II

А потом...

Примерно без десяти час эта Паркер, придав своей просьбе такой благопристойный вид, какой не смог бы придать чему-нибудь подобному больше никто на свете, спустилась вниз, чтобы потребовать..., подумать только - кресло на колесах!

- Я его принес, - сказал швейцар многозначительно.

А потом, дав мне время проникнуть в смысл сказанного, продолжал:

- А они к нему и не притронулись!

- Неужели?

- Точно. Он вынес ее вниз на руках.

- И понес на улицу?

- И понес на улицу.

По его описанию трудно понять, как выглядела Морская Дама. Видимо, на ней был пеньюар, и она была "похожа на статую", хотя что он имел в виду, неясно. Во всяком случае, не бесстрашие. "Только она была живая", - сказал швейцар. Мне известно, что одна ее рука была обнажена, а волосы распущены и колыхались золотистой волной.

- У него был, знаете, такой вид, как будто он собрался с духом и на что-то решился. А она одной рукой держалась за его волосы - да-да, держалась за волосы, все пальцы в них запустила... А когда увидела мое лицо, закинула голову и рассмеялась. Как будто хотела сказать: "Теперь уж ему никуда не деться!" Да, посмотрела на меня и рассмеялась. Весело так.

Я стоял, рисуя себе эту необыкновенную картину. Потом мне пришло в голову спросить:

- А он смеялся?

- Господь с вами, сэр, что вы! Смеялся? Нет!

III

Все, что есть в этой истории ясного и определенного, заканчивается здесь, в ярком свете, падающем из парадных дверей "Частного и Семейного Отеля Ламмиджа". Вдали простираются пустынные Луга, залитые белым светом луны, такие безлюдные, какой может быть только эспланада прибрежного курорта глубокой ночью, и сияющие всеми своими электрическими огнями. Дальше - темная линия обрыва, круто падающего к морю. А еще дальше, в лунном свете, - пролив, весь усеянный огоньками судов. Перед фасадом отеля - одним из длинного ряда мертвенно-бледных фасадов - стоит крохотная черная фигурка швейцара, тупо устремившего взгляд в

таинственное теплое сияние ночи, поглотившей Морскую Даму вместе с Чаттерисом. И это единственное живое существо на этой картине.

У кромки обрыва, которым кончаются Луга, стоит небольшой навес - там во время зимнего сезона играет струнный оркестр. Рядом с ним круто уходят вниз ступени, ведущие на нижнюю дорогу. По ним, наверное, и спустились эти двое, спеша вниз, прочь из этой жизни, навстречу неведомому и непостижимому. Мне так и кажется, что я вижу их там. И теперь, хотя он и не смеется, на лице его не видно ни сомнений, ни отчаяния. Я убежден, что теперь-то он наконец нашел себя, обрел, по крайней мере на мгновение, уверенность и счастлив хотя бы этим, пусть даже всего лишь несколько быстрых шагов на этом пути остаются ему до гибели.

Они спускались в мягком лунном свете, высокие, белые и прекрасные, сплотившись воедино. Он держит ее в объятиях, склонив голову на ее белоснежное плечо, спрятав лицо в ее роскошных волосах. А она, наверное, улыбается поверх его головы и, ласково глядя его, что-то ему шепчет.

Вероятно, они на мгновение мелькнули в теплом свете фонаря, стоящего на середине спуска, а потом вокруг них снова сомкнулась тьма. Держа ее на руках, он, видимо, пересек дорогу, прошел под кружевной листвой деревьев, сквозь которую пробивался лунный свет, через кустарник у подножья обрыва и вышел на пляж, весь залитый лунным сиянием. Никто не видел, как они спускались, никто не может сказать, оглянулся ли он в последний раз назад перед тем, как войти в фосфоресцирующее море, некоторое время плыть рядом с ней, а потом исчезнуть, чтобы больше никогда не появляться в этом сером земном мире.

Хотел бы я все-таки знать, оглянулся ли он назад. Некоторое время они плыли вместе, человек и морская богиня, пришедшая за ним, и над ними было только небо, а вокруг них - вода, пронизанная теплым лунным светом и сверканием моря. Вряд ли он, плывя с ней в неведомое, думал об истине или о долге, который оставил позади. А о том, что было дальше, я могу лишь гадать и грезить. Ощутил ли он в последний момент неожиданный ужас, осознал ли вдруг свою непоправимую ошибку, пожалел ли о ней, когда, пуская пузыри, со страшной быстротой погружался вниз, в неведомые глубины? Или она была с ним нежна и ласкова до самого конца, когда, обвив его руками, увлекла вниз - вниз, где вода мягко сомкнулась над ним, вниз, в тихий экстаз смерти?

Нам не дано проникнуть в эти тайны, и здесь, где волны с тихими вздохами набегают на берег, заканчивается история Чаттериса. А в качестве эпилога к ней представьте себе полицейского, перед самым рассветом обнаружившего пеньюар, который был на Морской Даме и к которому уже подбирались волны прилива. Не какую-нибудь тряпку, какие иногда выбрасывают бедняки, а пышный, дорогой пеньюар. Я как будто вижу, как он стоит озадаченный, перекинув пеньюар через руку и держа в другой руке фонарь, и вглядывается сначала в белый пляж и черные кусты, начинающиеся за ним, а потом в море. Ему непонятно, как можно выбрасывать такую удобную и хорошую вещь.

- Это же надо, до чего люди доходят, - наверное, говорит он, этот незадачливый обитатель простого и незамысловатого мира. - Что бы это могло значить? Выбросить такой замечательный пеньюар...

На всем южном небосклоне видны были только одинокая планета и заходящая луна, а из-под ног у него, наверное, тянулась зыбкая полоска света, уходившая до самого горизонта, до той темной черты, над которой начиналось небо. По обе стороны ее во тьме то и дело вспыхивали блески фосфоресценции, а вдали ярко

горели желтые огни кораблей. На мгновение показавшись из таинственной тьмы, мерцающую световую дорожку пересек черный силуэт рыболовной шхуны. На западе крохотной красной точкой горел сигнальный огонь на мысе Дандженесс, а на востоке мощный луч большого маяка Гри-Нэ, то исчезая, то снова появляясь, неустанно рассекал небо.

Я вижу, как гаснет вдали недоумевающий огонек его фонаря - слабое розовое пятнышко любопытства на фоне беспредельной, таинственной, безмятежной ночи.

48

<http://book.zehinli.info>

47